

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1981

12

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

12

1981

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР Қ. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. Қ. НУРМУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, член-корр. АН УзССР С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. Э. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, доктор филос. наук Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), доктор филос. наук Қ. Х. ХАНАЗАРОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

К 40-летию победы под Москвой

М. Ш. КАСЫМОВА

УЧАСТИЕ ВОИНОВ-УЗБЕКИСТАНЦЕВ В РАЗГРОМЕ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ

В истории всех народов и государств бывают выдающиеся события, которые навсегда сохраняются в памяти миллионов людей и становятся достоянием всемирной истории. Именно к таким событиям относится грандиозная по своим масштабам и значению вооруженная борьба, развернувшаяся 40 лет назад, осенью 1941 г., и продолжавшаяся зимой 1941—1942 гг. на дальних и ближних подступах к столице нашей Родины — Москве.

Эта битва, закончившаяся поражением мощной группировки немецко-фашистских войск, имела всемирно-историческое значение. В результате георической борьбы советских воинов, защищавших Москву, был окончательно развеян миф о непобедимости немецко-фашистской армии, сорван план «молниеносной войны» и созданы предпосылки для наступления Советской Армии зимой 1941—1942 гг.

Гитлеровское командование делало особую ставку на захват столицы нашей Родины, полагая, что взятие Москвы обеспечит им победу в войне.

Потерпев неудачу в осуществлении своего плана «молниеносного захвата Москвы», гитлеровцы осенью 1941 г. разработали новый план крупномасштабной операции под названием «Тайфун». Фашистское командование предполагало силами группы армий «Центр» (77 дивизий) прорвать оборону советских войск ударами трех танковых группировок из районов Духовщины, Рославля и Шостки, окружить в районах Вязьмы и Брянска основные силы Западного, Резервного и Брянского фронтов и последующими ударами пехотных соединений с запада, а танковых и моторизованных — с севера и юга — овладеть Москвой.

Перед лицом величайшей опасности Коммунистическая партия и Советское правительство обратились к воинам Красной Армии и советскому народу с призывом отстоять родную столицу. Были приняты срочные меры к тому, чтобы создать прочную, глубокую оборону на подступах к Москве, надежно прикрыть ее с воздуха, ускорить формирование и сосредоточение крупных резервов.

3 ноября газета «Правда» писала в передовой статье: «Мы вступаем в полосу самых серьезных и напряженных боев за Москву... перед всеми воинами, обороняющими подступы к Москве, стоит теперь величайшая историческая задача — выдержать и этот новый напор гитлеровских полчищ, встретить его железной стойкостью, мужеством, самоотверженностью.

Ни шагу назад!

Нужно, чтобы каждый человек, находящийся в Москве, каждый

боец и командир, обороняющий рубежи на дорогах к столице, чтобы все осознали великое историческое значение битвы под Москвой...»

Большое значение в мобилизации всех сил страны на отпор врагу имели торжественное заседание Московского Совета 6 ноября 1941 г., посвященное 24-й годовщине Великого Октября, и парад воинских частей на Красной площади 7 ноября. Многие части прямо с парада ушли на фронт.

На многочисленных митингах и собраниях советские люди, в том числе трудящиеся Узбекистана, выражали горячую солидарность с героическими защитниками столицы, клялись сделать все возможное, чтобы усилить помощь родной Красной Армии.

Именно в этот период партийными организациями Узбекистана была проделана огромная работа по формированию национальных воинских частей и соединений. В течение ноября 1941 — марта 1942 г. в республике было сформировано 14 национальных соединений, которые проявили на фронтах Великой Отечественной войны высокое мужество и беззаветный героизм. В рядах героических защитников Москвы зимой 1941—1942 гг. были и соединения, сформированные в Узбекистане, — 44-я кавалерийская, 21-я кавалерийская (впоследствии гвардейская), 259-я стрелковая (впоследствии гвардейская) дивизии и др.¹

Славную страницу в историю Московской битвы вписала 316-я стрелковая дивизия 16-й армии Западного фронта, в составе которой было много узбекистанцев. Сформированная в июле 1941 г. в Среднеазиатском военном округе, она была многонациональной по своему составу. Командовал соединением бывший военком Киргизской ССР, активный участник гражданской войны и борьбы с басмачеством в Средней Азии генерал-майор И. В. Панфилов. Костяк командного состава дивизии составляли питомцы Ташкентского общевоинского училища им. В. И. Ленина.

Части дивизии И. В. Панфилова совместно с кавалерийской группой генерал-майора Л. М. Доватора и 1-й гвардейской танковой бригадой генерал-майора М. Е. Катуква прикрывали центр 16-й армии вдоль Волоколамского шоссе.

16 ноября, перегруппировав свои силы и подтянув свежие резервы, немецко-фашистские войска группы армий «Центр» вновь перешли в наступление. В течение дня панфиловцы во взаимодействии с кавалеристами и танкистами отразили несколько ожесточенных атак танков противника, прочно удерживая свои позиции.

В этот день особо отличилась группа воинов 1075-го стрелкового полка во главе с политруком В. Г. Клочковым.

Разъезд Дубосеково Калининской железной дороги, близ Волоколамска, стал священным местом в истории обороны Москвы. Здесь особенно ярко проявились беспримерный героизм и самоотверженность советских воинов, сражавшихся на подступах к Москве.

Вдохновленные словами своего политрука: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади — Москва!», 28 бойцов преградили путь 50 танкам врага и не дали им прорваться на Волоколамское шоссе.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1942 г. все участники этого легендарного боя были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Имя политрука В. Г. Клочкова навечно занесено в списки 4-й роты 1075-го полка 318-й дивизии.

Героический подвиг 28 гвардейцев у маленького разъезда Дубосеково бессмертен, как бессмертен народ, из которого они вышли.

¹ Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1974, с. 420.

Беспримерное мужество проявила также группа саперов во главе с младшим лейтенантом П. И. Фирстовым и младшим политруком А. М. Павловым, прикрывавшая отход 1077-го стрелкового полка на новый оборонительный рубеж. У деревни Строково фашисты двинули против горстки бойцов 20 танков. Неравный поединок длился несколько часов. Враг потерял 7 танков и много солдат и офицеров. За проявленный героизм саперы, воспитанники САВО П. И. Фирстов, А. М. Павлов, А. К. Матеркин, А. Н. Зубков, П. И. Синеговский, В. И. Семенов, П. Г. Калюжный, Е. А. Довжук, П. Т. Гениевский, В. И. Манюшин, Г. В. Ульченко были посмертно награждены орденом Ленина².

Стойкость и героизм личного состава 316-й дивизии, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками при обороне Москвы, были высоко оценены Советским правительством. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1941 г. дивизия была награждена орденом Красного Знамени, а приказом Верховного Главнокомандующего от 18 ноября преобразована в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию³.

В рядах панфиловцев бесстрашно сражались воины-узбекистанцы: командир взвода лейтенант Икрам Джалилов, военврач Гулям Абдукаримов, Мамадали Мадаминов, Абдулла Тагаев и другие⁴.

Именно в дни жестоких сражений под Москвой поэт Владимир Луговской писал:

«...Узбекистан!
...Дети твои
Москву защищают
Вместе с народами
Нашей страны.
После атаки
В морозном окопе
Воину
В дреме тревожной
Видны
Твоих тополей
Золотистые копыя,
Белый
Хлопковый веночек
Ферганы...»⁵

Газета «Правда Востока» опубликовала тогда немало статей, посвященных подвигам воинов-узбекистанцев. Так, в статье под названием «Не пустить врага к Москве!» рассказывалось о младшем лейтенанте Ширматове, который в одном бою уничтожил огнем из пулемета свыше 50 фашистских солдат и офицеров и вдогонку бежавшим крикнул: «А ну, кто еще хочет на Москву?»⁶

Газета «Правда» рассказала о смелом поступке красноармейца Ахмеда Алиева. На Можайском направлении наши части контратакой выбили немцев из ряда сел. В ночь на 15 ноября кавалерист Ахмед Алиев был послан в разведку. Находясь в засаде, он увидел вдали скачущего на коне немецкого офицера. Алиев бросился за ним, на всем ходу вырвал офицера из седла и доставил его в штаб части⁷.

Участвовал в обороне Москвы и учитель из Шахрисабза Саид Ниязов, будущий кавалер орденов Славы всех трех степеней. В боях под

² Краснознаменный Туркестанский. М., 1976, с. 186.

³ Великая битва под Москвой. Краткий исторический очерк. М., 1961, с. 143.

⁴ Джураев Т. В боях за Советскую Родину. Ташкент, 1970, с. 60—61.

⁵ «Правда Востока», 1941 г., 7 ноября.

⁶ «Правда Востока», 1941 г., 8 ноября.

⁷ «Правда Востока», 1941 г., 21 ноября.

Ржевом командир роты приказал бойцам Ниязову и Лебедеву подорвать полотно железной дороги. Два друга в морозную ночь отправились на выполнение боевого задания. Ни 40-градусный мороз, ни глубокий снег не помешали успешному осуществлению этой операции — вражеский эшелон с боеприпасами и солдатами был взорван⁸.

4-я отдельная истребительная противотанковая бригада держала оборону под Серпуховым. В ее составе тоже воевали узбекистанцы. В их числе — сержант Н. И. Голубичный из Ташкентской области, наводчик орудия Саидов из Самарканда, подавальщик Маликов из Ташкента и другие. В ожесточенных боях расчет орудия Н. И. Голубичного не раз показывал образцы мужества и храбрости⁹.

В одном из боев отличился танковый экипаж старшины К. П. Федоркова, который 9 раз ходил в атаку, подавил 5 пушек, около десятка мкнометов, большое количество пулеметов. В составе экипажа были: украинец И. Рябченко — механик-водитель, белорус А. Мирошкин — башенный стрелок и узбек З. Ахмеджанов — стрелок-радист¹⁰.

27 ноября 1941 г. со страниц «Правды» прозвучал уверенный голос партии: «Под Москвой должен начаться разгром врага!»

Усилиями партии, всего многонационального советского народа, героизмом и стойкостью советских воинов были созданы необходимые условия для перехода Красной Армии в контрнаступление. Под Москвой еще велись тяжелые оборонительные бои, а в нашем глубоком тылу уже готовились резервы для мощного удара по противнику. В конце ноября — начале декабря войска Западного, а также Калининского и Юго-Западного фронтов получили значительные подкрепления.

Советские войска не обладали тогда превосходством над противником в силах и средствах. Но у них было одно неоспоримое превосходство — высочайший моральный дух личного состава.

«В ноябре—декабре 1941 года,— вспоминал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков,— торжествовали наше морально-политическое превосходство и советское военное искусство!»¹¹

5—6 декабря 1941 г. войска Западного, Калининского и правого крыла Юго-Западного фронтов перешли в решительное контрнаступление.

Период освободительных боев под Москвой изобилует примерами массового героизма воинов различных национальностей нашей страны.

Немало ярких страниц внесли в историю оборонительных и наступательных боев под Москвой командиры и бойцы 34 и 35-й отдельных курсантских стрелковых бригад, сформированных на базе Ташкентского общевойскового училища им. В. И. Ленина. В боях за Крюково, Истринское водохранилище, Истру, Клин и другие населенные пункты Подмосковья воспитанники училища показали образцы мужества, бесстрашия и героизма.

В ходе боевых действий с декабря 1941 г. по апрель 1942 г. 34-я бригада прошла более 200 км, освободив от немецких захватчиков свыше 100 населенных пунктов и г. Южнов.

3 декабря 1941 г. 35-я отдельная курсантская стрелковая бригада заняла оборону в районе Москвы, на ст. Луговая—Хлебниково—Еремино. Весь декабрь 1941 г. бригада вела ожесточенные бои с врагом:

⁸ Кургузов И. Солдатская доблесть. Ташкент, 1970, с. 178.

⁹ Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). В трех томах. Т. I. Узбекистан в первый период Великой Отечественной войны (1941—ноябрь 1942 г.). Ташкент, 1981, с. 318.

¹⁰ «Правда Востока», 1941 г., 21 декабря.

¹¹ «Литературная газета», 1981 г., 18 ноября.

12 декабря — за Солнечногорск, в районе совхоза Никольский, 21 декабря — за освобождение Волоколамска и т. д.¹²

В боях под Москвой отличились и воины 44-й кавалерийской дивизии, сформированной в Узбекистане. 106 бойцов и командиров этой части были награждены орденами и медалями Советского Союза в ходе боев под Москвой. За образцовое выполнение воинского долга, мужество и отвагу в январе 1942 г. санинструктор Султан Мухамедшин и военфельдшер Р. Б. Шагиахметов были награждены орденом Ленина. Они спасли жизнь сотням бойцов и командиров. В числе награжденных были также Т. Нуралиев, Х. Шадиев и другие бойцы-узбекистанцы¹³.

Орденом Красной Звезды был награжден военный юрист Хаким Мусабаев, боевыми медалями — наводчик противотанкового орудия Рамазан Абдукасымов, заряжающий Аминжон Абдуллаев, командир отделения Рамазан Алиев, командир взвода младший лейтенант Ходжа Бектурсунов, кавалерист 2-го кавалерийского корпуса Джума Батыров и многие другие¹⁴.

В боях за Москву прославился комсомолец-артиллерист из Намангана Абдусаттар Рахимов. Кандидат химических наук Арифджан Мирзаев был начальником химической службы 520-го дивизиона. Позднее он участвовал в боях за Смоленск, Витебск, Минск, Бобруйск, Белосток, Варшаву¹⁵.

Курбан Атаев был удостоен ордена Славы III степени. За надежное обеспечение телефонной связи Аминджон Рахманов был награжден орденом Красной Звезды. В составе 4-й гвардейской кавалерийской дивизии в боях за населенные пункты Гербово, Петрово, Ордино, Тимомино проявили бесстрашие и героизм командир 2-го эскадрона 74-го кавалерийского полка коммунист Мухитдин Ибрагимов, кавалеристы Махмудов и Шайхутдинов¹⁶.

Первое боевое крещение получили под Москвой будущие Герои Советского Союза ташкентец Салих Умаров и генерал Сабир Рахимов.

В дни жестоких боев под Москвой наряду с другими воинскими частями из Узбекистана прибыла 38-я стрелковая бригада. В числе ее политработников был и Ш. Р. Рашидов, проводивший активную политико-воспитательную работу среди бойцов. За проявленную доблесть и мужество 38-я отдельная стрелковая бригада была преобразована в 4-ю гвардейскую.

Герой Социалистического Труда Убайдулла Мусаев за смелость и умелое руководство боем был награжден орденом Отечественной войны II степени¹⁷.

Ордена Красной Звезды был удостоен ферганский хлопкороб, колхозник из артели «Индустрия» Зияд Муминов¹⁸.

Тяжелое ранение в боях под Москвой получил Сабир Юнусович Юнусов — ныне директор Института химии растительных веществ АН УзССР, член-корреспондент АН СССР, действительный член Немецкой академии естествоиспытателей.

Таких примеров можно привести очень много. Они наглядно сви-

¹² Ташкентское общевоинское училище имени В. И. Ленина. Ташкент, 1978, с. 122—123.

¹³ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 18, д. 182, л. 35.

¹⁴ Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны, с. 319.

¹⁵ Там же, с. 322.

¹⁶ Там же, с. 321.

¹⁷ «Правда», 1965 г., 21 сентября.

¹⁸ «Кизил Узбекистан», 1960 г., 26 октября.

детельствуют об активном участии воинов-узбекистанцев в исторической битве под Москвой.

«Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны,— говорил маршал Г. К. Жуков,— я всегда отвечаю: битва за Москву»¹⁹.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой продемонстрировал перед всем миром преимущества советского общественного и государственного строя, величайшую стойкость многонационального советского народа на фронте и в тылу, высокий моральный дух советских воинов, их беспримерное мужество, правильность ленинской национальной политики, сплотившей народы Советского Союза в монолитном единстве вокруг Коммунистической партии для защиты завоеваний Великого Октября и достижения победы над врагом.

---

¹⁹ Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим в го фюрер. М., 1981, с. 366.

Н. ТАШХОДЖАЕВА

ПАТРИОТИЗМ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА УЗБЕКИСТАНА В ПЕРИОД БИТВЫ ЗА МОСКВУ

Суровой осенью 1941 года, когда началась великая битва за Москву, Коммунистическая партия мобилизовала все силы на отпор врагу, на защиту столицы нашей Родины, первой в мире страны социализма.

На призыв партии защитить родную Москву ответил весь советский народ. Достойный вклад в оказание максимальной помощи героическим защитникам Москвы внесло колхозное крестьянство Узбекистана. Тысячи колхозников влились в ряды Красной Армии и с оружием в руках били врага под Москвой и на других фронтах, а оставшиеся в тылу делали все для бесперебойного снабжения фронта и тыла продукцией сельского хозяйства.

Большое значение в этом деле имело дальнейшее расширение орошаемых площадей в республике. В трудных условиях военного времени колхозники Узбекистана в небывало короткие сроки соорудили Северный Ташкентский, Сох-Шахимарданский, Касансай-Чустский, Верхне-Учкурганский каналы, канал «Ватан учун» («За Родину») и другие, что позволило включить в сельскохозяйственный оборот крупные массивы новых плодородных земель¹.

Строители каналов показывали образцы стахановского труда. Несмотря на неблагоприятную погоду многие из них в несколько раз перевыполняли свои нормы.

В тяжелые дни битвы за Москву перед сельскими тружениками республики встала ответственной задачей — своевременно и без потерь собрать выращенный их усилиями высокий урожай хлопка — важного промышленного, оборонного сырья.

Колхозники Янгиюльского района Ташкентской области в своем обращении, опубликованном в газетах «Правда Востока», «Кизил Узбекистан», призвали всех тружеников сельского хозяйства встать на военную вахту до полного разгрома врага. В большинстве колхозов Узбекистана состоялись митинги и собрания, на которых колхозное крестьянство единодушно заявляло о своей готовности отдать все силы общему делу победы над врагом.

Так, на митинге в колхозе «10 лет Октября» Джизакского района Самаркандской области звеньевая Хумра Юрова заявила: «Женщины нашего колхоза должны быть готовыми к тому, чтобы во всех участках общественного хозяйства заменить мужчин. Я призываю всех колхозниц к образцовой работе на полях»².

Колхозники Наманганской области решили: «Удвоить ряды стахановцев, привлечь на уборку урожая все трудоспособное население».

¹ Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. Ташкент, 1975, с. 99.

² «Ленинский путь», 1941 г., 5 октября.

На хлопковые поля республики вышли все трудоспособные жители села, в том числе более 40 тыс. колхозников в возрасте старше 60 лет³.

В сельхозартели «Первое Мая» Турткульского района ККАССР 65-летняя колхозница, мать красноармейца Раимкулова выполняла на сборе хлопка 2,5 нормы. В колхозе им. Тельмана Ходжабадского района Андижанской области стахановки-пятнадцатитысячницы Р. Янгибаева, А. Назарова, Р. Усманова ежедневно сдавали на хирман по 140—165 кг отборного сырца⁴. Их примеру следовали тысячи сельских тружеников, прежде всего женщины. Многие районы значительно перевыполнили план. Самый высокий урожай был получен в Янгиюльском районе: с площади свыше 9 тыс. га было сдано государству по 30,5 ц/га хлопка-сырца⁵.

Досрочно выполнили годовые задания по хлопкозаготовкам Каракалпакская АССР, Ташкентская, Самаркандская, Бухарская, Сурхандарьинская, Хорезмская области.

Благодаря огромной организаторской деятельности Коммунистической партии Узбекистана, самоотверженным усилиям всех тружеников села 5 декабря 1941 г., в канун начала разгрома гитлеровских войск под Москвой, республика выполнила план хлопкозаготовок. Государство получило 1 574 200 т хлопка-сырца — на 191 тыс. т больше, чем в 1940 г., при росте урожайности на 2 ц/га⁶.

Воодушевленное победой под Москвой колхозное крестьянство Узбекистана успешно выполняло также плановые задания и социалистические обязательства по другим отраслям земледелия и животноводства.

Наилучших показателей по развитию общественного животноводства в колхозах добились: Каракалпакская АССР, обеспечившая прирост поголовья по крупному рогатому скоту на 22,4%, по каракульским овцам — на 17 и по курдючным овцам — на 12,9%; Сурхандарьинская область, добившаяся по каракульским овцам прироста поголовья на 23,4%, по курдючным — на 13,2%⁷.

В целом за 1941 г. колхозы республики выполнили планы поставок государству по мясу — на 108,3%, по молоку — на 153,4, по яйцам — на 165,5, по шерсти — на 105,5, по каракулю — на 111,7%⁸.

Шелководы Узбекистана получили в 1941 г. 12 051 т коконов⁹.

Колхозное крестьянство Узбекистана дало также Родине большое количество зерна, овощей, бахчевых, фруктов и т. д.

Патриотизм колхозного крестьянства ярко проявился и в активном участии во всенародном движении по сбору средств в фонд обороны.

Так, колхозники и колхозницы Каршинского района Бухарской области внесли в фонд обороны 125 тыс. руб., члены сельхозартели им. Ахунбабаева Кассанского района — 100 ц пшеницы и 100 кг орехов, колхозники Гиждуванского района Бухарской области — около 30 тыс. руб. и большое количество продуктов¹⁰. В Чустском районе Наманганской области за два дня было собрано 370 тыс. руб.¹¹

³ «Коммунист», 1941 г., 23 сентября.

⁴ «Кизил Узбекистан», 1941 г., 17 сентября.

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 8, д. 5573, л. 5.

⁶ Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Т. I. Ташкент, 1981, с. 154.

⁷ «Ленинский путь», 1942 г., 28 февраля.

⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 32, д. 3012, л. 5.

⁹ Там же, Р-2083, оп. 1, д. 195, л. 2.

¹⁰ «Красная Бухара», 1941 г., 22 сентября.

¹¹ «Кизил Узбекистан», 1941 г., 21 октября.

По архивным данным, только в конце 1941 — начале 1942 г. колхозники Узбекистана сдали в фонд обороны 2389 ц зерна, 1808 ц мяса, 200 ц шерсти, 1495 ц сена, 325 ц сухофруктов, 430 ц овощей и 40 млн. руб. деньгами¹².

Большую роль в увеличении фонда обороны сыграли коммунистические субботники и воскресники, в которых участвовало и колхозное крестьянство.

Широкое распространение получил сбор теплых вещей и подарков для советских воинов. 9 сентября 1941 г. колхозники Янгиюльского района Ташкентской области обратились ко всем трудящимся Узбекистана с призывом ускорить сбор теплых вещей для бойцов Красной Армии¹³.

Передовые колхозницы сельхозартели «Шарк Юлдузи» Янгиюльского района в обращении ко всем женщинам Узбекистана писали: «Мы должны окружить материнской заботой и лаской наших братьев, геройски сражающихся в битве под Москвой. Помните, что надвигается осень и зима. От нас, дорогие сестры, зависит сделать так, чтобы в самый суровый мороз нашим бойцам и командирам было тепло»¹⁴.

Женщины этого колхоза решили отправить на фронт 40 полушубков, 40 ватных костюмов, 40 пар валенок, 100 пар теплых перчаток. Их обращение широко обсуждалось на массовых митингах и собраниях колхозниц республики. «Правильно поступили янгиюльцы, — заявила на собрании в колхозе им. 20-летия Октября Фрунзенского района Ферганской области Шарафат Кузиева. — Горячо поддерживаем их предложения. Каждая из нас может дать для армии теплые вещи»¹⁵. Уже во время этого собрания 13 человек принесли овечью шерсть, а многие женщины — теплую одежду.

На 1 января 1942 г. только в Ферганской области было собрано и изготовлено из поступившего сырья: 16 286 овчин, 1856 полушубков, 1902 меховых жилета, 3529 пар валенок, 16 686 пар шерстяных перчаток и варежек и т. д. В целом по республике осенью 1941 г. было собрано 130 тыс. кг шерсти, 135 тыс. овчин, около 70 тыс. ватных курток, 44 тыс. ватных брюк, 127 тыс. шерстяных носков и варежек, 62 тыс. шапок-ушанок и др.¹⁶

Непрерывным потоком шли на фронт посылки с подарками колхозников Узбекистана. «Примите и мой скромный дар для бойцов Красной Армии. Пусть подарки, приобретенные на трудовые деньги, порадуют их сердца и еще раз напомнят, как мы их любим», — с этими словами колхозница сельхозартели им. Жданова Фрунзенского района Ферганской области Раджабиби Юсупова, мать четырех воинов, передала председателю колхоза 500 руб. и 30 кг кишмиша¹⁷.

К декабрю 1941 г. только труженики Андижанской области отправили на фронт 1562 посылки. В Самаркандской области было собрано в качестве дара бойцам 6751 кг кишмиша, 22 309 кг сухих фруктов, 5914 кг овощей, 1034 кг риса, 24 750 руб. наличными¹⁸. Всего вместе с коллективными подарками было отправлено на фронт 300 вагонов с новогодними подарками в виде индивидуальных посылок¹⁹.

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 9, л. 109, л. 20.

¹³ «Правда Востока», 1941 г., 10 сентября.

¹⁴ «Правда Востока», 1941 г., 4 октября.

¹⁵ «Кизил Узбекистан», 1941 г., 7 октября.

¹⁶ Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны, т. I, с. 288.

¹⁷ «За коммунизм», 1942 г., 8 марта.

¹⁸ Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны, т. I, с. 289.

¹⁹ История Узбекской ССР. Т. IV. Ташкент, 1968, с. 86.

Для вручения новогодних подарков командирам и политработникам Красной Армии в канун 1942 г. из Узбекистана на фронт отбыла делегация во главе с Председателем Президиума Верховного Совета УзССР Ю. Ахунбабаевым. Посланцы узбекского народа побывали во многих частях Действующей Армии, передав воинам горячий привет от узбекского народа и пожелания скорейшей победы над врагом. Повсюду делегацию встречали с большой радостью и теплотой. Выражая мысли и чувства бойцов, командиров и политработников Западного фронта, генерал-лейтенант Л. А. Говоров сказал: «В тяжелые дни, когда обнаглевший враг приближался к Москве, и она была в серьезной опасности, мы — защитники столицы, не унывали. Мы твердо стояли на своих позициях и продолжали наносить удары по врагу. Мы чувствовали постоянную помощь и поддержку всего советского народа, в том числе и узбекского. Мы знаем, что все вы нам очень близки и дороги так же, как и мы вам»²⁰.

Бойцы Красной Армии в своих письмах сердечно благодарили трудящихся Узбекистана за их заботу о фронтовиках. Письма с фронта и ответы на них трудящихся имели большое общественно-политическое значение. Они укрепляли живые связи армии с народом, единство фронта и тыла в общей борьбе с врагом.

В своих письмах рабочие, колхозники, представители советской интеллигенции заверяли воинов героической Красной Армии, что отдадут все свои силы самоотверженному труду в тылу, чтобы обеспечить разгром ненавистного врага. В ответных письмах воины тепло благодарили трудящихся за заботу и героический труд во имя защиты социалистической Родины от фашистских захватчиков и клялись наносить еще более сильные удары по гитлеровским полчищам.

Так, в период ожесточенных боев под Москвой бойцы одной из частей писали женщинам г. Ташкента: «Матери и жены, великие труженицы социалистического Отечества! Получив ваши подарки, мы, красноармейцы, командиры и политработники, приносим вам большое красноармейское спасибо за проявленную о нас материнскую заботу. Ваши подарки подтверждают связь Рабоче-Крестьянской Красной Армии и всего великого советского народа. Дорогие женщины! Гитлеровские бандиты и головорезы хотят поработить советский народ и превратить нашу цветущую Родину в колонию и свободолюбивую советскую женщину сделать рабыней германского фашизма. Но этому не бывать. Советский народ никогда не был и не будет рабом германского фашизма».

Такие письма получали горячий отклик у тружениц тыла, и на фронт шли тысячи их посланий, призывавших воинов усилить удары по врагу. Вот, например, письмо матери погибшего героя Отечественной войны С. Валиева — Хидоятбиби Юсуповой из колхоза им. Фрунзе Кировского района Ферганской области: «Командиры и политработники, бойцы-богатыри Красной Армии! Тяжелое горе свалилось на меня, мой сын Сираджан погиб на фронте в битве под Москвой. Смерть разлучила меня с Сираджаном, но я не плачу, хотя мое сердце обливается кровью. Любимые бойцы Отечественной войны! Обращаюсь к вам от имени всех матерей — отомстите фашистским людоедам за кровавые слезы матерей. Ни шагу назад! Все народы Советской страны с надеждой взирают на вас, идите вперед, только вперед!»²¹

Теплое письмо от родных получил Герой Советского Союза Кучкар Турдиев: «Привет тебе, родной наш Кучкар! Вот уже несколько

²⁰ «Правда Востока», 1942 г., 17 января.

²¹ «Кизил Узбекистан», 1941 г., 22 декабря.

дней передает радио, пишут газеты о твоём богатырском подвиге на фронте. Ты ворвался во вражескую крепость и уничтожил немецких разбойников.

О тебе знает весь родной Узбекистан, вся Советская страна. Мы горды и рады за тебя. В нашем колхозе «Большевик» все, от мала до велика, разделяют нашу радость и гордятся тобой. В тот день, когда мы провожали тебя в Красную Армию, мы были глубоко уверены, что ты будешь смелым богатырем, верным сыном Родины. И ты стал таким. Мы, твои родные, друзья и знакомые, здоровы и бодры. Мы думаем об одном — о фронте. Мы стремимся к единому — к победе...

Желаем тебе и твоим товарищам новых сил и бодрости.

Не давай пощады врагу, будь всегда победителем! Крепко тебя обнимаем и целуем: твой отец Турдыбай, мать Хашияхон, братья Юсупджан и Рахимджан, сестра Хадияхон»²².

«Ни шагу назад!» — слышал узбекский воин призыв своего народа. И славные сыны Узбекистана вместе со всеми советскими воинами свято выполняли свой долг перед Родиной.

Большую заботу проявляло колхозное крестьянство республики об инвалидах войны, семьях фронтовиков, эвакуированных, особенно детях. 2 января 1942 г. женщины Ташкента обратились ко всем женщинам Узбекистана с горячим призывом выполнить свой патриотический долг перед великим русским народом, народами Украины и Белоруссии, еще выше поднять знамя пролетарского интернационализма, шире развернуть движение за оказание помощи эвакуированным детям²³. На этот призыв откликнулись все трудящиеся республики. Тысячи патриотов изъявили желание взять на воспитание ребят, у которых война отняла родителей, отчий дом. Только с конца ноября 1941 г. по 1 октября 1942 г. в Узбекистан прибыло 43 тыс. эвакуированных детей (а за весь период войны — 200 тыс.). И все они нашли здесь внимание, приют и заботу. Так, 50-летняя колхозница Бахрихан Ашурходжаева взяла к себе в семью 8 детей разных национальностей²⁴. Семья инвалида войны Хамида Саматова из поселка Мангит Самаркандской области воспитала 13 осиротевших детей разных национальностей²⁵ и т. д.

Великая Отечественная война Советского Союза стала суровой проверкой монолитности единства и дружбы народов СССР. Как отмечал Л. И. Брежнев, «союз и дружба всех наций и национальностей нашей страны выдержали такое тяжелейшее испытание, как Великая Отечественная война»²⁶.

Всесторонняя помощь фронту, общенародная забота о войнах поднимали моральный дух советских солдат и офицеров, умножали их силы в борьбе против фашистских захватчиков. В эти годы еще и еще раз наглядно подтверждалась правда ленинских слов о том, что «всякий шаг помощи, которая оказывается Красной Армии в тылу, сейчас же сказывается на настроении красноармейцев...»²⁷

Своим активным участием во всенародном патриотическом движении за оказание всемерной помощи фронту как в период битвы под Москвой, так и на последующих этапах войны колхозное крестьянство Узбекистана внесло неоценимый вклад в укрепление нерушимого единства фронта и тыла, достижение победы над врагом.

²² «Правда Востока», 1942 г., 14 февраля.

²³ «Правда Востока», 1942 г., 3 января.

²⁴ Ким П. Т., Хаитбаев Э. К. В авангарде борьбы и побед. Ташкент. 1976, с. 56.

²⁵ «Известия», 1973 г., 23 февраля.

²⁶ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М., 1975, с. 60.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 332.

М. А. ТАДЖИМУРАТОВ

**О ФОРМИРОВАНИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОПОРЦИЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА***

В материалах XXVI съезда КПСС подчеркивается, что наиболее полное использование возможностей и преимуществ зрелого социалистического общества предполагает «динамичное и сбалансированное развитие экономики СССР как единого народнохозяйственного комплекса, пропорциональный рост всех его отраслей и хозяйства союзных республик»¹.

Динамичность развития социалистического народного хозяйства обуславливает перманентность изменения его отраслевой и территориальной структуры. Уже поэтому весьма актуально «рациональное сочетание отраслевого и территориального развития, ...совершенствования межотраслевых и внутриотраслевых пропорций...»²

Экономике зрелого социализма имманентна научная обоснованность формирования соотношений производства, накопления и потребления, сбалансированности экономического развития каждой республики и Союза в целом. Экономика союзной республики, будучи составной частью народного хозяйства страны, развивается на основе общих экономических законов. В то же время процесс расширенного воспроизводства в союзной республике имеет свои особенности и характерные черты, обусловленные своеобразием ее природно-сырьевых и трудовых ресурсов, свои конкретные социально-экономические задачи, а отсюда — определенные различия в формировании пропорций воспроизводства в масштабе республики и страны в целом.

Во всем народном хозяйстве страны превышение продукции I подразделения над материальными затратами в обоих подразделениях означает ресурсы накопления. Кроме того, в условиях общесоюзной экономики (в данном случае без учета международной торговли) необходимо, чтобы фонд накопления I подразделения по своей натурально-вещественной форме состоял из средств производства, необходимых по своей номенклатуре для расширения производства как в самом I, так и во II подразделении, т. е. процесс накопления предполагает овеществление части чистого дохода в таких элементах продукта, которые необходимы для расширения производства, роста производственных фондов и фондов потребительского назначения.

Однако в условиях отдельных регионов и союзных республик, в частности Узбекистана, нет экономической необходимости овеществлять производимый прибавочный продукт в натурально-вещественных эле-

* В порядке обсуждения.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 137.

² Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июня 1979 г. М., 1979, с. 8.

ментах, необходимых для накопления. Установление требуемой пропорции достигается посредством межреспубликанского обмена — воспроизводственная структура корректируется его сальдовой структурой.

Наши расчеты свидетельствуют о различиях в пропорциях стоимостной величины производимого и используемого национального дохода и его натурально-вещественного объема по народному хозяйству в целом и между I и II подразделениями общественного производства. В союзной республике превышение чистой продукции I подразделения над материальными затратами II подразделения показывает только стоимостную величину возможного источника производственного накопления в созданном на территории республики общественном продукте, ибо произведенные средства производства, в которых должно воплотиться это накопление, по своему натурально-вещественному составу не обязательно соответствуют требуемой республике номенклатуре накопления. В результате межреспубликанского обмена они могут быть использованы и как продукция фонда возмещения, обеспечивая процесс воспроизводства в других экономических районах. При этом ресурсы условного производственного накопления УзССР в созданном продукте неуклонно возрастают. Как показали расчеты, превышение чистой продукции I подразделения над материальными затратами II подразделения в 1966 г. составляло 1,7 раза, в 1972 г. — 1,8, а в 1977 г. — почти 2 раза.

Соотношение между фондом накопления и потребления в каждый конкретный период вполне определенно, поскольку оно обусловлено всем предшествующим развитием общественного производства, в котором ключевую роль играет пропорция между двумя подразделениями общественного производства и внутри I подразделения. Ошибочность мнения о возможности произвольного изменения накопления в какой-то определенный краткосрочный период очевидна, ибо оно исходит из понимания его существования лишь стоимостной формы продукта, не учитывая его натурально-вещественной формы. Но все дело именно в том, что фонд накопления и фонд потребления имеют прежде всего натурально-вещественную форму, а затем и стоимостную. По своему же натурально-вещественному составу фонд накопления не может быть больше имеющейся у общества массы средств производства в определенном элементном составе для расширения общественного производства. Существенное изменение в распределении национального дохода на фонд накопления и фонд потребления требует изменения натурально-вещественной стороны воспроизводства, на что необходимо определенное время. Следовательно, нельзя ожидать быстрого изменения нормы производственного накопления, при прочих равных условиях, и заметного изменения в темпах развития I подразделения в течение небольшого отрезка времени.

Из исследования зависимости роста подразделений общественного производства и размеров фонда накопления вытекает также, что изменения величины последнего возможны и в результате изменения в фонде накопления I подразделения — соотношения между подотделами I подразделения — производством средств производства для производства средств производства и производством средств производства для производства предметов потребления. Если увеличивается та часть фонда накопления I подразделения, которая идет на расширение доли производства средств производства для производства средств производства (I подотдел), то это способствует ускорению темпов роста производства средств производства и замедлению производства предметов потребления при обозначившейся тенденции повышения общей нормы

накопления, а в случае увеличения доли, идущей на расширение производства средств производства для производства предметов потребления (II подотдел I подразделения), наблюдается обратная картина, т. е., варьируя долями, идущими на расширение указанных подотделов (большая часть натурально-вещественных элементов может быть использована и в том, и в другом подотделе), можно предопределить темп развития I подразделения, что, в свою очередь, обуславливает изменения в общем фонде накопления.

Изменение размеров фонда накопления обуславливается не только изменением соотношения между подразделениями общественного производства и подотделами I подразделения, но и органическим строением их производства. Достаточное доказательство тому — известная схема К. Маркса. Согласно приведенному им примеру условий реализации общественного продукта, фонд накопления составляет 500 ед. и органическое строение в I подразделении $c:v$ равно 4:1; во втором подразделении органическое строение равно 2:1. Исходя из данных условий, общий фонд накопления будет равняться 500 ед. в I подразделении и 150 во II:

$$500 \left\{ \begin{array}{l} 400 \text{ I } \frac{c}{v} = \frac{4}{1} = \frac{400}{100} = 500 \\ 100 \text{ II } \frac{c}{v} = \frac{2}{1} = \frac{100}{50} = 150 \end{array} \right\} = 650$$

Попробуем изменить условия, — скажем, увеличим в 1,5 раза органическое строение в I подразделении при неизменном уровне во II. Тогда общий фонд накопления будет равен:

$$500 \left\{ \begin{array}{l} \frac{c}{v} = \frac{6}{1} \approx \frac{428}{72} = 500 \\ \frac{c}{v} = \frac{2}{1} = \frac{72}{36} = 108 \end{array} \right\} = 608.$$

При дальнейшем увеличении органического строения в I подразделении фонд накопления I подразделения, оставаясь в прежнем объеме, начинает все больше превышать объем фонда накопления II подразделения в результате уменьшения последнего. Рост органического строения вновь накапливаемых фондов в I подразделении обуславливает затухание возрастания фонда накопления II подразделения и отражается на величине общего фонда накопления. По мере роста органического строения в I подразделении темпы его роста все больше превышают темпы развития II подразделения. Отсюда следует, что зависимость между темпами роста двух подразделений общественного производства и величиной фонда накопления носит взаимообусловленный характер, однако преобладающая роль в этой взаимообусловленности пропорций принадлежит производственной пропорции, т. е. соотношению между I и II подразделениями общественного производства. Варьирование размеров накоплений между подотделами I подразделения в рамках фонда накопления I подразделения обуславливает изменение пропорции между I и II подразделениями общественного производства, что, в свою очередь, предполагает изменение объема общего фонда накопления.

Формирование фонда накопления в условиях общественного разделения труда, научно обоснованной специализации республики в едином народнохозяйственном комплексе страны, когда рациональное размещение производительных сил подчинено принципу достижения наиболь-

шей экономической эффективности использования всех ресурсов, зависит не только от размеров национального дохода, созданного на территории данной союзной республики. Развитие производительных сил республики в значительной мере зависит от темпов и масштабов расширенного воспроизводства по стране в целом. Произведенный в УзССР национальный доход не характеризует в полной мере объем фонда накопления, равно как и фонда потребления. Размеры фонда накопления в союзной республике формируются прежде всего с позиции общегосударственных интересов. По своему объему и натурально-вещественной структуре фонд накопления союзной республики формируется централизованно, в соответствии с ролью и местом республики в народнохозяйственном комплексе страны. При этом учитывается необходимость выпуска запланированного объема продукции заданной номенклатуры, нужной народному хозяйству республики и страны в целом, а также комплексного развития и использования природных и трудовых ресурсов региона.

Такое формирование фонда накопления в союзной республике — объективная черта социалистического общественного производства, которая характеризует качественно новую особенность экономических отношений коммунистической формации. Наиболее рельефно это проявляется в республиках, где высок удельный вес отраслей общесоюзной специализации. Чем весомее вклад союзной республики в удовлетворение общесоюзных потребностей, тем значимее превышение использованного национального дохода над произведенным, ибо ресурсы накопления предприятий и отраслей, особенно общесоюзной специализации, находящихся на территории союзной республики, могут быть меньше необходимых для финансирования намеченных темпов и уровня развития.

В региональных условиях воспроизводства союзной республики не все закономерности пропорциональности общественного производства могут быть выражены в одинаковой степени. Так, для воспроизводственного процесса Узбекской ССР характерно несоответствие натурально-вещественного состава совокупных материальных затрат в обоих подразделениях натурально-вещественной структуре произведенной продукции I подразделения. Доля I подразделения в произведенном общественном продукте (68,9%) выше его доли в использованном общественном продукте (65,9%). Такое положение, с одной стороны, свидетельствует об усиливающейся специализации хозяйства республики на отраслях, производящих средства производства, а с другой, — обуславливает своеобразную структуру межтерриториальных экономических связей, когда сальдо межреспубликанского обмена по предметам потребления является пассивным.

Превышение доли предметов потребления во ввозе по сравнению с вывозом означает и превышение части использованного фонда потребления над произведенным на территории республики. Пропорции между темпами роста произведенной продукции II подразделения и доходами населения в Узбекской ССР свидетельствуют о различиях в темпах роста производства предметов потребления и доходов населения. Постоянному увеличению темпов роста денежных доходов не соответствуют также размеры денежных расходов населения. Производство некоторых видов продукции, для реализации которых в республике имеются благоприятные условия, не обеспечивает требуемого уровня потребления. Необходимость усиления темпов развития отраслей, выпускающих продукцию непроизводственного потребления, не предполагает, однако, формирования в республике структуры общественного производства, предусматривающей развитие всех видов продукции,

обеспечивающих потребности населения. Это свело бы на нет все преимущества межтерриториального разделения труда в едином народнохозяйственном комплексе страны. В то же время, с точки зрения достижения оптимального сочетания экономически обоснованных территориальных связей с максимальным использованием собственных ресурсов, вряд ли можно признать рациональным, что республика, дающая $\frac{2}{3}$ общесоюзного производства хлопкового волокна и $\frac{2}{5}$ — шелка-сырца за счет собственной продукции покрывает лишь $\frac{3}{4}$ своих потребностей в хлопчатобумажных изделиях и $\frac{3}{5}$ — в шелковых.

Обеспечение необходимого уровня и состава потребления в союзной республике в значительной мере определяется развитием материального производства отраслей II подразделения по стране в целом. Отрасли, производящие предметы потребления формируют эквивалент денежных доходов. Расширение производства предметов потребления должно корреспондироваться с увеличением реальных доходов населения; иными словами, количественная соотносимость производства и уровня рационального потребления в условиях товарно-денежных отношений опосредована уровнем денежных доходов, на размер которых оказывает влияние структура общественного производства.

Уровень и структура потребления предметов потребления в каждом отдельном регионе страны обусловлены не объемом и номенклатурой производимой здесь продукции, а прежде всего уровнем реальных доходов населения данного региона, которые, в свою очередь, обусловлены характером его производственной специализации. Иными словами, уровень потребления определяется не только влиянием региональных факторов, но и такими народнохозяйственными факторами, как характер отраслевой специализации, и соответствующей дифференциацией заработной платы.

Высокий удельный вес сельскохозяйственного производства в УзССР и сравнительно низкий уровень развития непродуцированной сферы обуславливают определенные различия в размерах заработной платы в сравнении с денежными доходами того района, где в структуре общественного производства преобладают отрасли, требующие приложения более квалифицированного труда, а следовательно, и более высокого уровня оплаты. В условиях, когда оплата по труду остается главной формой распределения, производственная структура союзной республики играет значительную роль в развитии непродуцированного потребления и обеспечении условий необходимого потребления на основе тесной связи уровня денежных доходов со структурой общественного производства.

Отставание темпов роста производства предметов потребления от денежных доходов населения, а также превышение последних над уровнем денежных расходов вызывают необходимость развития общественного производства, способного обеспечить должный уровень использования всех имеющихся в республике резервов. Увеличение продукции II подразделения должно идти прежде всего на основе дальнейшего развития отраслей, непосредственно отвечающих производственной специализации республики, повышения в объеме их выпуска доли готовой продукции, углубления и усложнения степени переработки сырьевых ресурсов, что в значительной мере будет способствовать более эффективному углублению специализации и комплексности общественного разделения труда, межтерриториальной производственной специализации.

В период зрелого социализма, с развитием и совершенствованием производства создаются реальные условия для более полного соот-

ветствия между пропорциями и отраслями народного хозяйства. Дальнейшее исследование всей совокупности социально-экономических проблем, более полное и глубокое изучение в составе общественного продукта всех конкретных разветвлений общественного труда — неперемное условие совершенствования пропорций воспроизводства, выработки научно обоснованных решений в сфере управления народнохозяйственным комплексом страны, повышения экономической эффективности всех его отраслей, роста материального благосостояния тружеников города и села.

М. А. Тожимуродов

**СОЦИАЛИСТИК ТАКРОР ИШЛАБ ЧИҚАРИШ РЕГИОНАЛ
МУТАНОСИБЛИГИНИНГ ШАҚЛЛАНИШИ ВА КАМОЛ ТОПИШИ ҲАҚИДА**

Мақолада кенгайтирилган социалистик такрор ишлаб чиқариш регионал мутаносиблигининг шаклланиши ва камол топишининг муҳим назарий ва амалий масалалари КПСС XXVI съезди қарорлари асосида кўриб чиқилади.

З. БОВШОВЕР, А. МУХАМЕДЖАНОВ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ГАРАНТИЯХ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

В Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС Л. И. Брежнев, говоря о дальнейшем развитии социалистической демократии и законности, подчеркнул, что «хороших законов... у нас принято немало. Теперь дело прежде всего за их точным и неуклонным осуществлением. Ведь любой закон живет только тогда, когда он выполняется... всеми и повсеместно»¹.

Особое значение партия придает строжайшему соблюдению законодательства всеми организациями и должностными лицами, реальному соблюдению конституционных прав и свобод советских граждан.

В соответствии со ст. 58 Конституции СССР, действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемлением прав граждан, могут быть в установленном законом порядке обжалованы в суд. Эта же статья предусматривает право граждан СССР на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей. Впервые подобное правило закреплено в Основном Законе Советского государства, что подчеркивает особую значимость строжайшего соблюдения законодательства, защиты конституционных прав граждан в условиях развитого социализма.

На основании ст. 58 Конституции СССР и в целях дальнейшего укрепления социалистической законности, усиления охраны прав и законных интересов граждан Президиум Верховного Совета СССР 18 мая 1981 г. принял Указ «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей»². Указ предусматривает, во-первых, возмещение ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями организаций и должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей в области административного управления. Ущерб возмещается на общих основаниях по нормам гражданского права. Во-вторых, предусмотрено возмещение ущерба, причиненного гражданину в результате незаконного привлечения к уголовной или административной ответственности. Этот ущерб возмещается в полном объеме.

Порядок возмещения ущерба определен Положением, утвержденным Указом от 18 мая 1981 г. Положение предусматривает возмещение имущественного ущерба, восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и других прав (добраго имени, трудовой чести, достоинства).

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 64.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1981, № 21, ст. 741.

Ущерб не подлежит возмещению, если гражданин в процессе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства путем самооговора препятствовал установлению истины и тем самым способствовал наступлению указанных последствий.

Согласно прежнему законодательству, лицам, незаконно привлеченным к уголовной ответственности, заработная плата выплачивалась предприятием, организацией, где они работали до привлечения к уголовной ответственности, не более чем за два месяца. Подобное ограничение не возмещало работнику ущерба, причиненного в связи с незаконным привлечением к уголовной ответственности, особенно, когда он был уволен, а в последующем реабилитирован. Оно не отвечало требованиям ст. 58 Конституции СССР.

Положение 1981 г. предусматривает выплату заработной платы за все время вынужденного отсутствия на работе со дня увольнения или отстранения от работы по постановлению судебно-следственных органов по день вступления в законную силу оправдательного приговора (ст. 287 УПК УзССР), прекращения уголовного дела за отсутствием события преступления (п. 1 ст. 5 УПК УзССР), отсутствием в деянии состава преступления (п. 2 ст. 5 УПК УзССР) или за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления, либо прекращения дела об административном правонарушении. Возмещению подлежат заработок и другие трудовые доходы, являющиеся основным источником к существованию гражданина, которых он лишился в результате незаконных действий. Выплата производится за счет средств государственного бюджета. В случае смерти работника причитающаяся сумма выдается его наследникам.

Указ и Положение 1981 г. не распространяются на случаи незаконного отстранения от работы по инициативе администрации предприятия, организации. Работнику, допущенному к работе, заработная плата выплачивается, согласно п. 49 Положения о порядке рассмотрения трудовых споров от 20 мая 1974 г. (ст. 258 КЗоТ УзССР), за время отстранения, но не более чем за один год.

Кодекс законов о труде Узбекской ССР в числе оснований прекращения трудового договора предусматривает вступление в законную силу обвинительного приговора суда, которым работник осужден к лишению свободы, исправительным работам не по месту работы, либо к иному наказанию, исключающему возможность продолжения данной работы (п. 7 ст. 36 КЗоТ УзССР).

В течение длительного времени на практике возникал вопрос о праве реабилитированного претендовать на предоставление прежней работы. Ранее действовавшее законодательство не содержало ответа на этот вопрос. Он решался посредством трудоустройства на общих основаниях. Отсутствие правовой основы лишало работника права требовать предоставления ранее занимаемой должности, что не отвечало положениям ст. ст. 41 и 58 Конституции СССР 1977 г.

В соответствии с Положением от 18 мая 1981 г., гражданину, освобожденному от работы (должности) в связи с незаконным осуждением либо отстраненному от должности в связи с незаконным привлечением к уголовной ответственности, должна быть предоставлена прежняя работа (должность). Однако могут быть и такие ситуации, когда эту работу (должность) предоставить невозможно, например в связи с сокращением должности, ликвидацией предприятия, учреждения, организации, болезнью работника или наличием иных предусмотренных законом оснований, препятствующих восстановлению на работе. В этих случаях рабочему или служащему предоставляется другая равноцен-

ная работа (должность). Законодатель не определяет понятие равноценной работы. На практике обычно принято считать, что это работа, соответствующая профессии, специальности данного лица и примерно равная по оплате.

По вопросу предоставления прежней должности работник обращается к администрации предприятия, организации, где он работал ранее, либо в соответствующий вышестоящий орган (в случае ликвидации предприятия) в течение трех месяцев с момента вступления в законную силу оправдательного приговора, вынесения постановления (определения) о прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления или за недоказанностью участия работника в совершении преступления. Работа предоставляется не позднее месячного срока со дня обращения.

Если требование рабочего или служащего не удовлетворено, он вправе обратиться с заявлением непосредственно в народный суд. По выбору работника иск о восстановлении на работе может быть предъявлен по месту его жительства или по месту нахождения ответчика. Однако Положение не определяет срок для подачи заявления. В этом случае надлежит руководствоваться ст. 242 КЗоТ УзССР, предусматривающей месячный срок для обращения в суд по делам об увольнении.

Указ и Положение 1981 г. не должны применяться, когда работник был обоснованно привлечен к уголовной ответственности, а увольнение его было произведено с нарушением закона, п. 7 ст. 36 КЗоТ. Подобная ситуация возможна, в частности, когда избранная судом мера уголовного наказания не препятствовала продолжению работы (исправительные работы по месту работы, условное осуждение без привлечения к труду и т. д.). Несмотря на ссылку администрации в приказе на п. 7 ст. 36 КЗоТ УзССР, работник подлежит, согласно ст. 244 КЗоТ УзССР, восстановлению на прежней работе как незаконно уволенный, и в его пользу взыскивается заработная плата за вынужденный прогул, но не более чем за три месяца (ст. 245 КЗоТ УзССР). Если же увольнение по п. 7 ст. 36 КЗоТ УзССР было незаконным, но работник в последующем был реабилитирован как необоснованно привлеченный к уголовной ответственности, то наступают последствия, предусмотренные Указом и Положением, и ущерб возмещается в полном объеме.

В течение многих лет значительные трудности на практике возникали по вопросу об изменении формулировки в трудовой книжке об увольнении работника в связи с совершением преступления, если в последующем он был реабилитирован. Это обусловлено тем, что вступление в законную силу обвинительного приговора суда дает администрации право уволить работника в соответствии с п. 7 ст. 36 КЗоТ УзССР. Однако в случае оправдания работника вышестоящим судом он вправе поставить вопрос об изменении записи в трудовой книжке. Но ведь требовать можно лишь изменения такой формулировки, которая является незаконной или фактически неверной, что признано соответствующими органами. Оправдание работника вышестоящим судом не может превратить ранее правильную (на день издания приказа) формулировку увольнения в незаконную. Выход здесь мог быть только один — признание администрации по прежнему месту работы записи в трудовой книжке недействительной. Именно так и решен вопрос (кстати, впервые) Положением от 18 мая 1981 г. Если администрация откажется выполнить требование работника о признании записи недействительной, он вправе, согласно ст. 242 КЗоТ УзССР, в месячный срок обратиться непосредственно в народный суд, поскольку изменение записи связано с увольнением.

Однако изменение записи вряд ли может устроить работника во всех случаях, в частности, когда он после реабилитации решил устроиться на работу в другом предприятии. Сам факт наличия записи в трудовой книжке об увольнении в связи с совершением преступления, хотя она и признана недействительной, может отрицательно сказаться на объективности оценки личности работника.

В соответствии с Положением 1981 г., по просьбе работника администрация предприятия, учреждения, организации выдает ему дубликат трудовой книжки без внесения в нее записи, признанной недействительной.

Выдача дубликата, как известно, была и ранее предусмотрена законодательством, но только в случае потери трудовой книжки или если она пришла в негодность (обгорела, изорвана, запачкана и т. п.)³.

Трудовая книжка — основной документ о трудовой деятельности рабочих и служащих⁴. Правильное заполнение ее способствует не только укреплению трудовой дисциплины, воспитанию коммунистического отношения к труду, но и защите имущественных интересов рабочих и служащих, их трудовой чести.

С вынесением оправдательного приговора либо прекращением дела по указанным ранее мотивам связана также судьба трудового стажа. На этот вопрос был дан ответ еще в 1955 г. Однако Положение 1981 г. решает его более полно и четко.

Согласно Положению, время содержания под стражей, отбывания наказания, а также время, в течение которого рабочий или служащий не работал в связи с отстранением от должности, засчитывается как в общий трудовой стаж, так и в стаж работы по специальности. Это время включается также в непрерывный стаж при условии, если перерыв между днем вступления в законную силу оправдательного приговора либо вынесения постановления (определения) о прекращении уголовного дела по указанным ранее мотивам и днем поступления на работу не превышает трех месяцев.

Время отсутствия на работе в связи с незаконным привлечением к уголовной ответственности учитывается во всех случаях, когда рабочим и служащим предоставляются различные льготы и преимущества, в том числе при назначении пенсий и пособий по государственному социальному страхованию. Это время включается также в стаж при назначении пенсий на льготных условиях, в льготных размерах и за выслугу лет, при установлении размеров месячных ставок (должностных окладов) в зависимости от продолжительности работы по специальности, а также при выплате единовременного вознаграждения или процентных надбавок за выслугу лет и по итогам работы предприятия за год.

Большое внимание в Положении 1981 г. уделено восстановлению доброго имени рабочего и служащего, защите его чести и достоинства. Согласно Положению, в случае вынесения оправдательного приговора, прекращения уголовного дела за отсутствием события преступления, состава преступления или за недоказанностью, прекращения дела об административном правонарушении органы дознания, предварительного следствия, прокуратура или суд обязаны разъяснить рабочему или служащему порядок восстановления его нарушенных трудовых прав,

³ См.: Инструкция о порядке ведения трудовых книжек на предприятиях, в учреждениях, организациях, утвержденная Госкомтруда СССР по согласованию с ВЦСПС 20.VI 1974 г.— Сборник законодательных актов о труде. М., 1977, с. 112.

⁴ Пункт 1 постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС от 6.IX 1973 г. «О трудовых книжках рабочих и служащих».— СП СССР, 1973, № 21, ст. 115.

э также по его просьбе в месячный срок письменно поставить в известность о своем решении трудовой коллектив или общественные организации по месту жительства.

Если сведения об осуждении или привлечении к уголовной ответственности были опубликованы в печати, то по требованию работника, а в случае его смерти — его родственников — органы дознания, предварительного следствия, прокуратура либо суд обязаны в течение одного месяца сделать об этом необходимое сообщение соответствующей редакции.

Все это свидетельствует о том, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. и утвержденное им Положение имеют важное значение в усилении гарантий защиты конституционных прав и свобод советских граждан и вместе с тем повышают ответственность правоохранительных органов в соблюдении норм социалистической законности.

З. Бовшовер, А. Мухаммаджонов

ҚОНУНЧИЛИҚДА ИШЧИ ВА ХИЗМАТЧИЛАР ҲУҚУҚИНИНГ КАФОЛАТИ ТЎҒРИСИДА ЯНГИЛИК

Мақолада 1977 йилда қабул қилинган СССР Конституцияси қарорларига кўра совет қонунчилигида ишчи ва хизматчилар меҳнатини ҳимоя қилиш кафолатини реал таъминловчи янгилик тўғрисида ҳикоя қилинади.

С. С. КАМИЛОВА

СУЩНОСТЬ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Научная проблема — один из важнейших компонентов в структуре познания. Эта сложная форма познания связана с целым рядом элементов научного знания и играет большую роль в познавательном процессе. Поэтому вполне закономерно, что изучению научной проблемы посвящены работы многих советских исследователей¹. Только за последние годы вышло несколько крупных монографий и коллективных трудов, посвященных этой проблеме. Различные ее аспекты затрагивались на Всесоюзном симпозиуме в Свердловске (29 ноября — 1 декабря 1977 г.).

Однако значимость научной проблемы как познавательного ориентира, ее место в эмпирической и теоретической системе исследования изучены еще недостаточно. Требуют дальнейшей разработки и само понятие научной проблемы, ее природа и гносеологические функции, классификация научных проблем, закономерности их возникновения и разрешения, их связи с другими элементами научного знания.

В нашей философской и естественнонаучной литературе исследуется понятие научной проблемы, значительное место уделяется ее формированию, решению и т. д. Но в каждой работе излагается преимущественно какой-то один аспект. Очень мало исследований, в которых обстоятельно изучалась бы научная проблема как форма и средство научного познания. Между тем в данной области есть немало спорных, слабо разработанных вопросов, решение которых требует коллективных усилий.

Прежде всего необходимо выработать более точное определение самого понятия «научная проблема», ее компонентов и характеристик.

Согласно «Толковому словарю» Д. Н. Ушакова, проблема — «это теоретический или практический вопрос, требующий разрешения, задача, подлежащая исследованию»². В БСЭ сказано: «Проблема —

Берков В. Ф. Научная проблема. Минск, 1979; Готт В. С., Урсул А. Д., Семенюк Э. П. О единстве научного знания. М., 1977; Грязнов Б. С. Научная проблема и ее познавательная функция. — Логика научного поиска. Тезисы докладов к Всесоюзному симпозиуму, ч. II, Свердловск, 1977; Жариков Е. С. Научный поиск. Киев, 1967; его же. О действиях, составляющих постановку научной проблемы. — «Философские науки», 1973, № 1; Колпин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974; Кумпф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика. М., 1979; Макеев В. М. К характеристике проблемы как формы мышления. — Научные труды Краснодарского пединститута, 1967, вып. 83; Мочалов И. И. Проблема как категория логики научного исследования. — «Вопросы философии», 1964, № 11; Ракитов А. И. Философские проблемы науки. М., 1977; Режабек Е. Я. Научный поиск и его этапы. Ростов, 1972; Рузавин Г. И. Научная теория. М., 1978; Славин А. В. Проблема возникновения нового знания. М., 1979; Черноволонко В. Ф. Мироззрение и научное познание. Киев, 1970, и др.

² Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Т. III. М., 1939, с. 890.

сложный теоретический или практический вопрос, требующий изучения, разрешения»³.

Здесь разъясняется смысл слова «проблема», но не дается определение ее как категории логики научного исследования. Весьма широкое распространение в литературе получила лаконичная характеристика проблемы как знание о незнании. Но эта характеристика не является в достаточной мере логически конкретной.

В. Ф. Берков, В. С. Готт, Е. С. Жариков, З. Оруджев, В. Ф. Черноволенко пытаются более обстоятельно показать, что же представляет собой проблема как знание о незнании, и соответственно стремятся уточнить понятие проблемы. Например, Е. С. Жариков пишет: «Под научной проблемой ученые понимают такой вопрос, ответ на который не содержится в накопленном общественном знании. Практически же одним вопросом проблемы никогда не исчерпываются. Они представляют собой целую систему, состоящую из центрального вопроса и иных вопросов, получение ответов на которые необходимо для ответа на основной вопрос»⁴.

В работах З. Оруджева проблема формулируется как следствие развития познания⁵. А. С. Облакулов пишет: «Научная проблема является продуктом творческого мышления»⁶.

В этих определениях специфика проблемы усматривается в фиксации нацеленности субъекта познания на достижение нового знания. Они дают критерии отличия проблемы от разного типа вопросов и задач, используемых в процессе научных поисков информации. Указанные определения несовершенны прежде всего в том, что в них используются понятия «вопрос» и «задача», которые, в свою очередь, нуждаются в дополнительном определении.

В работах Е. С. Жарикова, Е. Я. Режабека, В. Ф. Черноволенко, В. Ф. Беркова подчеркивается, что научная проблема представляет собой довольно сложный этап исследовательского процесса, связанный с теоретическим анализом конкретной области знания, выяснением ее возможностей.

Проблема возникает перед наукой в процессе развития общества, исходя из его потребностей, и она является зачаточной структурой систематизации получаемого знания.

Научные проблемы выступают теми моментами в познании, зная механизм возникновения которых можно предвидеть перспективы развития науки на будущее и на этой основе планировать их. Иногда отдельные ученые отождествляют понятия «проблема» и «вопрос».

Например, В. Ф. Берков пишет: «Научная проблема есть вопрос (совокупность вопросов)... Научная проблема обладает всеми признаками вопроса»⁷.

Мы не можем согласиться здесь с В. Ф. Берковым, ибо вопрос отличается от проблемы своими характерными признаками. Если заключенное в научном вопросе знание о незнании превращается в результате научного поиска в знание о том, что неизвестные явления подчиняются уже известному (изученному) закону, вопрос не оценивается как проблема. Но мы согласны с положением В. Ф. Беркова о том, что проблема возникает на основе тех знаний, которые способны удовлет-

³ БСЭ, т. 21, М., 1975, с. 7.

⁴ Жариков Е. С. Указ. статья, с. 49.

⁵ Кумпф Ф., Оруджев З. Указ. соч., с. 196.

⁶ Облакулов С. О значении творческого мышления в построении научной теории.— В кн.: Диалектика принципов и законов в структуре научной теории. Ташкент, 1979, с. 51.

⁷ Берков В. Ф. Указ. соч., с. 14.

ворять познавательные или практические потребности и цели исследователя, то есть знаний, которые отображают наиболее важные в теоретическом и практическом отношении стороны действительности»⁸.

Действительно, вопросы могут оказаться весьма сложными и важными и все же они не будут проблемами. Если же вопрос сочетается с предположением или содержит в себе предположение о возможности открытия нового закона, то постановка данного вопроса обусловлена постановкой проблемы; однако не все вопросы имеют эти возможности.

Проблему можно представить как неразрывное единство двух содержательных элементов:

1) знание и незнание;

2) предположение о возможности открытия либо неизвестного закона в определенной непознанной сфере (в фундаментальных науках), либо принципиально нового способа практического применения ранее полученного знания, закона (в науках прикладного цикла).

Именно наличие предположений о возможности открытия нового закона или нового способа его применения и отличает научную проблему от научного вопроса.

Проблему надо отличать и от задачи. Задача представляет собой установку сделать, сконструировать, воспроизвести, построить какой-либо новый объект, механизм. Задача может быть поставлена и перед экспериментом, и перед наблюдением, и перед любым логическим, математическим и другим вспомогательным исчислением, рассуждением и имеет частное значение. Проблема же формулируется под углом зрения развития знания в целом и имеет общее значение. Сама проблема реализуется через совокупность решения задач⁹.

Познавательные задачи могут иметь практический характер. Решение их есть ступень решения проблемы. Проблема представляет собой форму организации научного исследования. «Необходимым важным элементом проблемы,— как правильно замечает И. И. Мочалов,— является по возможности четкое определение границ той области реальности, которая подлежит научному исследованию. Естественно, что первоначально, когда ученый только приступает к решению этой задачи, еще непознанная наукой область может быть задана не иначе, как в общей форме, в виде некоторого более или менее абстрактно выраженного проблемного замысла. Проблемный замысел конкретизируется, принимает все более четкие очертания, направляет весь дальнейший процесс научного исследования, дает ему определенную целевую установку»¹⁰.

Когда исследователь решает какую-то задачу, предметом анализа становятся новые стороны решаемой проблемы, добываются новые данные, которых нет в условиях задачи, возникают новые вопросы и в известном смысле — новые задачи. Но проблема как таковая остается центральным стержнем научного поиска. Диалектика научной проблемы, т. е. смена старой проблемы новой — общая закономерность развития научного знания.

Понятие проблемы как категории логики научного познания, которое должно привести к созданию новой теории, к открытию нового закона, следует также отличать от понятия «аспект». Аспект — это изучение объекта в новой связи, в отношении с иными известными или неизвестными объектами или уже изученное отношение объекта, рассматриваемое в новых условиях.

⁸ Там же, с. 20.

⁹ Кумпф Ф., Оруджев З. Указ. соч., с. 195.

¹⁰ Мочалов И. И. Указ. статья, с. 29.

При возникновении проблемной ситуации ученый может открыть в ней такой аспект, который схож в каком-либо отношении с другими проблемами, уже знакомыми ему из прошлого опыта научного творчества.

Различные аспекты той или иной проблемы в дальнейшем могут стать новыми проблемами. Превращение аспекта в новую проблему чаще всего совершается тогда, когда изученный объект берется в новом отношении, в новых условиях. Подведение каждой новой проблемы под известный класс проблем — одно из важных эвристических правил научного исследования¹¹.

Итак, вопросы, задачи, аспекты — это составные элементы, посредствующие звенья, предпосылки научной проблемы в познании и практике. Чем более сложным и развитым является объект познания и практического действия, тем большую роль играют посредствующие звенья.

В теории и практике надо всегда учитывать специфические свойства каждого элемента научной проблемы как ее необходимые компоненты.

Рассмотрение специфических сторон научной проблемы позволяет утверждать, что она функционирует как методологический ориентир, определяющий направление научного исследования. Этот подход дает нам возможность выяснить само понятие научной проблемы, место и роль ее в познании, а также сферу ее действия.

Знание становится проблемным тогда, когда выдвигается цель; следовательно, проблема подчинена поставленной цели как заранее сформулированному, но еще предполагаемому решению. Здесь необходимым компонентом проблемы выступает цель (императив), которая служит стимулом побуждения и приводит к возникновению, становлению и решению проблемы.

В научной проблеме, как справедливо отмечает В. Ф. Берков, императив (цель) является формой выражения и реализации необходимости, подчиняющей себе развитие науки¹².

Это положение отвечает указанию К. Маркса о том, что «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»¹³.

Именно из этой методологической посылки исходит, например, П. В. Копнин, говоря, что «в качестве проблемы избирается не любой предмет, о котором мы хотим знать, что он представляет собой, каким закономерностям подчиняется, а только такой, знание о котором реально возможно при создающихся общественных условиях. Человечество перед познанием ставит только такие задачи, которые оно на данном уровне развития должно и способно разрешить. Проблемы перед наукой возникают в ходе развития общества, исходя из его потребностей»¹⁴.

Учитывая все это, мы попытались сформулировать следующее определение понятия «научная проблема» (разумеется, не претендуя на окончательное решение данного вопроса): научная проблема, будучи

¹¹ Славин А. В. Проблема возникновения нового знания, как предмет исследования. — В кн.: *Философия и естествознание*. М., 1974, с. 109.

¹² Берков В. Ф. Указ. соч., с. 76.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

¹⁴ Копнин П. В. *Философские идеи В. И. Ленина и логика*. М., 1969, с. 296.

формой научного познания, представляет собой закономерно развивающийся феномен, и возникает она на основе тех знаний, которые удовлетворяют теоретические и практические познавательные потребности, цели исследователя, функционируя как методологический ориентир, определяющий направление исследований.

Это определение содержит в себе следующие моменты:

1) научная проблема должна отражать наиболее важные в теоретическом и практическом отношении стороны действительности;

2) она определяет предметную область теоретического и практического исследования, выступая формой развивающихся знаний, обусловленных внешним миром:

3) научная проблема должна предполагать возможность открытия нового закона, новой теории, нового способа познания;

4) предполагаемые возможности реализуются через посредствующие звенья или составляющие компоненты (вопрос, задача, аспект);

5) проблема возникает как следствие предшествующего развития познания на основе диалектического противоречия и не выступает как нечто готовое. Безусловно, противоречие появляется тогда, когда с открытием новых фактов одна эмпирическая теория сталкивается с другой; иначе говоря, новые факты, явления необъяснимы на основе старой теории и требуют выработки новой теории, необходимо исходящей из новых связей;

6) противоречие приводит знание в состояние неопределенности, неполноты, неустойчивости; альтернативность внешнего мира выступает условием постановки новой проблемы;

7) именно в этом смысле, с одной стороны, проблему можно определить как знание о незнании, а с другой,— можно подчеркнуть то, что научная проблема одновременно содержит в себе некоторые предположения о возможных свойствах, отношениях, связях закономерностей, присущих неизвестному, причем неизвестное осознается и формулируется через известное;

8) возникшая проблема, формулируясь, созревая, порождает по мере развертывания этого процесса более глубокие теории и зрелые идеи;

9) учитывая специфические стороны научной проблемы как формы познания в структуре научного знания, можно утверждать, что она функционирует как методологический ориентир, определяющий направление исследований, и это позволяет выяснить ее место, роль и сферу действия в научном познании.

Дальнейшее глубокое изучение характера и сущности научной проблемы, несомненно, позволит получить более полное представление об этом важном для теории и практики элементе познания.

С. С. Комилова

ИЛМИЙ ПРОБЛЕМАНИНГ МОҲИЯТИ ВА ГНОСЕОЛОГИК ФУНКЦИЯСИ

Мақолада илмий проблеманинг моҳияти ва унинг илмий билиш процессидаги функцияси ақс эттирилади. Муаллиф ўзи белгилаган тунчасини таърифлаб ва асослаб беради.

С. КАМАЛОВ

МИССИЯ ТЕВКЕЛЕВА И ПЕРВОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ ПРИНЯТИЕ КАРАКАЛПАКАМИ ПОДДАНСТВА РОССИИ

Присоединение к России объективно имело огромное значение для судеб всех народов Средней Азии, в том числе каракалпаков. Как известно, основная масса каракалпаков с конца XVI до середины XVIII в. проживала на территории, прилегающей к среднему и нижнему течению Сырдарьи. Природно-географическая среда дельты этой огромной реки благоприятствовала дальнейшему развитию комплексного типа хозяйства. Каракалпаки вели полуоседлый образ жизни, занимаясь земледелием, скотоводством и рыболовством. Они издавна были знакомы с ирригацией и на базе искусственного орошения превратили свои земли в район развитого земледелия, ставшего поставщиком хлеба для Казахской степи.

Важное значение в жизни каракалпаков имела также торговля. Они вели оживленный товарообмен не только с казахами Малого Жуза; каракалпакские купцы были нередкими гостями у аральских узбеков, в Бухаре и Хиве.

В первой четверти XVIII в. усиливаются торговые связи каракалпаков с башкирами и татарами, а через них — с Россией. Стараясь всемерно упрочить связи с Россией, каракалпаки неоднократно направляли своих послов в Уфу и Казань. В 1722 г. каракалпакский хан Ишмухаммед послал Петру I грамоту с предложением расширить дружественные отношения между двумя народами. Стремление каракалпаков к сближению с Россией объяснялось не только экономическими, но и политическими интересами — желанием оградить себя от разорительных набегов джунгар.

Тенденция каракалпаков к сближению с Русским государством согласовывалась с интересами политики России на Востоке. Традиционные караванные пути российских купцов в Среднюю Азию проходили через каракалпакскую территорию. Русское правительство, естественно, было озабочено необходимостью обеспечить безопасность своих торговых людей, пересекавших с караванами Казахскую степь и присырдарьинские районы.

В декабре 1721 г. с дипломатической миссией к каракалпакам был послан Д. Т. Вершинин, сумевший договориться о возвращении русских пленных, захваченных в набегах или купленных на среднеазиатских рынках. Вместе с Вершининым в Россию отправились каракалпакские посланники для ведения переговоров с русским правительством¹.

Хотя эта первая попытка каракалпаков сблизиться с Русским государством не принесла желаемых результатов (из-за нашествия джун-

¹ Красный архив. М., 1938, т. 6 (91), с. 234—235.

гар в 1723 г.), тем не менее она подготовила необходимую почву для последующего укрепления их связей с Россией.

В 1724—1725 гг., в разгар борьбы с джунгарами, каракалпаки совместно с казаками Малого Жуза вновь предприняли ряд попыток связаться с Россией. Они заверяли русское правительство в том, что гарантируют русским торговым людям свободный и беспрепятственный проезд в Бухару и Хиву².

В начале 1725 г. каракалпаки и казахи направили в Россию послов, которые подтвердили желание представляемых ими народов служить Русскому государству³. В переговорах Абулхаира с русским правительством в 1726 и 1730 г. также принимали участие и каракалпакские представители.

В 1731 г. русское правительство отправило к Абулхаиру своего посла Мамет-мирзу Тевкелева. Как известно, ему пришлось долго жить среди казахов Малого Жуза, ибо часть казахской знати ориентировалась на джунгар. Сторонники перехода в российское подданство среди родовых старейшин долгое время имели незначительный перевес.

В этой сложной ситуации Абулхаир и Тевкелев получили поддержку со стороны каракалпакских старшин, которые, прибыв в кочевья Малого Жуза, изъявили желание принять подданство России. Все каракалпаки низовьев Сырдарьи, находившиеся под властью Абулхаира, перешли тогда в русское подданство.

В ноябре 1731 г. представители каракалпаков сообщили в письме, посланном на имя императрицы Анны Иоанновны, о том, что они провели дружественные переговоры с Тевкелевым и по взаимному согласию «в подданство пришли»⁴.

Переход каракалпаков в подданство России значительно облегчил действия Абулхаир-хана и Тевкелева. Как отмечает Л. Мейер, «угнетенные и грабимые со всех сторон каракалпаки», узнав о прибытии Тевкелева, начали «искать через него покровительство России, что сильно подействовало на киргизов (казахов.— С. К.)... киргизы начали почти везде признавать себя русскими подданными»⁵.

В. Н. Витевский, в свою очередь, подчеркивает, что «присоединение к Абулхаиру каракалпакского хана Хаип-Хали дало перевес партии Тевкелева»⁶.

Исследователь истории присоединения Казахстана к России Н. Г. Аполлова на основе изучения «Журнала Тевкелева» также констатирует значительную роль каракалпаков в поддержке казахов — сторонников перехода в российское подданство⁷.

Активные действия каракалпаков, направленные на присоединение к России, оказали серьезное влияние на казахов Малого Жуза, видимо, и потому, что они как самые близкие соседи-земледельцы, удовлетворявшие потребности кочевников в хлебе, играли существенную роль в их экономике.

Каракалпаки помогли Тевкелеву и в распространении русского подданства на население Аральского владения. Известный каракалпакский старшина Оразак-батыр, одним из первых принявший подданство

² Там же, с. 240.

³ Там же, с. 242, 243.

⁴ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961, с. 39.

⁵ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства.— Материалы для географии и статистики России. СПб., 1865, с. 7, 8.

⁶ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. I. Казань, 1889, с. 137.

⁷ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948, с. 239.

России, 10 февраля 1732 г. явился к Тевкелеву и предложил свое посредничество в том, чтобы склонить хана Аральского владения Шахтемира и подвластный ему народ на сторону России. Получив одобрение Тевкелева, он отправился к аральцам и вернулся уже 4 марта, полностью справившись со своей задачей. В сообщении о результатах его миссии говорилось: «Он, Оразак-батыр, аральского Шахтемира и аральских народов быть в подданстве Российском склонил и пришлютца-де от них, аральцев, к нему, Тевкелеву, посланцы»⁸.

17 апреля 1732 г. Абулхайр направил в ставку Шахтемира с дружеским визитом своего сына Султана Нуралы. С целью укрепления династических связей он послал также в жены аральскому хану свою племянницу. Невесту сопровождала пышная свита казахских старшин, насчитывавшая около 60 человек. Через два дня после отъезда сына Абулхайр-хан отправил двух своих приближенных в Хиву с письмом, в котором уведомлялось, что он принял русское подданство⁹.

В начале 1734 г. казахские и каракалпакские посланцы были приняты в Петербурге, где с нетерпением ожидали результатов миссии Тевкелева. Русское правительство направило грамоту с «высочайшим уведомлением» о принятии в подданство казахов и каракалпаков как казахским ханам, так и каракалпакскому хану Канпу. В ней указывалось: «...Милостиво обнадеживаем, что при торговых своих промыслах и хлебопашестве спокойно и безопасно всегда жить будете и повелеваем Вам свободный торг с нашими подданными..., а при этом вам в потребных случаях по указам нашим службы свои нам по должности подданической отдавать и верно оказывать, а мы повелели посланцам нашим с. с. (статскому советнику.— С. К.) Ивану Кирилловичу и полковнику Мурзе Тевкелеву... от всяких неприятельских нападений... каракалпакский ваш народ... охранять и защищать»¹⁰.

Так завершилась первая попытка принятия каракалпаками подданства России. Правда, установление подданства тогда было еще в большей степени формальным и не принесло желаемого усиления торговых и дипломатических отношений с Россией. Тем не менее оно имело для каракалпаков большое значение в смысле упрочения их политического положения и стало основой для дальнейшего налаживания и укрепления взаимоотношений с Российским государством. Не следует также забывать, что благодаря этому акту низовья Сырдарьи и Аральское владение не подверглись опустошительному нашествию войск иранского шаха Надира. Когда в 1740 г. Надир-шах двинулся на Хиву, русское правительство по просьбе Абулхайра направило на Сырдарью миссию под началом военного геодезиста Муравина. Вместе с представителями казахов, каракалпаков, аральцев он предпринял экспедиционную поездку в Хиву, показав тем самым Надир-шаху, что Казахское ханство и Аральское владение отныне находятся в подданстве России и под ее защитой. И Надир-шах не решился двинуть свои войска в низовья Сырдарьи.

К 40-м годам XVIII в. намечается тенденция высвобождения каракалпаков из-под влияния хана Младшего Жуза и все более усиливается их ориентация на переход в прямое подданство России. Заинтересованное в укреплении своего влияния среди каракалпаков на Сырдарье, а через них — в Аральском и Хивинском владениях русское правитель-

⁸ Казахско-русские отношения..., с. 68.

⁹ Там же, с. 71, 72.

¹⁰ Грамота императрицы Анны Иоанновны к Гаипу каракалпакскому хану.— Материалы по истории Каракалпакии и каракалпаков, Труды Института востоковедения, т. VII, М.—Л., 1935, с. 203.

ство пошло навстречу их желанию. В 1743 г. каракалпаки были приняты в прямое подданство. В течение четырех лет, с 1740 по 1743 г., между каракалпаками и Россией поддерживались интенсивные связи.

Однако такой поворот событий не устраивал хана Абулхайра. Он не хотел терять часть своих подданных и поступавшие с них налоги. Поэтому он развязал руки казахским феодалам, давно уже исподволь претендовавшим на земли, занятые каракалпакским народом. С зимы 1743 г. начались их непрерывные набеги на каракалпакские земли. Царское же правительство, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», не приняло никаких мер для прекращения подобных действий.

Эти неблагоприятные политические события вынудили каракалпаков с середины XVIII в. покинуть обжитые ими присырдарьинские районы. Со второй половины XVIII до начала XIX в. основная масса каракалпаков обосновывается в районе Жаныдарьи. С 70-х годов XVIII в. обостряются каракалпакско-хивинские отношения, которые завершились покорением каракалпаков и переселением их в низовья Амударьи в 1811 г., при Мухаммед Рахим-хане хивинском. Дальнейшая жизнь каракалпакского народа до 1873 г. протекала под игом деспотической власти хивинских ханов.

В условиях безграничного произвола хивинских властей большое впечатление на население ханства произвели прекращение феодальных усобиц и иные объективно прогрессивные изменения, происшедшие в Казахстане после присоединения его к России. Каракалпаки и другие народы, населявшие Хиву, проявляли все более явное тяготение к России. Эта тенденция приняла к середине XIX в. форму массовых восстаний против деспотического произвола хивинских ханов с целью объединения с Россией. Примером тому служат восстания каракалпаков совместно с другими народами низовьев Амударьи в 1855—1856 и 1858—1859 гг. И неслучайно в 1873 г. русские войска не встретили в Хиве сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны коренного населения, а напротив, были встречены вполне доброжелательно.

Присоединение к России сыграло исторически прогрессивную роль в жизни каракалпакского и других народов Средней Азии, навеки связавших свои судьбы с великим русским и другими народами нашей страны.

С. Камолов

ТЕВКЕЛЕВ МИССИЯСИ ВА ҚОРАҚАЛПОҚЛАРНИНГ ИХТИЕРИИ РАВИШДА РОССИЯ ТОБЕЛИГИГА ДАСТЛАБКИ КАБУЛ ҚИЛИНИШИ

Қорақалпоқ халқининг кўнгилли равишда Россия тобелигига дастлабки қабул қилинишининг (1731 йил) 250 йиллигига бағишланган ушбу мақолада М. Тевкелев раҳбарлигидаги рус миссиясининг ролини кўрсатиб берилган.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ УзССР (1966—1975)

В Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС Л. И. Брежнев, характеризуя успехи экономического развития СССР, особо отметил ощутимые результаты многосторонней работы партии и народа по подъему сельского хозяйства страны. Большую роль в этом сыграло обеспечение сельского хозяйства квалифицированными кадрами, в том числе со средним специальным образованием.

Значительная работа по подготовке кадров среднего звена для хлопководства и других отраслей земледелия и животноводства проделана и в нашей республике. Крупные успехи в этом направлении были достигнуты уже за первое десятилетие после мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС, т. е. в годы восьмой и девятой пятилеток (1966—1975).

Только за 1966—1972 гг. сеть средних специальных учебных заведений сельскохозяйственного профиля выросла в УзССР с 23 до 31 (против 16 в 1960 г.)¹. И если в 1965 г. в них было принято 7621, то в 1970 г.— 10 285, а в 1975 г.— 11 823 учащихся². Выпуск специалистов из этих учебных заведений соответственно возрос с 3463 до 7019 и 8893 человек³.

Значительно расширился круг специальностей, по которым велась подготовка в сельхозтехникумах. Так, еще в 1964/65 г. было введено обучение по специальностям «агрехимия» и «защита растений», с 1965/66 г.— «товароведение и материально-техническое снабжение и сбыт», «планирование сельскохозяйственного производства», а с 1966/67 г.— «птицеводство», «механизация и электрификация животноводства», «механизация гидромелиоративных работ». Всего в 1967 г. 23 сельхозтехникума республики вели подготовку кадров среднего звена (очно и заочно) по 19 специальностям⁴.

Разработанный в мае 1966 г. МСХ УзССР перспективный план подготовки специалистов на 1966—1970 гг. предусматривал дальнейшее расширение числа специальностей, по которым велась подготовка кадров для села⁵.

В 1967 г. в 6 сельхозтехникумах были открыты дневные отделения по подготовке руководящих кадров среднего звена для колхозов и совхозов на 300 человек, а в 1968 г. такие отделения были открыты в 8 техникумах⁶.

Много внимания уделялось укреплению материально-технической базы учебных заведений — возведению новых, расширению и ремонту старых зданий, укомплектованию сельхозтехникумов необходимым оборудованием, приборами, учебными пособиями, строительству студенческих общежитий, столовых, спортивных комплексов и т. п. Повсеместно внедрялись кабинетная система, технические средства обучения, создавались новые лаборатории, учебные мастерские, пополнялись библиотечные фонды.

Большинство сельхозтехникумов действовали на базе совхозов, колхозов, научно-исследовательских институтов, а остальные обеспечивались учебно-опытными хозяйствами с соответствующей техникой и инвентарем.

С 1967 г. все 23 сельхозтехникума республики были обеспечены земельными участками для учебно-производственных хозяйств, что положительно отразилось на качестве учебы и производственной практики, ибо ранее лишь 16 техникумов действо-

¹ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 10, д. 2547, л. 28; текущий архив ЦСУ УзССР за 1972 г.

² Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет Советской власти. Юбилейный статистический ежегодник. Ташкент, 1977, с. 288.

³ Там же, с. 291.

⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 10, д. 2547, л. 45.

⁵ Там же, л. 26.

⁶ Там же, л. 24.

вали на базе колхозов и совхозов, а остальным нужны были свои учебно-опытные хозяйства с соответствующей техникой, сельхозинвентарем и т. п. (5 техникумов уже имели такие хозяйства ранее, а 2 получили их в 1967 г.)⁷.

Значительная работа была проделана по повышению качественного состава преподавательских кадров. Росту их квалификации, педагогического мастерства способствовали стажировка преподавателей в лучших учебных заведениях страны, систематическое прохождение курсов и факультетов повышения квалификации, семинарские занятия, активизация работы методических кабинетов и предметно-цикловых комиссий, проведение аттестаций, обмен опытом работы лучших педагогов, наставничество.

Особое внимание уделялось непрерывному улучшению учебно-воспитательного процесса, в том числе совершенствованию учебных программ и планов, повышению качества преподавания теоретических и прикладных дисциплин и проведения практических занятий, а также подготовке будущих специалистов по новым профессиям. Предметом специальной заботы было их идейно-политическое воспитание, при этом огромное значение придавалось качеству преподавания общественных дисциплин.

Большую роль в повышении уровня учебно-воспитательной работы в средних специальных учебных заведениях играла растущая сеть опорных техникумов.

Дирекции и педагогические коллективы учебных заведений настойчиво добивались выполнения учебных планов и программ в полном объеме, сокращения отсева, повышения успеваемости, учебной и производственной дисциплины, неуклонного улучшения качества учебного процесса.

Например, планом работы по Ташкентскому техникуму птицеводства на 1967/68 учебный год предусматривалось⁸:

1) повышение научно-технического уровня и педагогического мастерства преподавателей, особенно углубление их экономических знаний, проведение для них теоретических семинаров и др.;

2) доведение до минимума отсева учащихся, прежде всего на основе повышения качества учебно-воспитательного процесса, ведения индивидуальной работы, особенно с заочниками;

3) повышение персональной ответственности преподавателей за качество обучения и итоги сессий;

4) усиление работы предметных комиссий по совершенствованию форм и методов обучения, укреплению связи его с практикой;

5) улучшение организации практических занятий;

6) активизация работы предметных кружков.

Оживление деятельности предметных кружков способствовало лучшему усвоению изучаемых предметов. Так, в Ташкентском техникуме птицеводства в 1968—1969 гг. при методических кабинетах птицеводства, а также механизации и электрификации животноводства регулярно работали кружки по химии, автоделу, земледелию и кормопроизводству, механизации и электрификации животноводческих ферм. В методических кабинетах и кружках имелись необходимые для занятий литература и пособия, детали машин, гербарии, схемы, диаграммы, семена многих культур и т. п.⁹

В Нукусском сельхозтехникуме тогда работали кружки по ботанике, растениеводству и др.¹⁰ Соответствующие кружки действовали и в других учебных заведениях системы МСХ УзССР.

Большую роль в улучшении всей работы сельскохозяйственных техникумов республики сыграло образование совхозов-техникумов. Это видно, в частности, на примере совхоза-техникума «Пахтаарал», созданного в начале 1965 г. Ранее учащиеся часто отвлекались от занятий на сельскохозяйственные работы в ущерб учебному плану. Кроме уборки хлопка-сырца, их отрывали от занятий на прореживание и прополку посевов хлопчатника (до месяца), для оказания помощи отстающим колхозам района. Во время летней экзаменационной сессии значительное количество старшекурсников участвовали в уборке зерновых. Все это отрицательно сказывалось на качестве обучения. А когда надо было распределять учащихся на практику, то возникали большие сложности с их трудоустройством.

С организацией совхоза-техникума эти трудности отпали. Появилась возможность так спланировать учебный процесс, чтобы во время прохождения практики учащиеся могли последовательно принимать участие во всех сельскохозяйственных процессах согласно учебному плану, а не в качестве чернорабочих, причем количество их на практике, как правило, оказывается достаточным, чтобы не отрывать остальных учащихся от занятий. Благодаря этому мобилизация учащихся 1—2-х курсов.

⁷ Там же, л. 27.

⁸ Там же, д. 4375, л. 211.

⁹ Там же, д. 2577, л. 20.

¹⁰ Там же, д. 3831, л. 57.

на сельскохозяйственные работы была сведена до минимума. Все учащиеся обеспечиваются рабочими местами с гарантированной оплатой¹¹.

В 1965/66 г. в соответствии с приказами Министерства сельского хозяйства УзССР от 16 апреля 1965 г. (№ 197), 18 декабря 1965 г. (№ 520) и 31 марта 1966 г. (№ 152/107) была проделана определенная работа по улучшению заочного обучения в сельхозтехникумах республики. Так, для заочников были организованы регулярные коллективные и индивидуальные консультации. В период экзаменационных сессий с каждым потоком было проведено по 2—3 собрания, где говорилось о методике работы над учебниками, написания и оформления контрольных работ, организации самоподготовки, итогах сессий и т. д. Были приняты меры к улучшению качества обзорных лекций, установочных уроков, лабораторно-практических занятий и др.¹²

В целях улучшения работы с заочниками было создано 10 новых учебно-консультационных пунктов, а при Министерстве организован методический кабинет. Они были обеспечены заведующими, методистами, укомплектованы литературой и др. Были расширены штаты методистов и в самих техникумах¹³.

Важное значение имело обеспечение заочных отделений и консультационных пунктов соответствующей учебно-методической документацией, пособиями и т. д. В этих целях с марта 1966 г. при Ташкентском сельхозтехникуме была организована редакционно-издательская группа для подготовки необходимой заочникам учебно-методической литературы на узбекском языке. Был намечен перечень подлежащей изданию учебно-методической документации по общеобразовательным и общетехническим специальностям (21 наименование общим тиражом 86 тыс. экз.). К апрелю 1966 г. заочные отделения сельхозтехникумов получили через МСХ УзССР 18 наименований учебных пособий и методических указаний (на рус. и узб. яз.)¹⁴.

Принимались и меры организационного порядка. Так, повсеместно были составлены четкие графики проведения учебного процесса на заочных отделениях; установлено обязательное прохождение всеми заочниками последнего курса 30-дневной производственной практики по присваиваемой квалификации в передовых хозяйствах. Учащимся оплачивался не только период их пребывания на сессиях, но и проезд в техникум и обратно, к месту постоянной их работы.

Чтобы материально стимулировать качество работы методистов и преподавателей с заочниками, была установлена оплата за проверку контрольных работ не только по специальности, но и по другим предметам, а методистам и заведующим учебно-консультационными пунктами предоставлялись отпуска в течение 48 рабочих дней (при выполнении ими за год не менее 960 часов педагогической работы)¹⁵.

Вопросы улучшения учебного процесса на заочных отделениях были обсуждены в начале 1966 г. на педсоветах и партийных собраниях во всех сельхозтехникумах республики¹⁶.

В феврале 1968 г. и ноябре 1969 г. МСХ УзССР приняло постановления о мерах по дальнейшему улучшению подготовки специалистов в сельхозтехникумах¹⁷. Особое внимание уделялось повышению качества учебного процесса и созданию всех необходимых для этого материальных и организационных условий.

С 1970 г. в 7 сельхозтехникумах УзССР были организованы специальные отделения по подготовке руководящих кадров для колхозов и совхозов с ежегодным планом приема 500 человек¹⁸.

Забота о подготовке руководящих кадров колхозно-совхозного производства и в дальнейшем оставалась в центре внимания партии и правительства. На это особо указывалось в документах XXIV съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС, а также в решениях XVIII съезда Компартии Узбекистана и пленумов ЦК КПУз.

В августе 1974 г. ЦК КПСС вынес постановление «О работе сельскохозяйственных органов по переподготовке и повышению квалификации руководящих кадров и специалистов колхозов и совхозов»¹⁹. В нем, в частности, отмечался огромный вклад сельхозтехникумов в подготовку кадров среднего звена для колхозного и совхозного производства. Вместе с тем указывалось, что качество подготовки их не всегда еще отвечает современным требованиям. Особенно важно обеспечить изучение актуальных проблем социально-экономического развития села и повышения эффективности сельского хозяйства на базе научно-технического прогресса.

¹¹ Архив МВССО УзССР. Годовой отчет совхоза-техникума «Пахтаарал» за 1968/69 учебный год.

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 10, д. 2547, л. 20.

¹³ Там же, л. 33—34.

¹⁴ Там же, л. 33.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, д. 4375, л. 145.

¹⁸ Там же, д. 4400, т. 1, л. 68.

¹⁹ «Правда Востока», 1974 г., 10 августа.

С этой целью Министерству сельского хозяйства СССР было поручено обеспечить переработку учебных программ и пособий; закрепить за каждым учебным заведением передовые хозяйства в качестве базовых для проведения производственной практики и стажировки учащихся; уточнить специализацию каждого учебного заведения и его отделений и улучшить качество их работы; укрепить учебно-материальную и опытно-производственную базу учебных заведений. При этом особое внимание было уделено обеспечению их учебниками, пособиями, методической литературой, плакатами, техническими средствами обучения и т. п.

В реализацию этих и других постановлений партии и правительства, указаний по данному вопросу МСХ СССР и УзССР свой вклад вносили и средние сельскохозяйственные учебные заведения Узбекистана, настойчиво добивавшиеся улучшения всего процесса подготовки будущих специалистов и руководителей среднего звена для колхозов и совхозов республики.

Большая работа педколлективов сельхозтехникумов приносила свои плоды. Например, в 1968/69 учебном году средняя успеваемость в сельхозтехникумах УзССР составляла 98,2%, посещаемость занятий — 98%. Наилучших результатов по успеваемости добились совхоз-техникум «Пахтаарал» (99,8%), Кокандский техникум механизации (99,7%), Наманганский (99,5%), Букинский (99,4%) и ряд других сельхозтехникумов²⁰.

В 1969/70 учебном году успеваемость по сельхозтехникумам УзССР повысилась до 98,5%, посещаемость — до 98,2%. По отдельным техникумам эти показатели были еще выше. Так, в Самаркандском зооветеринарном техникуме они составили соответственно 99,9 и 99,8%. Успеваемость учащихся в сельхозтехникуме «Чиназ» достигла 99,8%, в Наманганском сельхозтехникуме — 99,5%, Галляаральском — 99,2% и т. д.²¹

Предметом особой заботы было всемерное улучшение преподавания общественных дисциплин как исключительно важного фактора воспитания будущих специалистов народного хозяйства, формирования личности юношей и девушек, подрастающего поколения строителей коммунизма.

Совершенствование преподавания общественных дисциплин в средних специальных учебных заведениях Узбекистана, как и всей страны, осуществлялось в рассматриваемый период в соответствии с Программой КПСС, решениями XXIII и XXIV съездов КПСС, XVII и XVIII съездов КПУз, последующих Пленумов ЦК КПСС и ЦК КПУз, положений и выводов, содержащихся в выступлениях Л. И. Брежнева, других важнейших партийных документах того времени. При этом учитывалась тесная взаимосвязь познавательного и воспитательного значения этих дисциплин.

Преподавание общественных дисциплин велось на основе новых учебных программ, непрерывно совершенствовавшихся в свете решений XXIII—XXIV съездов КПСС и последующих постановлений партии и правительства. Совершенствовалась и методика занятий, внедрялись технические средства обучения, расширялось применение наглядных пособий.

Существенную помощь в улучшении преподавания этих дисциплин оказывали вузовские кафедры общественных наук, методические объединения, регулярно проводимые семинары, совещания преподавателей общественных наук и другие мероприятия.

В 9-й пятилетке в преподавании общественных дисциплин в сельхозтехникумах были достигнуты новые успехи. Предметные комиссии общественных дисциплин сельхозтехникумов были закреплены за кафедрами общественных наук вузов. Было организовано повышение квалификации преподавателей истории и обществоведения через Республиканский институт повышения квалификации. Создавались методические объединения преподавателей общественных наук техникумов в Ташкенте, Самарканде, Коканде, других городах. Расширялась сеть предметных кабинетов, выпускались новые учебники, литература, пособия, успешно применялись технические средства обучения. Стали проводиться смотры-конкурсы работы предметных кабинетов, зональные совещания председателей предметных комиссий и заведующих кабинетами общественных дисциплин совместно с директорами техникумов и т. д.

Все это способствовало повышению качества преподавания и успеваемости по общественным дисциплинам.

Таким образом, в рассматриваемый период в соответствии с решениями партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС, постановлениями партии и правительства, указаниями Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Узбекистане, как и по всей стране, была проделана большая работа по улучшению преподавания общественных и специальных дисциплин, всего учебно-воспитательного процесса в средних специальных учебных заведениях сельскохозяйственного профиля. Только за 1966—1970 гг. сельхозтехникумы УзССР дали селу 29,1 тыс. молодых специалистов со сред-

²⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 10, д. 4375, л. 146.

²¹ Там же, л. 3.

ним специальным образованием²². Выпуск их в 1975 г. почти втрое превысил уровень 1965 г.²³

Все это резко повысило обеспеченность сельского хозяйства квалифицированными кадрами, которые своим самоотверженным трудом вносят все возрастающий вклад в дальнейший подъем хлопководства и других отраслей земледелия и животноводства Узбекистана.

Ц. Хамидова

²² Узбекистан за годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.). Краткий статистический сборник. Ташкент, 1971, с. 81.

²³ См.: Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет Советской власти, с. 291.

К ДВАДЦАТИЛЕТНИЮ ЭКСПЕДИЦИИ НА КАРАТЕПА (ТЕРМЕЗ)

Неподалеку от центра Сурхандарьинской области УзССР г. Термеза, на правом берегу Амударьи, лежит огромное городище Старого Термеза, разрушенного в 1220 г. отрядами Чингисхана. Древнейшие культурные слои городища изучены еще слабо. Однако находки монет и керамики позволяют утверждать, что Термез существовал уже во второй половине III—II в. до н. э., в период господства в Бактрии¹ греческих царей. Расцвет же этого города в древности приходился на первые века н. э., когда значительная часть земель современных Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии и, вероятно, Восточного Туркестана входила в состав могущественной Кушанской империи.

Судя по археологическим данным, Термез при кушанах был крупным городом, внешняя стена которого охватывала площадь примерно в 350 га. Помимо цитадели, заселенной еще в греко-бактрийское время, в кушанский период были уже застроены участки к востоку, западу и северу от нее, вдоль берега Амударьи. На остальной площади нынешнего городища тогда располагались отдельные постройки с приусадебными садами, полями и огородами. Вблизи от города, как бы охватывая его дугой, размещались загородные буддийские комплексы, а в северо-западном углу древнего города под защитой его внешней стены, на высоком трехглавом бугре Каратепа находился крупный культовый центр кушанского Термеза².

Каратепа — один из наиболее известных археологических памятников Узбекистана. Ему посвящено более сотни научных статей различных авторов, изданных как в СССР, так и в Индии, Венгрии, ФРГ, Италии, США и других странах³, и пять сборников материалов его исследований⁴. Сведения о Каратепа в свете новейших данных опубликованы в работах автора этих строк «Кушанская Бактрия...»⁵ и «Средняя Азия — искусство кушан» (на немецком языке)⁶. Новые материалы по Каратепа и его

¹ Бактрия (с IV в. н. э. — Тохаристан) — древняя область по обоим берегам Амударьи, охватывавшая нынешние Северный Афганистан, юг Узбекской и Таджикской ССР и юго-восток Туркменской ССР.

² Последнюю сводку о Старом Термезе с указанием предшествующей литературы см.: Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 47—50, 89—90, 253—254.

³ См., напр.: P tchelina E. G., Stavisky B. J. Kara-tepe — Remains of Buddhist Monastery of the Kushan period in Old Termez. — «Indo-Asian Studies», pt. 1, New Delhi, 1963, p. 193—202; Harmatta J. The Bactrian Inscriptions at Kara Tepe. — «Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis», Sectio Classica, I (1972), p. 77—88; Humbach H. Kara Tepe — Tochi-Surch Kotal. — «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», Heft 28, 1970, S. 43—50; Mukherjee B. N. The Epigraphic Evidence from Kara Tepe and Socalled Old Saka Era. — «East and West», vol. 21, N 1—2, Roma, 1971, p. 69—73; Stavisky B. J. «Buddha-Mazda» from Kara Tepe in Old Termez (Uzbekistan). — «The Journal of the International Association of Buddhist Studies» vol. 3, N 2, Madison (USA), 1980, p. 89—94.

⁴ См. материалы совместной экспедиции на Кара-тепе: Грек Т. В., Пчелина Е. Г., Ставиский Б. Я. Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964 (Кара-тепе, I); сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе». М., 1969 (Кара-тепе, II); сб. «Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе». М., 1972 (Кара-тепе, III); сб. «Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе». М., 1975 (Кара-тепе, IV). Пятый выпуск материалов — «Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе» — должен выйти в конце 1981 г.

⁵ Вторая половина этой монографии издана в Токио на японском языке; право на издание всей книги в переводе на французский язык предоставлено Национальному центру научных исследований в Париже (выход в свет ее намечен на конец 1981 — начало 1982 г.).

⁶ Stavisky B. Mittelasiien — Kunst der Kuschan. Leipzig, 1979.

художественным памятникам содержатся также в переработанном и дополненном издании книги «Искусство Средней Азии»⁷.

Своей широкой известностью Каратепа обязано в основном систематическим исследованиям, проводимым здесь с 1961 г. совместной экспедицией ряда научных учреждений Москвы, Ленинграда и Академии наук УзССР⁸. Успех же ее работы в значительной мере был подготовлен самоотверженным трудом наших предшественников — подлинных первооткрывателей Каратепа.

Еще А. С. Стрелков, известный специалист по искусству древнего мира, участвуя в первой крупной экспедиции советских ученых в Среднюю Азию — экспедиции Музея восточных культур (теперь ГМИНВ) 1926—1928 гг., — обратил внимание на почти полностью засыпанные пещеры на Каратепа и высказал мнение, что это остатки буддийских пещерных храмов. Это предположение он не опубликовал, но уже в конце 20-х годов оно приобрело широкую известность среди исследователей Средней Азии. И когда в 1936 г. Б. Б. Пиотровский (ныне директор Эрмитажа, академик) вел в составе Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) раскопки на соседнем бугре Чингизтепа, он во главе небольшой группы сотрудников ТАКЭ (в нее входил и А. С. Стрелков) осуществил также обследование трех пещер Каратепа, обнаруженных ранее А. С. Стрелковым и частично раскопанных в 1934—1935 гг. тогдашним директором Термезского музея Г. В. Парфеновым. В результате работ группы Б. Б. Пиотровского предположение о буддийском характере Каратепа было подкреплено археологическими данными.

В 1937 г. сотрудник ТАКЭ Е. Г. Пчелина приступила к раскопкам Каратепа и открыла еще две пещеры, а также наземное святилище и часть храмового двора. Позднее, в годы Великой Отечественной войны, она обобщила результаты своих раскопок, работ Г. В. Парфенова и группы Б. Б. Пиотровского в кандидатской диссертации⁹, а после создания нашей экспедиции опубликовала основные данные своего исследования в первом выпуске ее «Материалов»¹⁰.

Большой вклад в изучение Каратепа внес начальник ТАКЭ, проф. М. Е. Массон (ныне акад. АН ТуркмССР). Он тщательно проследил и описал историю изучения Старого Термеза до 1936 г., направлял все исследования на Каратепа в 1936—1938 гг. и суммировал их итоги, определив характер этого памятника и его место в комплексе объектов городища Старого Термеза¹¹.

* * *

Работами на Каратепа затронута пока лишь южная вершина этого трехглавого бугра. Но уже теперь ясно, что буддийский культовый центр кушанского Термеза включал десятки отдельных буддийских комплексов, состоявших из пещерных и наземных помещений — храмов, святилищ, дворов и т. п. Помещения размещались иногда в два яруса. В ряде случаев во дворах находились ступы. В других дворах по их периметру тянулись портики с колоннами — айваны. Храмы и айваны нередко украшала монументальная орнаментальная и сюжетная живопись с изображением Будды, божеств, донаторов и, возможно, сцен из каких-то (местных или буддийских) преданий. В святилищах, храмах и во дворах найдены также фрагменты каменной, ганчевой и глиняной скульптуры, обычно несущей следы раскраски и позолоты.

Почетное место среди находок на Каратепа занимают разноязычные надписи. Эпиграфическая коллекция из раскопок 1961—1981 гг. пока не имеет себе равных.

⁷ Первое издание — Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии. Древний период. М., 1974. Право на новое издание на немецком языке приобрело издательство Б. Кайль в Бонне (ФРГ), планирующее выпустить книгу в 1982 г.

⁸ Экспедиция была создана весной 1961 г. Отделом Востока Государственного Эрмитажа (ГЭ) по договоренности с Институтом истории и археологии (ИИА) АН УзССР. С 1962 г. в работах на Каратепа стал участвовать Московский Государственный музей искусства народов Востока (ГМИНВ), а затем и Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (ныне Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации — ВНИИР). Позднее в этих работах приняли участие также Институт востоковедения (ИВ) АН СССР, ленинградский Государственный музей истории религии и атеизма (ГМИРА) и выделившийся из ИИА АН УзССР Институт археологии (ИА).

⁹ См.: Пчелина Е. Г. Древнебуддийский монастырь Кара-тепе, Термез. — «Доклады и сообщения исторического факультета Московского университета», вып. 4, М., 1946, с. 52—56.

¹⁰ Пчелина Е. Г. Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе. — «Кара-тепе, I», с. 82—99.

¹¹ См.: Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение. — «Труды УзФАН СССР», сер. 1, вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция

Эти надписи четко делятся на две группы: 1) тексты, написанные на стенках керамических сосудов в период функционирования буддийских комплексов, 2) надписи-граффити, оставленные посетителями уже заброшенных буддийских пещер.

Почти все надписи на керамике (а их найдено уже более 120) дошли до нас во фрагментах. Однако в ряде случаев удалось определить не только их письмо и язык, но и содержание¹². Больше всего оказалось надписей индийскими алфавитами кхарошхи и брахми. Часть надписей выполнена кушанским письмом, основанным на использовании греческого алфавита (язык таких надписей принято обозначать как бактрийский). Встречены также двуязычные тексты — брахми и кушанским письмом и, наконец, надпись так называемым «неизвестным письмом» арамейского происхождения (французский лингвист Ж. Фуссман, открывший это письмо, называет его еще «камбоджийским»).

Значительная часть надписей на сосудах из Каратепа — дарственного характера¹³. В них упоминаются имена дарителей, например «Буддашира-дхармакатхика» (т. е. проповедующий дхарму — буддийское учение)¹⁴, школа Махасангхика¹⁵ и название буддийского культового центра на Каратепа (или какой-то части его) — «кхадевака (государева, царская) вихара», связанное с титулом кушанского императора — «хвадев»¹⁶. Имелись здесь и тексты прокламативного характера — надписи-изречения¹⁷.

В отличие от надписей на керамике большинство граффити Каратепа, если не считать мусульманских надписей X—XII вв.¹⁸, — бактрийские; их открыто около двух десятков. Они, как и две среднеперсидские¹⁹ и одна двуязычная (бактрийско-среднеперсидская)²⁰, содержат в основном имена посетителей, а в ряде случаев, видимо, даты посещений. Индийских граффити на Каратепа открыто пока пять: две — брахми²¹ и три — кхарошхи²².

Значение граффити, как и надписей на керамике из Каратепа, для изучения истории и культуры кушанской эпохи трудно переоценить. Они засвидетельствовали, в частности, появление в Термезе персидских войск, что, наряду с монетными находками, подтверждает сведения древних авторов о завоевании Сасанидами в III (?) — IV вв. н. э. сердца Кушанской империи — Бактрии²³.

Открытия на Каратепа, как и работы наших узбекских коллег в Айртаме, Халчаане, Дальварзинтепа и других городищах кушанского времени, продемонстрировали высокий уровень культуры и искусства бактрийцев, одного из предков современных народов Средней Азии и Афганистана. Но, пожалуй, еще ярче эти открытия свидетельствуют о широких культурных взаимосвязях древней Средней Азии с Индостаном, северная часть которого была завоевана кушанскими царями и испытала на себе заметное политическое и культурное влияние среднеазиатских народов.

1936 г. Ташкент, 1940—1941, с. 30, 40, 77—80, 90—91; его же. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ).— КСИИМК, VIII, М.—Л., 1940, с. 114; его же. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг.— «Труды АН УзССР», сер. I. Термезская археологическая экспедиция, т. II, Ташкент, 1945, с. 3, 5.

¹² См.: «Кара-тепе, I», с. 62—82; «Кара-тепе, II», с. 32—39, 47—76; «Кара-тепе, III», с. 114—117, 118—121, 122—123; «Кара-тепе, IV», с. 47—52, 62—69, 70—81; «Кара-тепе, V» (статьи В. В. Вертоградовой).

¹³ См., напр.: Харматта Я. К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе — «Кара-тепе, II», с. 34—35.

¹⁴ Грек Т. В., Лившиц В. А. Двуязычная надпись из Кара-тепе.— «Кара-тепе, III», с. 118—120; Грек Т. В. Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе.— «Кара-тепе, III», с. 114—116.

¹⁵ Харматта Я. К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе.— «Кара-тепе, II», с. 34; Вертоградова В. В. Об одной индийской надписи на сосуде из Кара-тепе.— «Кара-тепе, IV», с. 81.

¹⁶ Вертоградова В. В. Новые индийские надписи из Кара-тепе.— «Кара-тепе, V» (в печати). См также: Вертоградова В. В. О наименовании буддийского пещерного монастыря на Кара-тепе в Старом Термезе.— Сб. «Санскрит и древнеиндийская культура», I, М., 1937, с. 83—96.

¹⁷ Вертоградова В. В. Об одной индийской надписи на сосуде из Кара-тепе, с. 70—81.

¹⁸ См.: Певзнер С. Б. Арабские надписи-граффити из Кара-тепе.— «Кара-тепе, IV», с. 82—87.

¹⁹ Луконин В. Г. Среднеперсидские надписи на Кара-тепе.— «Кара-тепе, II», с. 40—46.

²⁰ См. «Кара-тепе, IV», с. 8 и илл. 10.

²¹ Грек Т. В. Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе, с. 117.

²² Надписи готовит к публикации В. В. Вертоградова.

²³ См.: Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия..., с. 131—139.

Возникновение крупного буддийского культового центра в пригороде кушанского Термеза (как и загородных буддийских комплексов вокруг города) подтверждает свидетельства буддийской традиции о распространении буддизма из Индии в Среднюю Азию при кушанах. Добавим, что обозначение буддийского культового центра на Каратепа как «кхадевакавихара» — «царская вихара» показало, тоже в соответствии с буддийской традицией, важную роль высшей кушанской власти в распространении буддизма.

В свете раскопок Каратепа теперь можно видеть, что распространение буддизма в Средней Азии в кушанский период сопровождалось появлением здесь ряда элементов древнеиндийской культуры. Так, из Индостана пришли обычаи возводить ступы (и сама форма этих мемориальных культовых построек), использовать для культовых целей пещерные помещения, создавать скульптуры и стенные росписи с изображениями Будды в образе человека с характерными, выработанными в древней Индии особенностями и позами. Оттуда же заимствованы и такие мотивы, как цветок лотоса, отдельные растительные и архитектурные орнаментальные элементы. Надписи на керамике ярко продемонстрировали, что с распространением буддизма было связано и знание индийских письменностей и языков.

В то же время материалы из раскопок Каратепа показывают, что распространение буддизма в Средней Азии при кушанах сопровождалось не слепым восприятием веяний древнеиндийской культуры, а их усвоением и сочетанием с элементами местных культурных традиций. Показательно, например, что буддийские храмы Каратепа, в том числе пещерные, по их планировке восходят не к древнеиндийским постройкам, а к ближневосточно-среднеазиатской культовой архитектуре, где были широко распространены храмы с центральным святилищем, окруженным обводом из четырех коридоров. Даже изображения Будды в стенных росписях Каратепа имеют свои особенности. Так, Будда здесь, помимо трех своих основных отличительных признаков: пятна на лбу (урна), выпуклости на темени (ушниша) и удлиненных мочек ушей, — наделен еще нимбом и ореолом вокруг тела или помещен в окружение стилизованных языков пламени.

Примечательно, что и храмы, сходные по планировке с каратепинскими, и изображения Будды с нимбом и ореолом или языками пламени, не характерные для Индостана кушанской эпохи, широко представлены в буддийских памятниках Восточного Туркестана и Дальнего Востока, что, вероятно, отражает изменения, внесенные в буддийскую архитектуру и искусство в Средней Азии.

Хорошо известно, что распространение буддизма в Центральную Азию и на Дальний Восток во многом было обязано буддийским монахам, выходцам из Средней Азии. Они основывали новые монастыри, переписывали «священные тексты», переводили их на местные языки, комментировали их. Среди таких ученых монахов упоминается и Дхармамитра из г. Тармита (Термез), на берегу р. Паксу (Вахш—Амударья)²⁴. Это единичное сообщение теперь подкреплено находками на Каратепа индийско-бактрийских текстов, позволяющих полагать, что среднеазиатские монахи занимались переводами и, вероятно, толкованием буддийских текстов не только в монастырях Дальнего Востока, но и в Средней Азии.

И, наконец, индийские надписи-граффити с Каратепа показывают, что и после краха Кушанского государства индийцы (или люди, знающие индийские языки и письменности) продолжали посещать Среднюю Азию, через которую к святыням Индии, как известно, совершали паломничества также дальневосточные буддийские монахи.

* * *

Как уже отмечалось, экспедицию на Каратепа организовали ряд музеев и научных институтов нашей страны. В изучение Каратепа и открытых в ходе его раскопок памятников письменности и искусства включились специалисты различного профиля — археологи и историки, востоковеды (индологи, иранисты, арабист), историки искусств, реставраторы и представители естественных наук (в том числе медик-палеопатолог, химики, биофизики и др.). Среди исследователей Каратепа были 19 кандидатов и 4 доктора наук. Широкий международный отклик, который нашли открытия на Каратепа, способствовал тому, что к советскому коллективу исследователей пригнули и крупные зарубежные языковеды — академик Янош Харматта (Венгрия), проф. Вальтер Б. Хеннинг (США), проф. Хельмут Хумбах (ФРГ), индийский историк

²⁴ См.: Bailey A. Indo-Iranica. III. 5. Tar-mi-ta. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», vol. XIII, part 2, London, 1950, p. 400—403; Перих Ю. Н. Тохарская проблема. — журн. «Народы Азии и Африки», 1963, № 6, с. 122; его же. Память о тохарах в Тибете. — «Краткие сообщения Института народов Азии», 1964, № 65, с. 141.

и эпиграфист, доктор Б. Н. Мукерджи и специалист по истории буддизма Насим Бхатия (Индийский совет исторических исследований).

Именно многолетние систематические работы на Каратепа, участие в них широкого круга ученых, регулярное издание в СССР и за рубежом научной информации о ходе исследований этого замечательного памятника обусловили тот значительный вклад, который внесло изучение Каратепа в историческую науку.

Надо еще добавить, что совместное исследование находок на Каратепа, в первую очередь надписей, учеными СССР, Индии, Венгрии, США, ФРГ и публикация в «Материалах» экспедиции статей зарубежных лингвистов могут служить примером плодотворных научных контактов востоковедов разных стран, а вся деятельность нашей экспедиции направлена на самые гуманные цели — познание славного прошлого и древних взаимосвязей народов; изучение и сохранение их памятников культуры и искусства; укрепление дружбы и сотрудничества ученых и широкой общественности различных стран.

Б. Я. Ставиский

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, ОТКРЫТИЯ, НАХОДКИ

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К БИОГРАФИИ АЛИШЕРА НАВОИ

В Институте востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР недавно обнаружено два ценных документа, относящихся к биографии Алишера Навои. Они выявлены зав. сектором описания рукописей ИВ АН УзССР, канд. ист. наук А. Урунбаевым¹, который в течение ряда лет работает над изучением уникального письменного памятника — «Альбом Навои» (сборник автографов XV в.) и другими сборниками эпистолярного наследия XV в., содержащими немало сведений о социально-экономической, политической и культурной жизни народов Средней Азии, биографиях отдельных исторических личностей той эпохи.

Первый документ — письмо султана Хусейна Байкары, адресованное Якуб-беку (1478—1490 гг.), правителю Азербайджана из династии Ак-коюнду. Оно написано по случаю назначения Алишера Навои хакимом (правителем) Астрабадского вилаята (1487 г.), соседнего с владениями Якуб-бека.

Письмо (две страницы рукописи на перс. яз.) по своему содержанию относится к 1487 г. В нем особо подчеркивается большое доверие, оказываемое султаном Хусейном Алишеру Навои как мудрому государственному деятелю, и сообщается о вручении ему полномочий на управление областью Астрабада и ведение внешних сношений с государством Якуб-бека в целях установления с ним дружественных связей.

Второй документ — указ (нишан) султана Хусейна Байкары на имя Алишера Навои, изданный в связи с неповиновением центральной власти наместника Балхской области Дервиша Али, брата Алишера Навои. Документ (две страницы рукописи на перс. яз.) датирован 9 июля 1493 г. Он обязывает всех государственных чиновников и иных лиц не менять свое отношение к Алишеру из-за вины его брата, ибо уважение султана к Алишеру Навои как человеку, имеющему большие заслуги перед государством, день ото дня возрастает.

Турецкий перевод этого документа был опубликован в 1965 г. Агах Сирре Левендом, а в 1977 г. со ссылкой на него использован в «Узбек адабиёти тарихи» (т. II) С. Ганиевой.

Обнаружение персидского оригинала указа дает навоиоведам достоверный материал для дальнейшего изучения биографии великого поэта. Вновь выявленные документы имеют большое значение для более глубокого изучения биографии А. Навои, особенно периода 1487—1494 гг., который В. В. Бартольд считал годами «немилости и упадка влияния» Навои. А. Урунбаев подчеркнул, что эти документы помогут исследователям в решении дискутируемого в литературе вопроса — было ли назначение Навои хакимом Астрабада «почетным изгнанием» (В. В. Бартольд) или знаком особого доверия султана (А. А. Семенов).

Д. Ю. Юсупова

---

¹ Научное сообщение «О двух документах, касающихся жизни и государственной деятельности великого поэта-мыслителя Алишера Навои» было сделано А. Урунбаевым 10 июня 1981 г. на заседании ученого Совета Института востоковедения АН УзССР, а 19 июня — на заседании ученого Совета Института рукописей АН УзССР.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О РОЛИ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ
В ИЗУЧЕНИИ ЭТНОГЕНЕЗА УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Советской исторической наукой достигнуты крупные успехи в изучении истории народов Средней Азии, в том числе узбекского народа. Однако нашим историкам предстоит еще обеспечить глубокую разработку и всестороннее освещение многих проблем далекого и недавнего прошлого этого обширного региона. К их числу относятся и сложные вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии.

Правда, на сегодняшний день историками, археологами, антропологами, этнографами, лингвистами и другими специалистами в этой области проведена определенная работа, накоплен значительный фактический материал, как вещественный, так и почерпнутый из письменных памятников различных времен. Однако многие аспекты этой комплексной, многогранной проблемы ждут еще обстоятельного изучения. Для этого требуются коллективные усилия высококвалифицированных специалистов самого различного профиля.

Большую роль в изучении вопросов этнической истории играют письменные памятники прошлого. Но прежде чем перейти к анализу их значимости, хотелось бы отметить два весьма важных, по мнению автора этих строк, вопроса при разработке этногенеза и этнической истории народов Средней Азии.

Вопрос первый. Общеизвестно, что этническая история народов Средней Азии является процессом взаимосвязанным и взаимодополняемым, где историю одного народа трудно искусственно отделить от истории других народов. В частности, этническая история узбекского народа неразрывно связана с историей формирования и развития таких древних народов Среднеазиатского Междуречья, как согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы и др. Об этом свидетельствуют неоспоримые факты из письменных источников.

Формирование внутриэтнической структуры узбекского народа, равно как и других народов Средней Азии и Казахстана, продолжалось примерно с VI в. до н. э. до XVI в. н. э. Этот процесс, на наш взгляд, прошел четыре основных этапа:

1. С древнейших времен до VI в. н. э. В этот период, судя по сведениям источников, как вещественных, так и отчасти письменных (в основном древнеиранских, древнегреческих, римских и китайских), в Среднеазиатском Междуречье и прилегающих районах обитали саки, массагеты, тохары (юэчжи), канглы (кангюй), узы, усунь (уйшунь) и другие, бывшие древними предками узбеков, киргизов, казахов, туркмен и иных тюркоязычных народов.

2. С VI до XIII в. н. э. В это время на территории Среднеазиатского Междуречья и к северо-востоку от него письменные источники фиксируют расселение таких тюркоязычных племен, как тюрешши, тогузгузы, тухси, ягма, карлуки, чигил ябагу (ябаку) и др. Уже в IX—X вв. в ходе взаимодействия их с иными этническими группами (согдийцы, хорезмийцы и др.) формируется этническая основа узбекского народа.

3. С XIII до середины XV в. В этот период в состав тюркоязычных племен Среднеазиатского Междуречья вливаются тюрко-монгольские племена кипчак, джалаир, меркит, барлас, кераит, найман, уйгур и др., пришедшие сюда из Алтая, Семиречья, Восточного Туркестана в составе войск Чингисхана, Чагатая и их потомков.

4. Конец XV — начало XVI в. В то время в состав тюркоязычных племен исследуемого региона вливаются тюрко-монгольские племена Дашт-и Кипчака: буркут, буйрак, джат, дурман, ийджан, кенегес, кият, конгурат, курлаут, маджар, мангыт, минг (туман-минг), нукуз, таймас, тубай, утаджи, чимбай, шадбаклы, шункарлы и др. — известные в исторической литературе XIV—XV вв. под общим названием «узбеки»¹. Эти племена, как мы знаем, составили последний (четвертый) компонент в этническом сложении узбеков.

¹ Подробно о них см.: Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965, с. 11—17 и др.; его же. Улугбек и его исторический труд.— В сб.: Из истории науки эпохи Улугбека, Ташкент, 1979, с. 34—35.

Однако отсюда не следует, что пришедшие с Алтая, Семиречья, Восточного Туркестана и Дашт-и Кипчака племена сыграли решающую роль в этногенезе узбеков. В письменных источниках XV—XVII вв. среди этих «пришельцев» в Среднеазиатское Междуречье мы не встречаем, например, таких тюркоязычных племен, как алчин, канглы, ябу, тонгярук, тума, саджават, сарай, келечи, турк, токмак, тумат, ганчи и др., которые и ранее обитали в данном регионе. Это во-первых, а во-вторых, тюркоязычные племена вместе с согдийцами, бактрийцами, хорезмийцами жили в данном регионе издревле, о чем свидетельствуют и исследования антропологов². Так что переселившиеся в Среднеазиатское Междуречье из Алтая, Семиречья, Восточного Туркестана и Дашт-и Кипчака тюркоязычные племена составили лишь один из компонентов в этническом сложении узбеков и других тюркоязычных народов Средней Азии.

Вопрос второй. Письменные памятники не могут дать исчерпывающие сведения о далеком прошлом человека, например о жизни и деятельности его при двух общественно-экономических формациях — первобытнообщинной и рабовладельческой, да и о начальном периоде феодального строя. Основные и достоверные сведения по данному периоду истории человечества дают прежде всего вещественные памятники, объекты материальной культуры. Письменные же памятники могут служить основным источником по периоду феодализма.

Тем не менее кое-какие письменные источники дошли до нас и по периоду древности. Они содержат отрывочные, но весьма ценные сведения о народах, населявших Среднюю Азию и Казахстан в далеком прошлом. К числу таких источников можно отнести, например, «Авесту», священную книгу зороастрийцев (VII в. до н. э.—VII в. н. э.), в гатах (ясна 46, 12) и фравардин яште которой содержится, в частности, сведения о тюрках (тича) и легендарном туранском царе Афрасиабе; «Хвадай намак» («Книга о владыке»), в которой изложена история Ирана и временно подпавших под его владычество народов и стран с древнейших времен до Сасанидов включительно. Правда, оригинал этого сочинения не сохранился. Не дошел до нас и арабский перевод, выполненный в VIII в. замечательным стилистом, поэтом и переводчиком «Панчатантра» (у нас она известна как «Калила и Димна») Абдаллахом ибн ал-Мукаффа (казнен в 759 г. по велению халифа Мансура) и известный под названием «Китаб сияр ал-мулук» («Жизнеописание царей»). Но, к счастью, «Хвадай намак» не пропал бесследно. Важнейшие части его сохранились в «Уййун ал-ахбар» («Источники преданий») Ибн ал-Кутайбы (ум. в 889 г.) и в знаменитой истории Табари (838—923 гг.). Из древнеиранских письменных источников укажем еще на «Шахристанха-йи Иран» («Города Ирана»), составленное в VI в., где также можно встретить сведения о тюрках.

Ценные данные, особенно этнографического характера, содержатся и в трудах древнегреческих историков и географов: Геродота (V в. до н. э.), Страбона (I в. до н. э.), Эфора (405—330 гг. до н. э.), Дионисия (II в. н. э.), Эллиана (II—III вв. н. э.) и др., а также в китайских хрониках: «Исторические записки» Сыма Цяня (конец II — начало I в. до н. э.), «История старшего дома династии Хань» (25—265 гг. н. э.), «История дома Вей» (386—581 гг.), «История дома Суй» (581—618 гг.) и «История северных дворов» (VII в.); отдельные фрагменты из этих хроник, содержащие сведения о Средней Азии и сопредельных странах, населявших их народах, в переводе на русский язык опубликованы Н. Я. Бичуриным (1777—1853 гг.)³.

Останавливаться на каждом из этих источников в рамках одной статьи невозможно — они могут быть объектами специальных монографических исследований. Здесь же мы ограничимся приведением отдельных выдержек и фактов, представляющих интерес в историко-этнографическом плане.

Несколько примеров из древнегреческих авторов: «...Итак, с запада Каспийское море ограничено Кавказом, с востока к нему примыкает равнина на необозримом пространстве. Значительную часть этой обширной равнины занимают массагеты... Народ этот считается многочисленным и воинственным...» (Геродот. История)⁴.

² См., напр.: Я р х о А. И. Антропологический состав турецких народностей Средней Азии.— «Антропологический журнал», 1973, № 3; О ш а н и н Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов.— «Труды САГУ». Новая серия, вып. 96—98, Ереван, 1957—1959; О ш а н и н Л. В., З е з е н к о в а В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии.— В кн.: Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркменистана, Ташкент, 1953; Х о д ж а й о в Т. К. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапалитлепа. Ташкент, 1977.

³ Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Сочинение монаха Иакинфа. Ч. I—III. СПб., 1851. Второе издание: Б и ч у р и н Н. Я. (И а к и н ф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Редакция текста, вступительная статья и комментарии А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера. Т. I—III. М.—Л., 1950—1953.

⁴ Цит. по: Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.—III в. н. э.). Хрестоматия. Под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, 1940, с. 20—21.

«Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями. более восточные из них называются массагетами и саками...» (Страбон. География)⁵.

«Овечьи пастухи саки — племя скифов. Они жили в хлебобородной Азии, выходы от справедливых кочевников..., не предаются наживе, справедливы друг к другу, все имеют общее, женщин и детей и всю семью... Они передвигаются на повозках и питаются молоком. Они не допускают собственности и сообща владеют имуществом и всем...» (Эфор. Отрывки из всеобщей истории)⁶.

«Кто из саков хочет жениться на девушке, должен вступить с ней в борьбу. Если верх в борьбе остается за девушкой, побежденный борец становится ее пленником и поступает в ее полное распоряжение; только поборов девушку, может юноша взять ее в свою власть» (Клавдий Эллиан. Разнообразные повествования)⁷.

Китайские хроники в своей сущности тенденциозны. В них всячески превозносятся прозорливость и щедрость «Сына неба», т. е. китайского императора, которому якобы была присуща «беспримерная доброта»⁸; восхваляются «обширность и величие китайского двора»⁹; соседние с Китаем народы (усуни, ферганцы, кангюй и др.) называются дикарями, варварами, неприятелями, которых, дескать, следует наказать за их неповиновение и невнимательное отношение к послам Срединной империи. В них мы находим, например, такие строки: «Западный край совершенно отдален от Китая... Мало было пользы, когда приобрели, мало и вреда, когда оставили его. По беспримерной доброте, свойственной нашим государям, мы ничего не требовали от его владетелей: по сему-то со времен правления Гянь-Ву (с 25 г. н. э.) западный край, облагодетельствованный Китаем, всегда желал быть под его зависимостью... Большие владения, как Кашгар, Хотан и прочие, несколько раз присылали посланников и заложников к китайскому двору, изъявляя желание быть под его зависимостью. Но премудрый государь, глубоко проникая в прошедшее и настоящее, сообразуется с обстоятельствами и, не прерывая связей, не соглашается на невозможное»¹⁰.

Составителям хроник не удается скрыть агрессивную сущность внешней политики своих «премудрых», «добрых» и «щедрых» правителей, о чем свидетельствует, например, следующее сообщение китайской хроники: «Сын неба решил наказать Давань (Фергану). Если, говорил он, мы не можем покорить небольшое владение Давань, то Дахя и другие владения потеряют уважение к нам; даванских аргамаков никогда не получим; а усунь и Луньту с пренебрежением будут провожать китайских посланников, и мы сделаемся посмешищем для иностранных государств»¹¹.

Делались попытки «наказать» и Кангюй за то, что он «горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками»¹². Можно встретиться и с такими фактами, когда «варварам» в целях ассимиляции жаловали китайские имена и фамилии, в действительности же среди них было много согдийцев, тюрков, уйгуров, киданей и других представителей неханьских народов¹³.

Приводимые в китайских хрониках факты наглядно свидетельствуют о том, что народы «Западного края», Средней Азии и Казахстана давали решительный отпор агрессии китайских правителей. Именно об этом говорят слова о том, что «мало было пользы», когда приобрели Западный край, «мало и вреда, когда оставили его», сетования на непокорность жителей Ферганы и «дерзость» Кангюя; замечание о том, что «проникая в прошедшее» (т. е. учитывая неудачные попытки подчинения «Западного края»), правители Китая вынуждены были признать «невозможным» осуществление своих агрессивных замыслов. Все это убедительно показывает полную несостоятельность попыток маоистов «исторически обосновать» их притязания на территории Советской Средней Азии и Казахстана. Их домыслы вольно или невольно опровергают сами же китайские хроники.

Вместе с тем китайские хроники отличаются четкой хронологией (события излагаются строго по годам), указываются общая численность населения того или иного владения и занятия его обитателей, расстояния между ними, а также приводится богатый этнографический материал (о быте, нравах, обрядах, верованиях и обычаях) о юэчжи, кангюйцах, усунях и др.

Ценные сведения о саках, тохарах и канглы (канка) встречаем мы в широко известной научному миру «Махабхарате», эпической поэме на санскрите, составленной в V—IV вв. до н. э.

⁵ Там же, с. 22—23.

⁶ Там же, с. 24.

⁷ Там же, с. 23—24.

⁸ Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. III, с. 25, 100, 135.

⁹ Там же, с. 20.

¹⁰ Там же, с. 99—100.

¹¹ Там же, с. 25.

¹² Там же, с. 56—57.

¹³ Малаякян А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974, с. 94, 100, 104, 105, 117 и след.

Большой фактический материал по древности содержат такие эпические произведения, как «Сказание о Сиявуше», «Сказание об Аморге и Спаретре», «Сказание о Томарис», «Сказание о Шираке» и др., где повествуется о борьбе саков и массагетов с древнеперсидскими завоевателями.

Для изучения второго этапа этнической истории узбеков большое значение имеют знаменитый двухтомный «Тарих (история) Ахмада ибн Вадиha ал-Якуби» (ум. в 892 г.), повествующий об истории Ирана и сопредельных стран Востока VII—IX вв.¹⁴, широко известный капитальный труд Абу Джафара ибн Джарир ат-Табари «Тарих ар-расул ва-л-мулук ва-л-хулафа» («История пророков, царей и халифов») ¹⁵, «Худуд ал-'алам» («Границы мира») неизвестного автора, «Шах-наме» великого Фердоуси (941—1020 гг.), фундаментальный труд Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк» («Собрание тюркских слов»), всеобщая история Фахр ад-дин Мубарак-шаха Мерверруди (вторая половина XII—начало XIII в.); интересен рассказ автора «Зайн ал-ахбар» («Украшение истории») Гардизи, составленный около 1050 г.¹⁶, и др.

Надо сказать, что во многих из них (например, у Якуби, Табари, в «Шах-наме») тюркоязычное население Средней Азии названо под общим именем «тюрк», а страна их, т. е. земли, расположенные к северу от Амударьи, — «Туран». Исследователь может почерпнуть из них интересные факты о расселении и перемещении целых этнических групп. Так, согласно Табари (см. разделы о событиях 32/652—53—191/807 гг.)¹⁷, в VII—VIII вв. основное население Балха, Тохаристана, Бадгьса, Кухистана, Серахса, Чаганиана, Бухары, Шаша, Ферганы и Баб ал-Абваба (Дербента) было тюркоязычным. Говоря о нашествии арабов в Мавераннахр под водительством Убайдаллаха ибн Зияда в 54/674 г., Табари рассказывает о сражении его с тюрками Бухары, во главе которых стояла царица Кабадж-хатун; о 2000 отличных тюркских стрелков, «мечущих деревянные стрелы (нушшаб)», увезенных затем Убайдаллахом ибн Зиядом в Басру. Интересен рассказ о поражении, нанесенном в 102/720 г. Са'ид ибн Абд ал-Азизу согдийцами и тюрками, за что он был смещен с поста правителя Хорасана и прозван Са'ид Хувейна (госпожа Са'ид); о кровопролитном сражении Асад ибн Абдаллаха с тюрками в Невакете (в области Хутталан), где большая часть арабского войска была перебита, а часть попала в плен; о сражении между арабами и тюрками у селения Сидра (область Балха), в котором на стороне хакана стояли царь ас-Согда, владетель аш-Шаша Карсул, владетель Хутталана Хура-бугру, джабгу (князь) и тюрки ал-Хутталя. Таких фактов у Табари очень много.

Примерно через сто лет его сведения подтвердил другой, уже тюркоязычный автор — Махмуд Кашгари (род. между 1029—1038 гг.). В отличие от Табари и других историков, он привел (в специальной главе) названия части тюркоязычных племен Центральной и Средней Азии и указал примерные границы их расселения. Вот что говорит он о границах тюркских стран: «По словам некоторых [ученых] граница тюркских городов начинается из Марв аш-Шахи-джахана, потому что Марв был основан Тонга Алп Эр, т. е. Афрасиабом, отцом Каз, спустя 300 лет после Тахмураза¹⁸ Некоторые весь Мавераннахр считают страной тюрков. Он начинается от Пианканда. Другое его (Пианканда) название Дизруйин... Он расположен около Бухары. Здесь был убит Сиявуш, муж Каз, дочери Афрасиаба. На том месте, где был убит Сиявуш, раз в год собираются огнепоклонники, громко рыдают и устраивают жертвоприношения... Таков их обычай. Весь Мавераннахр, земли, расположенные от Пианканда до Востока, считали тюркскими городами на том основании, что названия Самарканда — Самизкенда, Ташканда — Шаша, Узканда и Тунканда тюркские. «Канд» по-тюркски означает город. Эти города построили они и назвали так. Называются так и поныне. После того, как возобладали здесь фарсы, они стали похожими на аджамские города. Нынче граница тюркских областей проходит по Абескунскому (Каспийскому) морю, от Рума и Узженда до Чина (Китая). Протяженность его 5000, ширина 3000 фарсахов»¹⁹.

Махмуд Кашгари упоминает следующие тюркские племена: с запада, т. е. Рума, — на восток, т. е. Чин, — бажанак (печенеги), кипчак, огуз, йамак башгырт, басмил, кай,

¹⁴ Арабский текст сочинения издан голландским ориенталистом М. Т. Хаутсма в 1883 г.: *Ibn Wadhih qui dicitur al-Jaqubi. Historiae, Ed. M. Th. Hautsma. Pars I: historiam ante-islamicam continens; Pars II: historiam Islamicam continens. Lugduni Batavorum, 1883.*

¹⁵ Арабский текст Табари издан Де Гье в 13 томах: *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeye. Lugduni Batavorum. series I. v. I—VI, 1879—1890; series II, v. I—III, 1881—1889; series III, v. I—IV, 1879—1890.*

¹⁶ Глава о тюрках (текст и перевод на рус. яз.) опубликована В. В. Бартольдом: Бартольд В. В. Соч., т. VIII, М., 1973, с. 23—62.

¹⁷ Мы пользовались рукописью перевода В. И. Беляева.

¹⁸ Второй представитель древнеперсидской династии Пишдадидов.

¹⁹ Диван лугат ат-турк. Перевод и подготовка к печати С. М. Муталлибова. Т. III. Ташкент, 1963, с. 164.

йабаку, киргиз; с юга на север — чигил, тухси, йагма, играк, жарук, жумул, уйгур, тангут²⁰.

Немаловажное значение имеют приведенные в «Диван лугат ат-турк» топонимы: «окуз», «икки окуз», «узуканд», «хузар», «йабаку» и др. «Окуз» — говорит Махмуд Кашгари, — это название, данное таким большим рекам, как Джайхун и Евфрат. Огузы употребляют это слово и в значении долины Банакат. Кочевая часть огузов обитает по обоим берегам этой реки. Еще несколько рек, протекающих по стране тюрков, именуются этим названием²¹. Отсюда можно допустить, что Амударья еще до вторжения Александра Македонского носила название «Окуз», а греки несколько исказили его — «Оксус». Что касается «икки окуз», то под этим названием был известен город, расположенный между степями Ила и Иафиндж (т. I, с. 91); «Узуканд» означал город на языке племени аргу (т. I, с. 114); «Хузар» — название одного из тюркских городов (т. I, с. 389).

Важные этнографические сведения, например о племенах бажанак, токузгуз, халажд, гузз, халлук (карлук), ягма, хирхыз (киргиз), хазар, тухси, чигил, кимак, хыфчак (кипчак) и др., содержит анонимное географическое сочинение «Китаб Худуд ал-'алам мин ал-машрик ил-л-магриб» («Границы мира с востока на запад»), составленное в 372/982 г.²²

Большое значение в изучении этнической истории тюркоязычных народов Средней и Центральной Азии имеет упомянутый выше труд Фахр ад-Дин Мубарак-шаха Мерверруди, где, например, приводятся сведения о таких тюркоязычных племенах и родах, как йамак, киргиз, карлык, чигил, аймур, киньк, огуз, кай, урнак, тухси, тубут, кара тубут, кимчи, кимак, хазар, кара хазар, кыфчак (кипчак), кужат, бажанак, уйгур, согдак, татар, кара татар, канглы, аргу, гузз, кара гузз, токузгуз, ягма, салгур, йазгыр, аракун, баяндур, играк, баят, тутурга, йабагу, афшар, букдуз, бектили, басмил и др. Уникальная рукопись «Истории» Мерверруди хранится в Англии, оригинальная часть ее — история Гуридов и раздел о тюрках — опубликована Д. Россом в 1927 г.²³

Из письменных источников, важных для изучения истории третьего периода этнического сложения узбеков, отметим многотомный «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Рашид ад-Дина (1247—1318), «Мулхакат ас-Сурах» («Прибавления к словарю «Ас-Сурахмин ас-Сахих» Джаухари) Абу-л-Фазл Мухаммад ибн Умар ибн Халида, более известного по имени Джамал Карши (род. в 1230 г.); всеобщую историю (более известна как «Аноним Искандера») Му'ин ад-Дина Натанзи; «Зафар-наме» («Книга побед») Шараф ад-Дина Али Йезди (ум. в 1454 г.), написанную в 1425 г.; «Тарих-и арба улус» («История четырех [монгольских] улусов») Мирзы Улугбека (1394—1449) и др.

Как известно, во владениях Чингисхана обитало множество тюрко-монгольских племен. Характерно, что, по сведениям Рашид ад-Дина, в их числе преобладали тюрки. Такие племена, как джалаир, сунит, татар, меркит, курлаут, таргут, уйрат, тумат, булгачин, теленгут, урянгит и др., только во времена Чингисхана стали называться монголами, по происхождению же они были тюрками и «в древние времена каждое из этих племен в отдельности носило [свое] особое прозвище и имя». «Их обиталища (юрты) и становища (макам), — продолжает Рашид ад-Дин, — были в определенных местах. Их внешний облик и язык похожи на внешность и язык монголов, потому что в то [древнее] время монголы были народом, принадлежащим к тюркским племенам²⁴. Такие племена, как кераит, найман, онгут, тангут, уйгур, бахрин, киргиз, карлук, кипчак, были тюркскими, жили обособленно. «каждое в отдельности имело [своего] государя и вождя»; тюркские и монгольские племена «по типу и языку были близки»²⁵.

Характерно, что многие монгольские племена (урянкат, конгурат, уряут, хушин, сулдуз, илдуркин, баяут, кингит, катакин, салжуит, тайджуит, сиджуит, чиназ, мангут, дурбан, дулат, йисут и др.) во времена Чингисхана, а может быть и раньше, оказались отореченными²⁶.

²⁰ Там же, т. I, Ташкент, 1960, с. 64.

²¹ Там же, с. 91.

²² Издано факсимиле, с введением и указателями В. В. Бартольдом в 1930 г. Есть английский перевод В. Ф. Минорского (Лондон, 1937). Персидский текст издан Минучехром Сотудэ (Тегеран, 1926) и сайид Джалал ад-Дином Техрани (1933).

²³ Ta'rikh-i Fakhri'd-Din Mubarakshah being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhri'd-Din Mubakshah Marwar-rudi, compiled in A. D. 1206. Ed. from unique Manuscript by E. Denison Ross. London, 1927. Кстати, Мерверруди указывает на ту же границу расселения тюркоязычных народов (с. 37—38), что и Махмуд Кашгари.

²⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. I. Пер. с перс. А. А. Хетагурова. М.—Л., 1952, с. 92.

²⁵ Там же, с. 126.

²⁶ Там же, с. 153—197.

Словом, труд Рашид ад-Дина, основанный на достоверных письменных источниках (Махмуд Кашгари, Джувейни и др.), официальной истории Чингисхана и его предков («Алтин даптар», «Сокровенное сказание»), тюркских и монгольских преданиях, является первоклассным источником для изучения этногенеза и этнической истории тюркоязычных народов Центральной и Средней Азии.

Богато этнографическим материалом и широко известное сочинение Шараф ад-Дина Али Иезди. В нем приводятся сведения о 44 тюркоязычных племенах Средней и Центральной Азии, и среди них упоминаются такие, которых мы не встречаем среди племен, пришедших в Мавераннахр с Чингисханом или Шейбани. Это — токмақ, тенкит, шамйан, ганчи, канглы, сайхут, мумак и др. (сведения о них разбросаны по всему труду). Следует отметить, что здесь отдельно упоминаются узбеки, таджики и казахи, в том числе ответвления последних — чотур казак и хазара казак²⁷.

Для исследования последнего, четвертого компонента этногенеза узбекского народа мы располагаем большим количеством письменных источников. Среди них — анонимное сочинение «Таварих-и гузиде, нусрат-наме» («Избранная история, книга побед», начало XVI в.), «Шейбани-наме» Камал ад-Дина Бинаи (1453—1512) и Мухаммада Салиха (XVI в.), «Михман-наме-йи Бухара» («Книга бухарского гостя») Фазлаллаха ибн Рузбехана, составленная в 914/1509 г., «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Мас'уда ибн Османа Кухистани (середина XVI в.), знаменитые мемуары Захир ад-Дин Мухаммада Бабура (1483—1530), «Абдаллах-наме» — капитальный труд Хафиз-и Таныша Бухари (вторая половина XVI в.), многотомное энциклопедическое сочинение бахского ученого Махмуда ибн Вали (XVII в.), хорошо известное научному миру произведение хивинца Абу-л-Гази-хана (1603—1664) «Шаджара-йи тюрк ва могулу» («Генеалогия тюрков и монголов»), написанная в 1661 г., «Тухфа-йи хани» («Ханский подарок») Мухаммада Вафа-йи Керминеги и Алим-бека ибн Ниязули-бек ишана (первая половина XVIII в.) и др. В них приводятся не только названия тех или иных тюркоязычных племен, населявших Среднюю Азию в XVI — первой половине XVIII в. и вошедших в состав узбеков, но местами указываются их численность и территории расселения, место того или иного племени в военном строю узбекского войска; показана также роль узбекских племен в общественно-политической жизни страны.

Необходимо отметить, что и этот компонент, т. е. тюрко-монгольские племена, переселившиеся в Среднеазиатское Междуречье из Дашт-и Кипчака в самом начале XVI в., был невелик. Они составляли, согласно «Таварих-и гузиде, нусрат-наме» и Бинаи, 24—26 племен, а именно: кушчи, найман, уйгур, курлаут, гирайли, кият, конгурат, тангут, ички, дурман, йабагу, хытай (потомки древних киданей), чимбай, шункарлы, шадбакли, ийджан, каучин, мангыт, джургун, минг, бачкирд (башкирд), маджар, салур казан, ички байри²⁸. В XVI в. число тюркоязычных племен, по сведениям «Абдаллах-наме» Хафиз-и Таныша Бухари, главного источника по истории Средней Азии и сопредельных стран Востока XVI в., достигало 40: бахрин, беш юз, дурман, джалаир, кенегес, мангыт, минг, маджар, найман, алчин, арлат, судлуз, тонгарук, уйгур, халадж, хытай, ширин, утарчи, канглы, катаган, кипчак, конгурат, кият, аргун, ябу, мугал, саджават, тубайи, тума, керант, карлук, сарай, турк, уйшин и др.²⁹ В XVII в., насколько можно судить по сведениям Махмуда ибн Вали, число их уже превышает 50. К тем, что приведены в «Абдаллах-наме», здесь добавлены: буйрак, кырк, курама, дугдак, юз, келечи, узз, кулан аяны, кука араб, куш айк, уйрат, булачи (булгачи), мекрит, фулавчи, шабаят, месит и др.³⁰

Таким образом, исследователям надлежит внимательно изучить эти и другие памятники, выписать из них названия всех племен и родов, сличить их друг с другом, прежде чем прийти к какому-либо выводу.

В заключение хотел бы остановиться на двух «Насаб-наме», небольших по объему, но чрезвычайно интересных по содержанию. Одна из них — «Насаб-наме-йи узбек» («Генеалогия узбеков») — дошла до нас в одном переплете со сборником некоторых небольших трудов крупнейшего шейха из религиозно-дервишского ордена Накшбендия, ученого-богослова ходжа Ахмада ибн маулана Джалал ад-Дина Касани (ум. 21 мухаррама 947/7 мая 1542 г.). В ней, после баснословного предисловия о происхождении узбеков, приводятся названия 92 узбекских племен и родов: минг, юз,

²⁷ Ш а р а ф а д - Д и н А л и И е з д и. Зафар-наме. Подготовка к печати, предисловие, примечания и указатели А. Урунбаева. Ташкент, 1972, л. 6а, 21а, 42а, 45б, 54а, 68б, 71б, 105б, 119б, 148б, 155а, 258б, 270б, 275б, 276б, 277б, 300а, 302а и др.

²⁸ К а м а л а д - Д и н Б и н а и. Шейбани-наме. Ркп ИВ АН УзССР, инв. № 844, л. 1б, 2а, 3а, 4а, 5б, 13а, б и др.; Таварих-и гузиде, нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сносных оглавлений А. М. Акрамова. Ташкент, 1967, с. 276, 285, 287, 288, 325 и др.

²⁹ Х а ф и з - и Т а н и ш Б у х а р и. Абдаллах-наме. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2207 (сведения о них разбросаны по всему труду).

³⁰ М а х м у д и б н В а л и. Бахр ал-асрар Ркп. библиотеки «Индiana Оффис» (Англия), № 575 (сведения о них разбросаны по всему сочинению).

кырк, узбек, ункаджат, джалаир, сарай, конгурат, алчин, аргун, найман, азак, калмак, тарлык, турак (тугдак), самарчик, кипчак, келечи, кинакаш, буйрак, урат, кият, хытай, тункли, узжулачи, койчи, утаджи, булатчи, джуйут, джат, чилчут, буммаут, уймаут, арлат, кераит, ункул, танкул, мангыт, чалчувут, месит, меркит, буркул, кият, курлас, укалан, кары, араб, илачи, жубурган, ташлык, керай туркман, дурман, табин, тама, рамадан, муйтан, уйшин, бадаи, хафиз, киргиз, мажар, кучалык, сауран, бахрин, уйрис. жубрай, бидай, тилав, кардар, биктийа, каркын, ширин, оглан, курлат, баглан, чимбай, чехил кас, уйгур, агар, йабу, таргыл, тургак, кохат³¹. Название другой — «Асами-йи навади ду фирка-йи узбек» («Названия девяноста двух узбекских родов»). Здесь также дан перечень 92 узбекских родов и племен, но несколько отличный от предыдущего и от списка Н. В. Ханькова, основанного на «Насаб-наме-йи узбек»³². Это — минг, юз, кырк, узбек, ункаджат, джалаир, сарай, хытай, кипчак, найман, чакмак, урмак, турак (тугдак), бустан, самарчик, калмак, карлык, катаган, арлат, аргун, барлас, буйтай, кенегес, келечи, буйрак, уйрат, кият, конгурат, канглы, узз, джулаучи, джусулачи, каджи, утарчи, курлаучи, джуйут, джид, чилчут, буйазит, уймаут, кераит, баган, тангут, мангыт, меркит, буркул, маду кият, туркман, дурман, табан, там, таби, рамадан, митан, уйшун, буса, хафт, кыргыз, татар, бачкыр, сулдуз, килаучи, дужар, джурат, бадан, оглан, курлаут, чимбай, мехди, чилкас, уйгур, агаркур, нукул, карат тушлуб, йабу, таргыл, кохат, шауран, ширин, тама, бахрин, керай, сатхийан, мугал, каян³³.

Мы отметили здесь, в качестве примеров, лишь отдельные из множества памятников, хранящихся в собраниях СССР и за рубежом, значительная часть которых еще ждет своего исследователя. Но уже из сказанного видно, что внимательное изучение их позволит исследователям получить бесценный фактический материал по многим вопросам, в том числе этногенеза и этнической истории узбекского народа.

Б. А. Ахмедов

³¹ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 3386, л. 183а, б.

³² Ханьков Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, с. 58—66.

³³ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 4330, л. 1326—133а.

ИСТОРИОГРАФИЯ

К 2000-летию Ташкента

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОШЛОГО
И НАСТОЯЩЕГО ГОРОДА ТАШКЕНТА

1. Дореволюционный период

Уходящая в глубь столетий история Ташкента — крупного города в земледельческом оазисе, орошаемом правым притоком Сырдарьи — р. Чирчик, и одного из политических, экономических и культурных центров Средней Азии — издавна привлекала внимание исследователей¹.

До второй половины XIX в. история города специально не изучалась и была известна главным образом по отрывочным сведениям о связанных с ним отдельных и разновременных событиях, содержащихся в рукописных сочинениях восточных авторов средневековья, а затем по сообщениям посещавших край русских и иностранных путешественников, купцов, посланников и др.

В научном плане интерес к познанию прошлого Ташкента существенно возрастает после присоединения города и его округа к России, когда для этого стали складываться более благоприятные и реальные возможности, хотя и ограниченные в условиях колониального режима.

Начнем с краткого экскурса в изучение вопроса о происхождении самого названия города (в арабских и персидских рукописях обычное начертание — Таш-кенд). Вопросом этим интересовался, к примеру, уже один из основателей Русского географического общества А. И. Левшин в своем «Описании киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей» (Часть I. Известия географические. СПб., 1832)², а до него и вслед за ним — и другие исследователи.

Здесь уместно отметить, что первые известные науке письменные упоминания названия «Ташкент» содержатся в сочинениях Абу Райхана Беруни и Махмуда Кашгарского (XI в.).

Беруни писал: «Разве ты не видишь, что «Шаш» взято из названия этого города на тюркском языке, а именно Таш-канд»³.

Далее следует упоминание Ташкента (Таш-канд, наряду с названием Таркан) в словаре Махмуда Кашгарского «Диван-у лугат ит-тюрк», этом «кладезе лингвистических, этнографических, фольклорных и исторических сведений о тюркоязычных народах» (А. Н. Кононов). Вот это известие: «Тархан — Шош, настоящее название кото-

¹ Оговорим заранее, что в рамках статьи, разумеется, невозможно даже кратко обозреть все обилие одновременно появлявшихся на страницах дореволюционных газет, журналов, научных изданий, путеводителей и других справочников прямых, а тем более косвенных данных о Ташкенте. То же самое надо сказать о многих работах, характеризующих экономику Средней Азии (Туркестанского края, Хивы, Бухары) и ее связи с Россией, в которых неизбежно содержались и те или иные сведения по Ташкенту. Статья трактует преимущественно о публикациях, отражающих постепенное накопление данных к изучению истории Ташкента, его общественного устройства, жизни и быта населения города.

² Вот своеобразное объяснение А. И. Левшина: «Город Шашо есть нынешний Ташкент. Имя его есть историческое слово Джаджо. См. Турецкую Географию Киа-тиба Челеби (автор жил в XVII веке), известную под названием Джигано-Нума («Зеркало мира»). Мы пользовались рукописным переводом оной на французский язык» (с. 260). Левшин пишет также: «Ташкур, или Ташкент», не комментируя этого сообщения (там же).

³ Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Том II. Индия. Ташкент, 1963, с. 271 (текст и прим. 10). В русской науке конца XIX — начала XX в. это сообщение Беруни было известно по переводу «Индии» на английский язык, выполненному ориенталистом Эдуардом Захау (изд. 1887, 1888, 1910 гг.).

рого Таш-канд, означает город, построенный из камня. Абу Бекр ал-Каффаль аш-Таш — его уроженец»⁴.

С течением времени стало общепотребительным вести название Ташкента от его наиболее легко объяснимого более позднего тюркского названия («таш» — камень + «канд» — селение). Вопрос этот, однако, в строго научном плане не может считаться окончательно решенным (или доказательно объясненным).

Забегая вперед, заметим, что уже в наше время в объяснение названия Ташкента пытался внести свой вклад и выдающийся лингвист Е. Д. Поливанов⁵, справедливо указавший на отсутствие общепризнанной этимологии имени Ташкент. Бесспорна его вторая часть («селение»). Что касается первой части, то обычное ее объяснение из народной этимологии «камень» (следовательно, «каменный город») или по древнему названию крупного региона и его центра «Шаш» или «Чач» (т. е. «Шаш-город») представлялось Е. Д. Поливанову слабо обоснованным. Какими реалиями объяснить эпитет «каменный» и что могло быть «каменного» в старом Ташкенте? Натяжкой являются и произвольные звукоизменения с «ш» на «т».

Е. Д. Поливанов склонен был видеть в качестве гипотезы (и стремился обосновать ее весьма сложными фонетическими и другими построениями) в первом элементе имени Ташкента некогда этническое название «Таш» или «Таж(и)» иранской языковой системы (в смысле «арабов-завоевателей»), откуда и название данного города местным населением. Допускал Поливанов и мысль, что встреченное им в одном из районов Северного Узбекистана народное объяснение имени Ташкента как «город Таша» по личному имени богатыря — завоевателя древнего Шаша может быть принято во внимание с учетом возможности перехода «этнического названия... в индивидуальное личное имя»⁶. В данном случае «Камень» (ср. греческое Пётра — «Камень») «как имя богатыря-завоевателя, является вполне нормальным процессом в фольклорном отображении исторических событий».

Но эти суждения Е. Д. Поливанова так и остались гипотезой, к тому же не нашедшей своих сторонников в среде исследователей. «Предложенная Е. Д. Поливановым этимология (названия Ташкента), — замечал В. В. Бартольд, — вряд ли найдет признание»⁷.

М. Е. Массон считает более верным видеть в названии «Ташкент» искаженную форму от «Чачкент», т. е. город Чача, по имени древнего названия области долины Чирчика и прилегающей части правобережья Сырдарьи⁸.

Одной из очередных догадок является суждение М. Кадыровой, что название Ташкент произошло от Ташкари — внешний город по отношению к оазису («Строитель Ташкента», 1967 г., 11 августа).

Что касается истории города как таковой, то, естественно, первоочередное внимание всех интересующихся историей Ташкента с древнейших времен должны были привлечь данные археологии и сообщения восточных авторов средних веков.

Так оно и было. Однако тут же надо заметить, что вплоть до начала 20-х годов нашего столетия данные археологии не выходили здесь за пределы отрывочных наблюдений, находок отдельных предметов древности и старинны, небольших и редких, к тому же любительских раскопок в Ташкентской округе.

⁴ Махмуд Кошғарий. Туркий сўзлар девони. Том I. Тошкент. 1960. 414-бет. «В других письменных источниках и в нумизматике, — замечает В. В. Бартольд, — имя Ташкента появляется уже в монгольское время» (Бартольд В. В. Сочинения. Том III. М., 1965, с. 501; также: Том II, часть I, с. 83—84; часть 2, с. 511 и др.). «Остается спорным, — добавлял В. В. Бартольд, — употреблялось ли название Ташкент до тюркского завоевания» (Сочинения. Том III, 1965, с. 500).

⁵ Поливанов Е. Д. О происхождении названия Ташкента. — В кн.: В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. — Ташкент. 1927, с. 395—400.

⁶ Одна из народных легенд действительно ведет слово «Ташкент» от имени богатыря по имени Таш, якобы покорившего этот город. Известны и другие предания о возникновении Ташкента, связанные с именем легендарного правителя Турана Афрасиба, царя Кайкауса, царя Заххака и т. п. (легенды эти зафиксированы А. А. Диваевым, Н. Г. Маллициким и др.). Посещавший Ташкент Бабур отмечал: «Ташкент пишут Шаш, а иногда пишут Чач, откуда выражение чачские луки» («Бабур-намэ». Перевод М. А. Салье. Ташкент. 1958, с. 16).

⁷ Бартольд В. В. Сочинения. Том III, с. 499.

⁸ Массон М. Е. Прошлое Ташкента. Археолого-топографический и исторический очерк. — Известия АН УзССР. 1954, № 2, с. 106. От «Чач», по Бартольду, пошло с передачей звука «ч» через «ш» арабское Шаш, но связано ли оно с позднейшим тюркским названием города, остается под вопросом (Сочинения. Том III, с. 499—501).

Все же много и для своего времени плодотворно потрудились в деле археологического изучения Ташкента и его округи члены возникшего в городе в 1895 г. Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА)⁹.

Е. Т. Смирнов одним из первых обратил внимание на то, что «Ташкентский культурный район... поражает обилием человеческой культуры самой глубокой древности» Им же было указано на присутствие в Ташкенте остатков былых тепе — «бургообразных» насыпей и возвышенностей типа «ярмарочного холма» (Мингурюк.— Б. Л.), т. е. древних поселений.

Соответственно этому в поле зрения членов кружка с самого начала вошли следы таких древних поселений на месте Ташкента, как Актепе, Мингурюк, Кугайттепе, Ханабадтепе и др.¹⁰, а также поселений в Ташкентской округе¹¹.

Летом 1896 г. группа членов кружка обследовала Актепе, Мингурюк и другие памятники древности со сбором подъемного материала. В том же году Н. П. Остроумов осмотрел городище Шахнишинтепе, которое, как выяснилось уже в наше время, и являлось одной из древнейших частей будущего города Ташкента¹².

В. П. Наливкин дал краткое, но для своего времени обстоятельное описание Актепе с его строениями из сырцового кирпича и глинобитными стенами и пластинами¹³, а Н. С. Лыкошин указал на близкое к нему тепе около Ура-тюбе с «наклонной кольцевой галереей»¹⁴. Д. С. Граменицкий сообщил о легенде, связанной с Ханабадтепе¹⁵, а топограф М. С. Коспичник отметил его значение как интересного памятника ташкентской древности¹⁶. Остатки Ханабадтепе осматривал и член кружка И. Т. Пославский.

Н. С. Лыкошин указал на наличие искусственной насыпи «Калмак-Чиккан» за Кара-Сарайскими воротами Ташкента¹⁷, а Е. Т. Смирнов — на земляной вал «Кампырдува» длиной до 35 верст к северу от Ташкента¹⁸.

Среди археологических находок были зафиксированы оссуарии («овальные короба», костехранилища), что явилось еще одним свидетельством обжivanja Ташкентского региона в древности¹⁹. Вслед за местными деятелями, Н. И. Веселовским и др. на ташкентские находки оссуариев обратил внимание В. В. Бартольд²⁰.

⁹ См. о нем: Бартольд В. В. Новое научное общество в Ташкенте.— «Окраина», Ташкент, 1894, № 16 (Сочинения. Том IX, 1977, с. 485—487); Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.).— Ташкент, 1958, с. 106—107, 121—123 и др.; Булатова В. А. Историко-археологическое изучение Ташкента.— В кн.: Древний Ташкент, Ташкент, 1973, с. 8—9. См. также составленный автором данной статьи перечень всех находок памятников и предметов древности и старины, сделанных в Ташкенте и фигурирующих в публикациях ТКЛА (Предметный указатель к Протоколам и сообщениям ТКЛА. Ташкент, 1956; приложение к диссертации на тему «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане»). Изучению Ташкента и сбору материалов к его истории содействовала организация в городе в 1876 г. краеведческого музея, возникшего при покровительстве и ближайшем участии таких видных ученых, как В. Ф. Ошанин, А. П. Федченко и др.

¹⁰ Лыкошин Н. С. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае, до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии.— Ташкент, 1896, с. 16, 20; его же. Осмотр холма Ак-Типа и Шахнишин-Типа в Ташкенте.— «Окраина», 1896, № 54; его же. Несколько археологических поездок в окрестностях Ташкента.— ПТКЛА, Год I, Ташкент, 1896, с. 31—36.

¹¹ Смирнов Е. Т. Древности в окрестностях г. Ташкента.— Ташкент, 1896, 26 с. (об Актепе, с. 7—8), и др.

¹² ПТКЛА, Год I, с. 23—26; см. также: Лыкошин Н. С. Археологическая экскурсия.— «Туркестанские ведомости», 1896, № 61. Н. П. Остроумов вел раскопки и на так называемых «никофоровских» землях в Ташкенте, где позже была обнаружена могильная камера с двумя костяками, глиняными кувшинами, железным ножом, точильным камнем и другими предметами (ПТКЛА, Год III, 1897—1898, с. 136—137; Год XVIII, 1913, с. 111).

¹³ Наливкин В. П. О курганах в окрестностях Ташкента.— «Известия. Императорской археологической комиссии», Том II, СПб., 1886.

¹⁴ Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае..., с. 9—10.

¹⁵ Граменицкий Д. С. Заметка о древних урочищах Туркестанского края.— «Туркестанские ведомости», 1879, № 12.

¹⁶ ПТКЛА, Год I, с. 15 (Протокол 26 февраля 1896 г.).

¹⁷ ПТКЛА, Год I, с. 16 (протокол 26 февраля 1896 г.).

¹⁸ Там же, с. 22—23.

¹⁹ Там же, с. 9, 10—12, 38, 40—42; Год II, 1897, с. 10, 25—26, 29; Год VIII, 1903, с. 37, 41; Год XI, 1906, с. 32—44.

²⁰ Бартольд В. В. К вопросу об оссуариях Туркестанского края.— «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии», СПб., 1908, № 8, с. 47—69 (Сочинения, Том IV, с. 155—159, 169).

Интересовались члены ТКЛА и находками древней керамики, включая выявленные на городище Ханабад «кубуры» — гончарные водопроводные трубы, остатки гончарного производства у Джагатайских ворот Ташкента со скоплением сфероконических сосудов (по преданию — местного изготовления)²¹.

Фиксировались монеты из находок в Ташкентской округе, в том числе чеканившиеся в Ташкенте²².

Уделялось внимание системе орошения Ташкента: Дальверзин, Салар, Кайкаус, Карыз, Джиан-го, Хан-арык, Зах (Е. Т. Смирнов и др.)²¹.

Об остатках Янги-урды (новой цитадели) в Ташкенте упоминал Н. Г. Маллицкий²⁴.

В 1884 г. прибывший из Петербурга археолог-востоковед Н. И. Веселовский вел раскопки в окрестностях Ташкента (Тойтепе и Чорлентепе), установив наличие здесь средневековых поселений (на Тойтепе — четырехугольная цитадель и сам «город» с глинобитной стеной и предместьем)²⁵. Он же обращал внимание на приташкентские курганы²⁶.

Констатируем, что какими бы скудными, подчас «немymi» ни были археологические наблюдения по Ташкенту в дореволюционный период, в своей совокупности они свидетельствовали о древности города, его насыщенности разновременными памятниками культуры, проливали некоторый свет на историческую топографию Ташкента, вызвали к продолжению начатых рекогносцировок и раскопок. То был начальный, но существенный этап накопления археологических знаний по Ташкенту и его округе.

В поле зрения дореволюционных исследователей начали входить и историко-архитектурные памятники Ташкента: мадраса Барак-хана, Бегляр-беги, Кукельдаш, мавзолей Зайнабидина Бобо, Занга-Ата, Кафаль-Шаши, Юнус-хана, мечети (Н. Щербина-Крамаренко²⁷ и др.), а также старинные кладбища Ташкента: Алямдар-ходжа, Хазрет-Имам, Шейхантаурское и др.²⁸, «могилы Ибрагим-ата, казия Мухеддина, Султан-Амана» и др.

В 1908 г. были обнаружены и осмотрены остатки моста XV в. в махалля Кунчилику Кукчинской части²⁹.

В поле зрения дореволюционных исследователей входили и письменные источники по Ташкенту.

Данные об области и городе часто встречались в династийных хрониках и иных источниках эпохи Хань и др., начиная со II в. до н. э. (область Юни или Юйни, Чже-Си, Чже-Чжи, Чже-Ше, Чже-Ши или Че-Ши, Ши-ше или просто Ши — последнее в значении «камень»)³⁰.

Крупному знатоку истории Средней Азии В. В. Бартольд наука была обязана обращением внимания на те или иные сведения к истории Ташкента, содержащиеся в рукописных сочинениях различных восточных авторов (Бартольд соглашался с мнением, что «главный город области, носивший... название Бинкет, находился на месте Ташкента», считая это «вполне возможным»³¹. Таковы были данные по средневеково-

²¹ ПТКЛА, Год XVII, 1913, с. 117. Были описаны также находки из Ногай-тепе (Кастанье И. А. Археологические находки в Ногай-кургане. — «Туркестанский курьер», 1917, № 7).

²² ПТКЛА, Год XX, 1915, с. 161—162. Также: Трофимов И. И. Описание нумизматических коллекций Ташкентского музея и Туркестанского археологического кружка. — ПТКЛА, Год VI, 1901, 34 с.

²³ ПТКЛА, Год I, с. 17. По более позднему времени см.: Ульянов Н. Материалы по ирригации города Ташкента и Кураминского уезда. — «Туркестанские ведомости», 1883, № 44; Кашкин К. Н. Очерки ирригации Ташкента. — «Туркестанское сельское хозяйство», Ташкент, 1907, № 1, с. 6—14; № 2, с. 101—108.

²⁴ ПТКЛА, Год III, с. 174.

²⁵ Лунин Б. В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. — Ташкент, 1979, с. 45.

²⁶ Веселовский Н. И. Заметки о курганах Туркестанского края. — Записки Восточного Отделения Русского археологического общества, Том II, СПб., 1888, с. 221—222.

²⁷ Щербина-Крамаренко Н. По мусульманским памятникам. — Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, вып. IV, Самарканд, 1896, с. 45—61 (ср. журн. «Зодчий», 1896, №№ 5, 6), и другие его публикации. Приташкентский мазар Занги-ата описал Ю. Казбеков («Туркестанские ведомости», 1875, № 34).

²⁸ ПТКЛА, Год I, с. 6, 10, 21.

²⁹ «Туркестанские ведомости», 1908, № 164; ср.: Массон М. Е. Среднеазиатские мосты прошлого и проблемы их изучения. — Ташкент, 1978, с. 47.

³⁰ См.: Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — СПб., 1851, I, 484 с.; II, 179 с.; III, 273 с.

³¹ Бартольд В. В. Сочинения. Том III, с. 219; также: Том I, с. 228, и др.

му Ташкенту (Бинкету) и ведущим к нему путям, сообщаемые ал-Истахри, Ибн Хордадбехом, Ибн Хаукалем и Макдиси. К примеру, ал-Истахри при описании Бинкета говорит о 10 воротах внутреннего рабада и 7 внешних. Ибн Хордадбех сообщал о пути из Шаша (Ташкента) в Исфиджаб (Сайрам)³².

Ибн Хаукаль (частично следуя данным Истахри) так описывает Бинакет как столицу Шаша: «В нем имеется шахристан и цитадель, причем последняя вне шахристана; тем не менее цитадель и шахристан окружены одной и той же стеной. Возле шахристана летний рабад, вокруг которого также идет стена. Кроме того, вне этой стены есть другой рабад, а также сады и жилища. Этот рабад также окружает стена. В цитадели имеется двое ворот: одни из них обращены к рабаду, другие к шахристану. В шахристане же трое ворот» (Аббаса, Кишкие, Джунейда). «В первом рабаде 10 ворот (следует их перечисление)..., в наружном рабаде семь ворот (перечисленные)... Дворец правителя и тюрьма находятся в цитадели, а соборная мечеть рядом с крепостной стеной. Часть базаров находится в шахристане, большинство же их расположено в рабаде. Каждая сторона города от конца его в длину и ширину равна одному фарсаху. Все каналы протекают через шахристан и рабад. В последнем много садов, протоков и различных зданий»³³. Сообщал Ибн Хаукаль и о наличии в окрестностях Ташкента христианского поселения³⁴.

По ал-Макдиси, в его «Книге начала мира и хронологии» (по И. Ю. Крачковскому — «Книга творения и истории»), Бинакет служил одним из сборных пунктов дружин «борцов за веру», «добровольцев», для которых в городе сооружались караван-сарай. Макдиси указывал и на наличие в городе восьми ворот внутреннего рабада. Отмечал он и распри среди населения Бинкета на почве различных религиозных толков³⁵.

Ханьские хроники сообщали о существовавшем в Ташкенте в древности обычае сожжения трупов³⁶.

Далее следовали самые различные и разновременные данные к истории Ташкента, в частности о выделении двух миллионов дирхемов халифом Мутасимом (833—842) на проведение большого канала в окрестностях Ташкента (Табари, Ауфи)³⁷, о «саде Кайкауса» в окрестностях города — месте жительства ташкентских султанов (Табари)³⁸, о ссылке Тимуром в Ташкент сейидов из свергнутой им шиитской династии в Мазандеране³⁹, о Чаче (Ташкенте) как городе, лежащем, по Хафиз-и Абру, «в конце пятого климата»⁴⁰ и якобы посещенном Улугбеком в 1419 г.⁴¹ (по Абд ар-Раззаку, явсещены были «ташкентские луга»), о нападении узбекских ханов на Ташкент при Бабуре⁴², об осаде Ташкента его будущим правителем Суюнчи-ходжой⁴³, о походе на Ташкент Касим-хана с «войском казаков и мангытов» (по рукописи Абдаллаха б. Мухаммеда б. Али Насраллахи)⁴⁴, о походе на Ташкент Шейбанида Абдуллы (50-е годы XVI в.)⁴⁵, о прибытии в Ташкент его сына, последнего Шейбанида Абд ал-Мумина⁴⁶, об историко-архитектурных памятниках («религиозных святынях») города⁴⁷, об осаде Ташкента Абдулла-ханом, в 1580 г.⁴⁸, о пребывании в Ташкенте в

³² Бартольд В. В. Сочинения, Том IV, с. 27.

³³ Бетгер Е. К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма ибн Хаукаля. — «Труды САГУ им. В. И. Ленина», Новая серия, вып. CXI, Исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, с. 22—24 (Перевод и комментарии Е. К. Бетгера).

³⁴ Бартольд В. В. Сочинения, Том IV, с. 99; также: Том II, Часть 2, с. 315 и 324. О городских воротах Ташкента по Хафиз-и Танышу см. еще: Том III, с. 219—220.

³⁵ Бинкет был одним из пунктов транзитного торгового пути международного значения с Ближнего Востока в Центральную Азию (через Нишапур, Мерв, Бухару, Самарканд и Бинкет). Новейший автор (О. Г. Большаков) определяет ориентировочную численность населения Бинкета в 23—25 тыс. человек, исходя из данных средневековых авторов (Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. — М., 1973, с. 267).

³⁶ Бартольд В. В. Сочинения, Том IV, с. 122; также: Том V, с. 346.

³⁷ Бартольд В. В. Сочинения, Том III, с. 107, 219.

³⁸ Там же, с. 219.

³⁹ Бартольд В. В. Сочинения, Том VII, с. 223—224.

⁴⁰ Бартольд В. В. Сочинения, Том VIII, с. 84.

⁴¹ Там же, с. 96.

⁴² Там же, с. 140.

⁴³ Там же, с. 141.

⁴⁴ Там же, с. 143—144.

⁴⁵ Там же, с. 193.

⁴⁶ Там же, с. 193—196.

⁴⁷ Бартольд В. В. Сочинения, Том III, с. 220.

⁴⁸ Там же.

войске Баба-хана калмыков около 1582 г.⁴⁹, о Ташкенте в составе Кокандского ханства и Бухарского эмирата⁵⁰, о Шаше — Ташкенте⁵¹, о событиях в Ташкенте перед Хивинским походом 1873 г.⁵² и др.

В орбиту внимания дореволюционных исследователей стали входить и данные о Ташкенте из сочинений Махмуда ибн Вали (XVII в.) «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар», Мухаммеда Юсуфа Мунши (начало XVIII в.) «Тарихи Муким-хани», Мухаммеда Амин-и Бухари (первая половина XVIII в.) «Убайдулла-наме» и др. Так, Махмуд ибн Вали сообщал, что Ташкент, (ранее Шаш, Чач) — город, расположенный вне Мавераннахра и относящийся к Туркестану, с хорошим климатом и «имеет много [подвластных] ему деревень и селений», а близлежащие горы изобилуют запасами рудных ископаемых⁵³.

Мухаммед Юсуф Мунши указал на Мухаммеда-Рахим-султана как на правителя Ташкента в середине XVI в., рассказал об убийстве населением Ташкента правителя города Искандер-хана (сына Имам-Кули-хана) в 1613 г. и последующей осаде, взятии города и истреблении его населения, отметил существование в Ташкенте рынка рабов⁵⁴.

Мухаммед Амин-и Бухари отметил Ташкент как один из городов, подчиненных правителю Самарканда Мухаммед-Рахим-бию (наместнику Убайдуллы Мухаммед Бахадур-хана), под укрепления которого к узбексам стеклись казахи и каракалпаки, бежавшие от вторгшихся в их пределы калмыков⁵⁵.

Различные данные о Ташкенте фигурировали в связи с биографиями Барак-хана, Халиль-Султана и шейбанида Абдуллы б. Искандера⁵⁶.

Н. И. Веселовский опубликовал рукопись муллы Хали-бая Мамбетова с записью воспоминаний его отца — участника ташкентских событий 1865 г. — одно из немногочисленных свидетельств представителей местного населения о ходе завоевания Средней Азии царизмом⁵⁷. Эти воспоминания важны и как источник, свидетельствующий о тяжелом положении трудовой части населения Ташкента, изнывавшего под властью кокандских правителей.

В. В. Бартольд напечатал перевод отрывков из сочинения муллы Нияз-Мухаммеда б. Ашур-Мухаммеда по истории Кокандского ханства («Тарих-и Шахрухи»), изданного Н. Н. Пантусовым в Казани в 1885 г.⁵⁸ и также сообщающего ряд сведений о Ташкенте и его отношениях с Кокандом, в том числе о событиях 1864—1865 гг.

Начали привлекать внимание туркестановедов и тексты документальных и других данных восточных источников к истории Ташкента. А. А. Диваев опубликовал ташкентский (1818) и бухарский (1837) «Документы на освобождение невольников. Перевод с персидского» (Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области (далее — СМССДО), II, 1892, с. 32—33), В. А. Каллаур — «Грамоты (ярлыки) и приказы кокандских ханов и ташкентского хакима, известные Кыдралы Нуракову» (ПТКЛА, Год VIII, с. 18). Н. П. Остроумов напечатал по данным источников статью «Последние во времени Шейхуль-Ислам и Қазы-Қалян города Ташкента, братья Ай-ходжа» (ПТКЛА, Год XX, 1915, с. 11—14) и др.

Сколь бы отрывочными и несвязными были подобные известия о Ташкенте, они все же проливали дополнительный свет на историю города, а иногда содержали и весьма важные отправные данные⁵⁹.

Кстати, заметим, что сведения всех известных письменных источников о Ташкенте в хронологическом порядке и их критический анализ и сейчас остаются во многом делом будущего.

Обширнейший запас различных сведений о Ташкенте черпался из сообщений бы-

⁴⁹ Бартольд В. В. Сочинения, Том V, с. 539.

⁵⁰ Бартольд В. В. Сочинения, Том III, с. 463—465.

⁵¹ Там же, с. 525.

⁵² Бартольд В. В. Сочинения, Том II, Часть 2, с. 406, 411.

⁵³ Цит. по: Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География). Вступление, перевод, примечания, указатели Б. А. Ахмедова. — Ташкент, 1977, с. 56, 76, 88.

⁵⁴ Цит. по: Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Перевод А. А. Семенова. — Ташкент, 1956, с. 58, 87, 100 (раннее издание О. И. Сенковского, СПб., 1824).

⁵⁵ Цит. по: Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Перевод А. А. Семенова. — Ташкент, 1957, с. 55, 163.

⁵⁶ Бартольд В. В. Сочинения, Том II, Часть 2, с. 487—488, 511.

⁵⁷ Веселовский Н. И. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. Текст, перевод и примечания. — СПб., 1894, 40 с.

⁵⁸ Бартольд В. В. Туземец о русском завоевании. — «Туркестанские ведомости», 1898, № 13, 14, 35, 37, 40 (Сочинения, Том II, Часть 2, с. 333—349). Отдельные данные по истории Ташкента нового времени содержит известная работа В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России» (1911).

⁵⁹ Сведения о Ташкенте Мухаммеда Салих Кори Тошкенди стали известны позднее.

вавших в Средней Азии русских людей: правительственных посланников, купцов, путешественников и др. Обзореть их в данной статье сколько-нибудь подробно нет возможности, и мы ограничимся лишь некоторыми примерами.

В Россию первые данные о Ташкенте стали проникать в основном с XVI в. (см., напр., стайейный список царю Ивану IV его посла к ногайцам Даниила Губина, содержащий сведения о захвате Ташкента казахами) и др.

Под именем города Ташкуна (Ташкина) («от реки Сыра 30 верст») Ташкент фигурировал уже в Книге Большому Чертежу, составленной в 1627 г. по «государеву указу» в Разрядном приказе (Москва)⁶⁰.

К 1725 г. относится составление обербергмейстером Чулковым информационных сведений о Ташкенте. Примечательно сообщение поручика Миллера, посетившего Ташкент в 1740 г. в составе первого русского торгового каравана из Оренбурга в Ташкент и давшего описание размеров городской территории и ее заселения, некоторых строений, базара и т. п. Миллер указал на наличие в городе около 150 махалля (кварталов), бывших, как известно, первичными единицами административной, общественной и хозяйственной жизни населения, своего рода соседскими общинами во главе с аксакалами (выборными старшинами) и с традиционной направленностью хозяйственных занятий жителей отдельных махалля.

Одно из самых обстоятельных описаний Ташкента (история, административное устройство, укрепления, мечети, жилые строения, улицы, базары, сады, каналы, население и его занятия) принадлежит горным чиновникам (шихтмейстерам) Михаилу Поспелову и Тимофею Бурнашеву, направленным в 1800 г. в Ташкент по просьбе правителя города Юнус-ходжи для изыскания полезных ископаемых и открытия близ Ташкента рудных приисков.

Описаны пути к Ташкенту, селения «сверх города Ташкента» и сам город, характеризующийся как узловой пункт для «выгодной торговли» между Россией, Средней Азией, Китаем, Персией и Индией, а также минеральные богатства Ташкентского владения⁶¹.

Заслуживают особого внимания сведения о Ташкенте переводчика Отдельного Сибирского корпуса Филиппа Назарова, «посыланного в Кокант в 1813 и 1814 годах». Его «Записки», впервые опубликованные в извлечениях в 1821 г., только в 1968 г. увидели свет в наиболее полном тексте⁶².

По пути в Коканд и на обратном пути в Россию Назаров дважды, в 1813 и 1814 гг., посетил Ташкент. Он дал краткое описание Ташкентского владения и самого Ташкента, сообщив некоторые данные о современных ему политических событиях. Затем Назаров воспроизвел данные о самом городе, именуя его «областным» и «губернским» городом. В нем до 20 тыс. домов. «Кругом на пространстве 15-ти верст город обнесен высокой стеною нежженного кирпича при 12 воротах». К стене прилегли «кобывательские сады и виноградники, огороженные стенами... столь близко соединенными между собою, что оставленные между ними проходы больше похожи на коридоры, нежели на переулки». Сады находятся и в предместьях города. «Вода пропущена из реки Чирчик каналом... в каждом доме посреди двора видишь бассейн или проточную небольшую канаву, откуда женщины черпают воду и где полощат белье». Мечети «выстроены без крыш». Отметил Назаров и наличие в Ташкенте «множества древних запустелых храмов с куполами, кои построены первобытными обитателями сих мест»⁶³.

По словам участника направленной в Бухару в 1820 г. русской миссии, полковника Е. К. Мейендорфа, Ташкент, «в котором минимум 3000 домов, окружен глиняной стеной, пришедшей в упадок... (в городе) десять медресе... каналы, выведенные

⁶⁰ Книга Большому Чертежу. Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, с. 95.

⁶¹ Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 году (Выбрано из бумаг шихтмейстеров Бурнашева и Поспелова).— «Сибирский вестник», Часть IV, СПб., 1818, с. 183—252; Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. С примечаниями Я. В. Ханькова.— «Вестник Русского Географического Общества», Часть I, Кн. I, СПб., 1851, с. 1—56. В примечаниях Я. В. Ханькова содержится одна из самых ранних исторических справок о Ташкенте с XII в. до 30-х годов XIX в.

⁶² Филипп Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. Текст подготовил В. А. Ромодин. Примечания В. А. Ромодина и В. А. Урвалова.— М., 1968, 76 с. Назаров знал тюркские языки. То место в «Записках» Назарова, где он, описывая приташкентские местности — р. Чирчик, леса, горы, долины, — указывает, что они «кажется, ожидают превосходной кисти Сальватор Розы и Эвердингена», свидетельствует об образованности Назарова и его осведомленности в живописи, в частности в творчестве таких выдающихся художников, как итальянец Сальватор Роза (1615—1673) и голландец А. Ларт ван Эвердинген (1621—1675).

⁶³ О посещениях Средней Азии, в том числе Ташкента, в 1715—1886 гг. см. работу библиографического характера О. В. Масловой — «Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию», Части I—IV, Ташкент, 1955—1971.

из Чирчика, ...доставляют сюда воду и орошают поля. Ташкентский район производит хлопок и шерсть... артиллерия ташкентского бека состоит из пушек, навьюченных на верблюдов». Преобладающее население Ташкента и окрестных селений — узбеки⁶⁴

Хорунжий Н. И. Потанин в своих «Записках о Кокандском ханстве» (1829—1830 гг.) описал Ташкент, обратив особое внимание на хозяйственные занятия его населения, включая производство шелковых и бумажных тканей⁶⁵.

Полковник И. П. Бларамберг (50-е годы XIX в.) отметил оживленную караванную торговлю Ташкента с Троицком — окружным городом на р. Уй⁶⁶.

Член Захуйской экспедиции, известный ученый-естествоиспытатель Н. А. Северцов в своем описании «Поездки в Западную часть Небесного хребта (Тянь-Шаня)...» (СПб., 1867) привел ценные данные о Ташкенте и его окрестностях. Сведения о Ташкенте, его населении и истории в XIX в. содержатся также в другой работе Н. А. Северцова⁶⁷. Он особо подчеркивает роль Ташкента в торговле с Россией и Киргизской (Казахской).— Б. Л.) степью и в транзите товаров из Кульджи и Чугучака в Бухару и Коканд⁶⁸. Н. А. Северцов оставил и краткое описание разведения ташкентскими купцами в виде опыта шелковичных червей⁶⁹.

Участник поездки в 1865 г. по Туркестанскому краю полковник А. К. Гейнс в своем путевом дневнике осветил общественное и хозяйственное управление Ташкента, отведя специальный раздел «Управлению Ташкентом при Кокандском владычестве», где особое внимание уделено описанию поземельных прав, порядка обработки земель, функций и действий водной администрации, а также органам полиции и суда, садоводству, скотоводству и др.⁷⁰

В 1866 г. путешественник и журналист П. И. Пашино, драгоман (переводчик) Азиатского департамента Министерства внутренних дел, был направлен в Ташкент «для сбора научных и других сведений о Туркестане». В 1868 г. были изданы его путевые заметки «Туркестанский край в 1866 году». В них, как и в других своих публикациях, Пашино сообщил много ценных сведений о Ташкенте как одном из центров текстильного, кожевенного, мыловаренного и других производств, а также о жизни и быте жителей города. Известный ученый-естествоиспытатель А. П. Федченко в своих работах также сообщил некоторые данные по Ташкенту.

В 1866 г. Ташкент посетили по пути своего следования участники Туркестанской ученой экспедиции во главе с Н. А. Северцовым. Член экспедиции К. В. Струве обратил внимание на Ташкент как возможный научный центр астрономических и метеорологических наблюдений в Средней Азии (впоследствии он заведовал метеорологической станцией в Ташкенте).

Описания Ташкента мы находим также у Д. Телятникова, А. П. Тетеревинова, П. И. Рычкова⁷¹ и многих других.

Определенный объем сведений о Ташкенте содержали путеводители по Туркес-

⁶⁴ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Перевод с французского Е. К. Бетгера. Под редакцией и со вступительной статьей Н. А. Халфина.— М., 1975, 182 с. (Ташкент, с. 69—72 и др.).

⁶⁵ Из изданий позднейшего времени: Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н. И. Потанина.— «Записки Западно-Сибирского отд. Имп. Русского Географического Общества», Том XXXVIII, 1916, с. 209—236.

⁶⁶ Бларамберг И. Воспоминания.— М., 1976, с. 253.

⁶⁷ Северцов Н. А. Путешествие в Туркестанский край.— СПб., 1868 (также в одноименном издании: М., 1947).

⁶⁸ Северцов Н. А. Этнографические заметки о Захуйском крае.— «Известия Имп. Русского Географического Общества», Том I, СПб., 1865, с. 147—151.

⁶⁹ Северцов Н. А. Шелководство в Туркестанской области и в Кокане.— «Известия Имп. Русского Географического Общества», Том II, 1866, с. 156—157. Н. А. Северцову мы обязаны и описанием землетрясений в Ташкенте в конце июля 1866 г. и 23 марта 1868 г. (там же, Том IV, 1868, с. 243—244).

⁷⁰ Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. Том II.— СПб., 1898. Для последующего времени и характеристики общественного устройства Ташкента после его присоединения к России важны публикации: Новое городское управление в Ташкенте.— «Русский инвалид», СПб., 1868, № 134; Бродовский М. И. К 35-летию Ташкентского городского общественного управления.— Ташкент, 1912, 36 с.

⁷¹ Тетеревинов А. П. Очерк внутренней торговли киргизской степи. СПб., 1867, с. 39 (ташкентский базар с 16 караван-сараями и многими сотнями лавок, чайхан, закусовых). По Рычкову, Ташкент имел до 6000 жилых глиняных строений, восемь широких улиц, велших к воротам, каждые из которых имели свои наименования (Рычков П. И. Топография Оренбурга.— СПб., 1876, с. 21). Осталась, к сожалению, неопубликованной работа Е. К. Бетгера — «Туркестанская старина». Тематические сборники статей из книг, газет и журналов, посвященные прошлому Туркестана и составленные канд. ист. наук Е. К. Бетгером. Том I. Ташкент конца 60-х и начала 70-х годов XIX века. Ташкент, 1944, 243 л. (машиннописный экземпляр в собрании Государственной библиотеки Узбекской ССР им. Алишера Навои).

тану (Средней Азии) — Н. А. Маева (1870), Д. И. Эварницкого (1893), И. И. Гейера (1901—1908), А. И. Дмитриева-Мамонова (7-е изд., 1914); путевые заметки различных лиц: Д. О. Петрова-Борзны — [Из Ташкента] (1868)⁷², М. А. Терентьева — «Из Ташкента» (1868)⁷³, Л. Костенко — «Сведения о русском Ташкенте» (1869)⁷⁴, А. Ротчева — «Из Ташкента» (1869)⁷⁵, Н. А. Маева — «Общественная жизнь в Ташкенте» (1870)⁷⁶, В. В. Верещагина — «От Оренбурга до Ташкента» (1874), А. П. Хорошхина — «Очерки Ташкента»⁷⁷ и «От Ташкента до Самарканда» (1876), П. С. Уваровой — «Поездка в Ташкент» (1891) и др., а также общие описания Туркестанского края (Н. А. Северцов, 1873; Л. Костенко, 1880; Н. Н. Каразин — «Ташкент», 1885⁷⁸; В. И. Масальский, 1913) и т. д.

Городом-садом («так мало похожим на город-базар, излюбленный тип губернского города в старой России») называл новгородскую часть Ташкента путешественник и журналист Евгений Марков, отмечая его «аллеи-улицы, журчащие ручьями... зеленые полчища гигантов-тополей... многолюдство, простоту и уютность одноэтажных жилых строений. Вместе с тем, пишет он, «тут все военное, целые улицы полны солдат, казаков, джигитов, офицеров, генералов»⁷⁹, что и было свойственно Ташкенту как центру колониальных владений царизма в Средней Азии («в Ташкенте крепость военная... военные казармы, сверкающие штыки и пушки... даже церкви здесь военные»), о чем Марков пишет в восторженных апологетических тонах. Заслуживает внимания раздел его книги, посвященный общественным учреждениям Ташкента, учебным заведениям, передовой русской интеллигенции, промышленным предприятиям города. «Одно непостижимо, — замечает Марков, — в Ташкенте нет ни одной книжной лавки и книги «приходится покупать в разных галантерейных, табачных и бакалейных магазинах, как какой-то третьюстепенный мимоходный товар, не стоящий серьезной торговли»⁸⁰. Марков предсказывал Ташкенту «блестящую будущность, особенно когда исполнится затеянное теперь грандиозное предприятие, и железные рельсы соединят его с одной стороны с Самаркандом, Бухарою, Персиею, а с другой, — с Великим Сибирским путем»⁸¹.

По своим фактическим данным небезычтересны и этнографические наблюдения Евг. Маркова за жизнью старогородской части Ташкента («ураза», народный театр, крытые базары, улицы).

Сведения о Ташкенте времени его пребывания в составе кокандских владений содержатся в литературе по истории Кокандского ханства (труды В. В. Бартольда, В. В. Вельяминова-Зернова, Н. И. Веселовского, В. П. Наливкина и многих других).

Надо учитывать также довольно многочисленные общие публикации торгово-экономического и статистического характера по России в целом или ее «азиатским окраинам», как правило, содержащие те или иные данные по Ташкенту, подчас весьма ценные и подробные. Таковы, к примеру, сведения о Ташкенте в известном «Историческом описании российской коммерции» — составленном М. Д. Чулковым своде законодательных актов и других документов о торговле (тт. I—VII. 1781—1788), а также разновременные публикации М. И. Бродовского, Н. П. Верховского, Ю. Г. Гагенмейстера, Г. Генса, А. Ф. Губаревича-Радзбыльского, С. И. Гулишамбарова, В. И. Масальского, Л. Мейера, П. И. Небольсина, В. П. Оглобина, С. Понятовского, А. А. Семенова, М. П. Федорова, В. Юферева, И. В. Янжула и многих других.

Выделим здесь специальные публикации по Ташкенту В. П. Кузнецова⁸² и Н. Н. Пантусова⁸³.

⁷² «Петербургская газета», 1868, № 35, 57, 162 (Туркестанский сборник, Том I). В «Сводном каталоге согдийских монет. Бронза» (М., 1981, с. 13) фамилия Петрова-Борзны воспроизведена неточно («Петров-Борзина»).

⁷³ «Русский инвалид», СПб., 1868, № 119, 144 (Туркестанский сборник, Том VII).

⁷⁴ «Русский инвалид», СПб., 1869, № 95—97 (Туркестанский сборник, Том XXVIII).

⁷⁵ «Петербургская газета», 1869, № 57 (Туркестанский сборник, Том XXIV).

⁷⁶ В его Путеводителе... 1870 (также: Я. Общественная жизнь в Ташкенте.— «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1870, № 1, и другие его заметки в газете за тот же год).

⁷⁷ Хорошхин А. П. Очерки Ташкента.— В кн.: Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, с. 120—152 (также: «Русский инвалид», СПб., 1867, № 94; Туркестанский сборник, Том I).

⁷⁸ В кн.: Живописная Россия. Том X. Средняя Азия. СПб., 1885 (Ташкент в 1865—1867 и 1879 г.).

⁷⁹ Россия в Средней Азии. Очерки путешествия... Евгения Маркова. Том I. СПб., 1901, с. 466—467.

⁸⁰ Там же, с. 499.

⁸¹ Там же, с. 511.

⁸² Кузнецов В. П. Ташкент в торговом и промышленном отношениях.— «Труды Имп. Вольного экономического общества», Том IV, Вып. 4, СПб., 1866 (также «Натуралыст», 1867, № 1—3).

⁸³ Материалы для промышленной и торговой статистики Ташкента.— В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края, Вып. IV, СПб., 1876, с. 3—8.

С течением времени обозначилась группа и поныне не утративших своего научного значения материалов к изучению истории кустарно-ремесленного производства в Ташкенте. Укажем, к примеру, на публикации: Краузе И. И. Туземные и русские маслособойные заводы в Ташкенте («Русский Туркестан», Вып. 2. М., 1872, с. 38—51); Гальянов В. Статистические данные о кустарной, ремесленной, заводской и фабричной промышленности русской части Ташкента (СМССДО, I, 1891, с. 179—205); Васильев Н. Швейные мастерские в Ташкенте (там же, II, 1892, с. 425—470); Давыдов С. А. Кустарная промышленность в Средней Азии (Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Том II, СПб., 1894, с. 37—68); Габбин Н. И. Арбяное производство (арбакаш уста) в Ташкенте («Артиллерийский журнал», СПб., 1899, № 9, с. 779—797); его же. Кустарная промышленность. I. Производство седел (ленчиков) (СМССДО, VII, 1899, с. 1—54); его же. Кустарные промыслы. II. Производство арб (там же, VIII, 1900, с. 223—247); Диваев А. А. Промыслы и занятия туземцев азиатского города Ташкента («Туркестанские ведомости», 1901, № 33); Гейер И. И. Кустарные промыслы в Ташкенте. I. Астарчи («Русский Туркестан», 1902, № 166—167, 171); II. Сагарчи (там же, № 192); III. Патакчи (там же, № 214); Назаров И. Кустарные промыслы в Ташкенте. Заргарчи («Русский Туркестан», 1902, № 177, 182 и 188); его же. Иохчувачи (там же, № 198); его же. Машиначи (там же, № 209); Гейер И. И. и Назаров И. Кустарные промыслы Ташкента (Ташкент, 1909, 16 с.); одноименная брошюра Г. Головина (1909, 10 с.); статьи М. И. Бродовского и др.

То же самое можно сказать и о сохраняющих во многом свою ценность публикациях по Ташкенту историко-этнографического характера или близкого к нему профиля: Фетисов А. М. Способ разведения виноградников туземцами в Ташкенте (Протоколы Туркестанского отдела Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за 1871 год.— Ташкент, 1872, с. 63—66). X. Вакуфы в Ташкенте («Туркестанские ведомости», 1884, № 32); Маев Н. Туркестанская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в Ташкенте 1890 г. (Ташкент, 1890, 162 с.); Васильев Николай. Ташкентские татары, их браки, разводы, рождения и смертность (СМССДО, I, 1891, с. 83—112); Маркевич М. Поземельно-податные сведения по Ташкентскому уезду (СМССДО, III, 1894, с. 164—247); Ф. А. Несколько слов о ташкентских сартах («Окраина», 1898, № 67); Лыкошина Н. С. Население и смертность туземной части Ташкента (СМССДО, II, 1892, с. 397—424); его же. Роль дервишей в мусульманской общине ташкентских туземцев (там же, VII, 1899, с. 94—115); его же. Ишаны ташкентские. Перевод «Риссалья-и-тарикат» (там же, 1899, с. 116—137); его же. [Заметки по Ташкенту: местные обычаи, вопросы благоустройства, книжное дело, народные развлечения, санитарное дело, здравоохранение, народные судьи, ишаны, выборы гласных думы, городские кладбища и мн. др.⁸⁴]; его же. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения (Пг., 1916, 415 с.); Вяткин В. Л. К исторической географии Ташкентского района («Туркестанские ведомости», 1901, № 101); Диваев А. А. Народные предания о возникновении Ташкента (ПТКЛА, Год V, 1900, с. 145—151; «Туркестанские ведомости», 1900, № 91); Комаров П. А. Из поверий ташкентских сартов («Туркестанские ведомости», 1902, № 5, 6, 10, 14 и 20); Гаврилов М. Ф. Перепелный спорт у ташкентских сартов («Живая старина», СПб., 1909, II—III, с. 47—51); его же. О святом шейхе Хованд Тахуре («Туркестанские ведомости», 1911, № 173; Шейх Хонд-и Тухур — «шейх господин чистоты», сын шейха Омара Багистана.— Б. Л.); его же. Рисоля сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов. Собрал и перевел М. Гаврилов (Ташкент, 1912, 59 с.); Самойлович А. Н. Отчет о поездке в Ташкент, Бухару, Хиву («Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, СПб., 1900, № 9, с. 15—29); Будзинский Н. Народная поэзия ташкентских сартов. I. Детские песни. — X. Присказки уличных продавцов лакомств («Средняя Азия», Ташкент, 1910, IX—X, с. 160—164); Назаров. Письма из Ташкента. О табибах. Эпидемия оспы. Оспопрививатели туземцы. Туземная часть г. Ташкента. Отношение ее населения к русской медицине (там же, 1911, IX, с. 139—147); Антар. Тамаша. Картины ночной жизни в старом Ташкенте в дни уразы («Туркестанские ведомости», 1913, № 179); Семенов А. А. Ташкентский шейх Хаван-Тахур («Шейх-Антаур») и приписываемый ему куляб (ПТКЛА, Год XX, 1915, с. 25—31), и др.

В значительной мере этнографический уклон имел и один из наиболее обстоятельных очерков о Ташкенте описываемого времени, принадлежащий перу Н. А. Мае-

⁸⁴ Перечень их см.: Указатель публикаций Н. С. Лыкошина с 1890 г. по 1922 г.— «Труды САГУ им. В. И. Ленина», Новая серия, Вып. CXI, Исторические науки, Кн. 25, Ташкент, 1957, с. 197—230 (№ 36, 37, 47, 50, 51, 54, 55, 57, 58, 63, 64, 66—73, 77—86, 88, 97, 98, 107, 117, 118, 120, 127, 140, 169, 186, 188, 228, 296—298, 373, 374, 389—390, 487, 533—536, 538—545, 552, 563, 566—567, 643—650, 665, 681—712, 715, 729).

ва⁸⁵. В семи главах дается подробное описание Ташкента со множеством ценных данных о его устройстве (деление города на чегыре части под управлением мингбашей: Бешагачскую, Кукчиискую, Сибзарскую и Шейхантаурскую), ремесленных и других хозяйственных занятиях жителей, их жизни и быте (обычай, свадебные и другие обряды, жилища, одежда, пища, способы владения городской землей и др.), в частности о бытовом положении женщин, изведенных канонами Корана и шариаата на положение «рабочих волов» и «плохожих в своих синих и серых халатах на мумий» из-за ношения чачвана и паранджи.

Небезынтересны относящиеся к Ташкенту данные книги Н. П. Остроумова, которые следует воспринимать с учетом руссификаторских позиций этого видного деятеля колониальной администрации⁸⁶.

Фигурировал Ташкент и в дореволюционных энциклопедических словарях⁸⁷.

По мере накопления материала делаются попытки краткого освещения истории Ташкента в целом. В основном речь шла о небольших, преимущественно научно-популярных очерках, центр тяжести которых приходился на недавнее прошлое города и современную действительность. Чем дальше в глубь столетий, тем менее достоверными и более отрывочными становились сведения об историческом прошлом города, что зависело, однако, от современного авторам уровня знаний. Таковы были, к примеру, издания: Эварницкий Д. И. Краткая история города Ташкента.— В кн.: Эварницкий Д. И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях. Ташкент, 1893⁸⁸; Шишов А. П. Исторический очерк Ташкента.— СМССДО, XI, 1904; Гаевский В. С. Историческая справка о городе Ташкенте.— Ташкент, 1907; Луговский В. И. Ташкент 50 лет тому назад и теперь.— Ташкент, 1914; Остроумов Н. П. К 50-летию завоевания Ташкента (15 июня 1865 года—15 июня 1915 года).— ПТКЛА, Год XX, 1915, с. 3—24; Маллицкий Н. Г. Ташкент (Исторический очерк).— «Известия Ташкентской городской думы», Ташкент, 1915. Вып. 1, с. 10—21; Вып. 2, с. 76—91.

Перу Н. Г. Маллицкого принадлежал и ряд ценных статей, освещающих отдельные этапы и моменты истории города: Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие. I. Джин-го. II. Ярлык «жестокое амира». III. Смерть «жестокое амира». IV. Ташкент под Кокандским владычеством.— ПТКЛА, Год III, 1897—1898, с. 158—177; его же. К истории Ташкента под Кокандским владычеством.— Там же, Год V, 1900, с. 126—137; его же. Страница из истории Ташкента в XVII столетии.— Там же, с. 138—140; его же. Разгром Ташкента Имамкули ханом Бухарским в 1613 году.— Там же, с. 140—145⁸⁹.

До сих пор не потеряла своего значения и при критическом к ней подходе служит для историков кладом разнообразных фактических данных по Ташкенту книга А. И. Добросмылова⁹⁰. Не столь важны теперь приводимые автором устаревшие общие сведения об истории города, его географическом положении и т. п., сколько ста-

⁸⁵ Маев Н. А. Азиатский Ташкент.— Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, IV, СПб., 1876, с. 260—313; его же. Русский Ташкент.— «Нива», СПб., Май 1894 (Литературные приложения к «Ниве»). В очерке Н. А. Маева (а вслед за ним А. П. Шишова) содержались, в частности, подробные данные о махалля Ташкента.

⁸⁶ Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. Общий очерк. Издание 3-е, дополненное.— Ташкент, 1908, 288 с.

⁸⁷ Ташкент.— Большая энциклопедия... под ред. С. Н. Южакова. Том XVIII. СПб., с. 317; В. М. Ташкент.— Энциклопедический словарь «Брокгауз—Ефрон». Том XXXIIa. СПб., с. 699—702; Волков А. Ташкент.— Энциклопедический словарь... «Гранат», Том 41. Часть VII. М., стлб. 115—118, и др.

⁸⁸ Также: Эварницкий Д. И. К вопросу о начале города Ташкента.— «Туркестанские ведомости», 1892, № 29 (отклик на нее П. Ф. Петровского—там же, № 44).

⁸⁹ Поучительно, что в опубликованной в «Энциклопедии ислама» статье «Ташкент», написанной между 1927—1929 гг., В. В. Бартольд, приводя основную дореволюционную литературу по истории города, мог и счел возможным указать лишь на книгу Добросмылова, на страницы о Ташкенте в книге Масальского «Туркестанский край», да еще на страницы книги Ф. Шварца («Turkestan, die Wiege der indo-germanischer Völker, 1900), оговорив, что сведениями Шварца о Ташкенте 1874—1890 гг. «следует пользоваться с осторожностью» (Бартольд В. В. Ташкент.— Сочинения, Том III, 1965, с. 502).

⁹⁰ Добросмылов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк.— Ташкент, 1912, 520 с. (см. его же: Ташкентская пресса. I. Газеты. 2. Журналы.— «Средняя Азия», Ташкент, 1910, № 3, с. 145—152; Ташкентская ярмарка (1870—1873).— Там же, с. 153—155; его же. Ташкент. Исторический очерк.— «Туркестанские ведомости», 1909, № 201, 204, 207, 214, 219, 221, 229, 235, 262).

тистические сведения и особенно обильные, пусть с субъективной окраской, данные по хозяйственной и культурной жизни города (роль и характер экономики, научные общества, учебные заведения, печать, книжное дело, библиотеки, музеи и т. д., общественная жизнь)⁹¹.

Мы не касаемся здесь весьма обширной литературы военно-исторического характера, в которой нашло в своей совокупности подробное описание всех событий, связанных с походами царских войск на Ташкент, присоединением его в 1865 г. Такковы публикации К. К. Абазы, М. Венюкова, Н. П. Иванова, Ф. И. Лобысевича, А. И. Максеева, А. Г. Серебrenникова, М. А. Терентьева, С. Н. Южакова, Б. С. Эсадзе и многих других авторов, в том числе непосредственных участников этих событий. Как правило, такие публикации входили в сферу литературы колонизаторского, великодержавно-шовинистического и апологетического характера. Но содержащийся в них обильный фактический материал, безусловно, интересен для историков Ташкента⁹².

* * *

Рассматривая сейчас в историографическом плане дореволюционные материалы к многовековой истории Ташкента, надо констатировать, что при всех несомненных достоинствах, во многом «первопроходческом» характере, они воплощали в себе именно исходный, не лишенный стихийности этап первоначального собирания данных к истории города. В них порой причудливо переплетались данные ранних восточных авторов и более поздних путевых записей путешественников, сведения документального характера, любительские начинания краеведов и первые научные изыскания ученых — историков и востоковедов, что было явлением для своего времени естественным и неизбежным.

Особенно ощутительным было почти полное отсутствие публикаций, в которых в социально-экономическом плане специально рассматривались бы хозяйственная и общественная жизнь Ташкента, быт его «верхов» и «низов», резкий контраст в благоустройстве и повседневной жизни «старой» и «новой» частей города, проявления национально-освободительного, в последующем общедемократического и рабочего, революционного движения в среде трудовых масс⁹³.

К числу немногих исключений можно отнести книгу В. П. Наливкина, где богато и в известной мере односторонне освещалось и тяжелое положение «туземных низов», осуждались действия колониальной администрации, которая «щедро награждает (почетными) халатами и медалями негодяев, грабящих народ», окружив народ «живой стеной, почти сплошь состоящей из алчных, наглых и продажных авантюристов самого низкого разряда»⁹⁴.

Пользуясь случаем, надо особо отметить появление в свет в книжках «Недели» за 1886 г. (отдельно: Ташкент, 1913, издание А. Л. Кирснера) романа Н. Ильина «В новом краю». Автор (если Ильин не псевдоним, то речь идет о Н. Д. Ильине, учившемся в медико-хирургической академии, путешественнике, с 1876 до 1883 г. помощнике делопроизводителя канцелярии туркестанского генерал-губернатора), несомненно, был очевидцем описываемых событий в городах Туркестанского края, в том числе в городе N (Ташкент). Устами героя этого сатирического романа — чиновника Силина разоблачаются действия хищнической, продажной колониальной администрации, реальные персонажи которой легко угадываются под прозрачными псевдонимами (генерал Головачев, высший чиновник Каблуков, делец Глинка-Янчевский и др.), вскрывается облик русского и мусульманского духовенства, угрождавшего богачам в ущерб немущим, действия служилого «колониального сброда» — казнокрадов и взяточников. В уста одного из персонажей романа Саттарбека (прототип — Саттархан Абдулгафа-

⁹¹ Ташкент, его прошлое и настоящее привлекали также внимание иноземных путешественников и ученых. Зарубежная литература, содержащая более или менее подробные описания города или косвенные, попутные о нем данные, весьма обширна. Ее рассмотрение заслуживает специального экскурса, который остается за рамками данной статьи.

⁹² Накануне присоединения Ташкента население города ориентировочно «исчислялось в 100 тысяч; город в то время окружала стена протяжением в 34 версты, диаметр города от севера к югу равнялся 6 верстам; с наружной стороны города были значительные сады и поля с разного рода постройками» (Павлов Н. Г. История Туркестана. — Ташкент, 1911, с. 117).

⁹³ Если же такого рода события и находили отзвук в периодической прессе и других изданиях, то за редким исключением — в искаженном, предвзятом духе (см., напр.: Рудый А. Июльское восстание в Ташкенте (1906). — «Исторический вестник», 1909, № 6, с. 891—900).

⁹⁴ Наливкин В. Туземцы раньше и теперь. — Ташкент, 1913, с. 91, 93.

ров?— Б. Л.) вложены его слова, обращенные к царскому полковнику Гаевскому: «Вы пришли (в край) в лице не лучших Ваших людей: Вы прислали и теперь шлете нам отребье, отбросы Вашего общественного организма». Под именем Редеди выведен генерал М. Г. Черняев — любимец купцов, концессионеров и прочих денежных воротил. И сейчас роман Ильина (не лишенный, кстати сказать, ценных этнографических наблюдений по населению Ташкента) не потерял для историков значения своеобразного и по тем временам едва ли не уникального сочинения, характеризующего непримечательную колониальную действительность дореволюционного Ташкента⁹⁵.

Единственной же в своем роде работой дореволюционного времени, из которой можно почерпнуть статистические данные о численности и положении ташкентского фабрично-заводского пролетариата, явилась известная книга В. В. Заорской и К. А. Александер⁹⁶.

В этом плане для историков оказываются не менее, а зачастую — более ценными те данные, которые содержались не в специальной литературе по истории Ташкента второй половины XIX — начала XX в., а были разбросаны по страницам периодической прессы того времени, особенно в таких изданиях, как, например, газеты «На рубеже» (1907—1911), «Русский Туркестан» (1898—1907), отчасти «Окраина» (1894—1898), «Туркестанские ведомости» (1870—1917), «Самарканд» (1904—1907), «Туркестанский курьер» (1908—1917), и др.⁹⁷, статистические обзоры Сыр-Дарьинской области (1887—1916) и сборники материалов для статистики Сыр-Дарьинской области (1891—1907), памятные книжки, адрес-календари, материалы по ревизиям Туркестанского края, проведенным комиссиями во главе с сенаторами Ф. Гирсом, К. К. Паленом, сборники «Окраины России», извлечения из отчетов по Туркестанскому генерал-губернаторству, их проектов и т. п.

Огромную ценность составляют материалы известного «Туркестанского сборника» В. И. Межова и дополнений к нему с отдельно изданными или хранящимися в машинописи указателями к ним.

Добавим, что внимательный и пытливый исследователь почерпнет не лишние значения данные к истории дореволюционного Ташкента и из таких узко специальных и, казалось бы, всеми забытых изданий, как, скажем, отчеты санитарных врачей города, «статистические обзоры Ташкентской городской тюрьмы» и т. д.

И, конечно же, драгоценный материал к истории рабочего и революционного движения в Ташкенте содержали в себе листовки и другие нелегальные издания, выпускавшиеся в связи с теми или иными событиями революционными социал-демократами, материалы большевистской печати⁹⁸, по вполне понятным причинам оставшиеся за пределами внимания дореволюционных исследователей.

Подводя итоги, констатируем, что уже в дореволюционный период был накоплен пусть еще в многом отрывочный, слабо систематизированный и недостаточно обобщенный, но все же в своей совокупности весьма значительный запас разновременных и разнохарактерных сведений к истории Ташкента, чаще всего ценных по своим конкретным фактическим данным.

Наследие этого начального этапа изучения истории города оказалось, при критическом к нему отношении, весьма полезным и в послеоктябрьское время, когда советская историческая наука широко и во всеоружии современных знаний и марксистско-ленинской методологии приступила к последовательному изучению богатой и многогранной истории Ташкента — одного из крупнейших экономических, политических и культурных центров Советского Востока.

Б. В. Лукин

⁹⁵ Ср.: Кременцов Н. 80 лет тому назад... О романе Н. Ильина «В новом краю». — «Звезда Востока», 1966, № 1, с. 181—187.

⁹⁶ Заорская В. В. и Александер К. А. Промышленные заведения Туркестанского края. Разработка данных анкеты, произведенной летом 1914 г. экономической организацией изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сыр-Дарья. — Пг., 1915, 182+557 с.

⁹⁷ Авшарова М. П. Русская периодическая печать в Туркестане (1870—1917). Библиографический указатель литературы. — Ташкент, 1960, 197 с.

⁹⁸ Ср.: Федоров Е. Библиография нелегальной литературы революции 1905 г. в Средней Азии. — «Известия Среднеазиатского восточного комитета», 1926, I, с. 280—292; Черновский А. Библиография нелегальной литературы (1905—1909). — «Коммунист», Ташкент, 1922, № 7—8, с. 95—112, и др.

НОВЫЕ КНИГИ

ИРРИГАЦИЯ УЗБЕКИСТАНА

(Ташкент, «Фан» УзССР, т. I—IV, 1975—1981)

Накопленный в Средней Азии, в том числе в Узбекистане, богатейший опыт ирригационно-мелиоративного строительства приобретает сейчас, когда поставлена задача широкого развития водохозяйственных работ во многих районах страны, особо важное значение.

Стремление проанализировать и обобщить этот опыт, сделать его достоянием научных и проектных институтов, плановых и ведомственных организаций всех республик Союза обусловило необходимость издания специальной монографии, последний том которой недавно вышел из печати.

Еще в 1970 г. был образован организационный комитет по подготовке и изданию этого труда. Главным редактором был назначен Президент АН УзССР, акад. А. С. Садыков. Непосредственное научное руководство и организацию всех работ по подготовке монографии Президиум АН УзССР возложил на Совет по изучению производительных сил (СОПС) АН УзССР.

К подготовке монографии были привлечены ведущие проектные и научные организации (Средазгипроводхлопок, Узгипроводхоз, Узгипрозем, САНИИРИ и т. д.), большой коллектив крупных специалистов — ирригаторов, историков, археологов, экономистов, географов, принимавших непосредственное участие в исследовательских, изыскательских и проектных работах по ирригации и мелиорации в республиках Средней Азии.

При составлении монографии использованы многочисленные научные труды, докладные записки различных экспедиций, комплексные схемы, технические проекты, отчеты проектно-изыскательских, научно-исследовательских институтов и вузов Средней Азии, отчетные материалы министерств и ведомств.

В итоге создан капитальный, широко иллюстрированный, технически и художественно хорошо оформленный коллективный труд в составе 4 томов общим объемом около 260 изд. л.

В первом томе дано общее описание природных условий Средней Азии, определяющих необходимость искусственного орошения, и приводится краткая характеристика народного хозяйства республики с прогнозом развития производительных сил Узбекистана на перспективу. Много места отведено истории развития ирригации на территории Средней Азии с древнейших времен.

В основной части содержится описание организационной структуры управления водным хозяйством республики, достаточно полно показаны развитие научно-исследовательских работ в области ирригации, создание соответствующих институтов и подготовка инженерно-технических кадров для органов водного хозяйства.

Во втором томе даны общее описание современного состояния ирригации и перспектив ее развития в бассейне Сырдарьи, характеристика природных условий и сельского хозяйства бассейна, описание и параметры водозаборных узлов, водохранилищ, каналов, коллекторов.

Третий том монографии посвящен развитию ирригации в бассейне Амударьи: дана характеристика естественно-исторических и хозяйственных условий бассейна, современного состояния водного хозяйства и мелиорации земель, их водообеспеченности, водных ресурсов; приводятся технические характеристики и описание водохранилищ, крупных гидроузлов, каналов, коллекторов.

Особое место отведено описанию работ по освоению Каршинской степи, а также строительству и эксплуатации крупных межбассейновых перебросных каналов — Аму-Бухарского, Аму-Зангского, Эскиаггарского. Подробно освещены и вопросы машинного орошения, строительства уникальных насосных станций.

В книге нашли отражение и вопросы, связанные с падением уровня воды в Аральском море, опустыниванием дельты Амударьи и возможными негативными последствиями этих процессов.

Четвертый том монографии содержит ценный материал по наиболее важным вопросам технического прогресса в ирригации. Несколько статей посвящены актуальным вопросам мелиорации земель, практическим приемам борьбы с засолением почв, внедрению наиболее совершенных типов дренажа (закрытого, горизонтального, вертикального), а также применению особой конструкции машин по укладке дренажа.

В целом монография включает около 400 цветных и черно-белых чертежей гидротехнических, дорожных и других сооружений, более 60 карт-схем, около 560 черно-белых фотографий и графиков, свыше 660 цветных фотографий сооружений, каналов, насосных станций, поселков, зданий и т. д.

Материалы монографии имеют большое значение для пропаганды и широкого внедрения достижений технического прогресса в практику ирригационного строительства. Весьма важно и обобщение опыта координации работ специалистов различного профиля. Весь комплексный подход, тесное взаимодействие общественных, естественных и технических наук, а также усиление взаимосвязи науки и производства необходимы и при решении других крупномасштабных народнохозяйственных задач. Концентрированный в монографии опыт развития ирригации в Советской Средней Азии представляет также большой интерес для многих развивающихся стран.

Все это определяет огромное научное и практическое значение выхода в свет этого фундаментального труда.

А. В. Пугачев, Л. Ф. Камалов

**М. Х. ХАСАНОВА. СТРУКТУРА И ФУНКЦИЯ
В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ
(Ташкент, «Узбекистан», 1981, 284 с.)**

В последние годы значительно усилился интерес к философским и методологическим проблемам науки, что связано прежде всего с повышением роли науки в жизни общества, с качественным изменением ее традиционных форм, функций и предметного содержания. Это выдвигает перед марксистской философией задачу разработки философских и методологических проблем науки.

Большой интерес, в частности, представляют глубокое изучение и дальнейшая разработка системы научных категорий вообще и категорий материалистической диалектики в особенности. В этой связи наше внимание привлекает вышедшая недавно работа М. Х. Хасанова, где впервые в философской литературе на основе большого исторического и современного материала сделана попытка в монографическом плане раскрыть сущность понятий «структура» и «функция», их место среди других основных парных категорий материалистической диалектики, их роль в раскрытии методологического содержания категории системы.

Монография состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии.

Во введении обосновывается необходимость проводимого исследования, дается общая постановка рассматриваемых проблем. В первой главе: «Содержание, специфика и формирование философских категорий» — исследуются содержание, структура и закономерности развития научных понятий, раскрываются природа и специфика философских категорий и общенаучных понятий, рассматриваются методологические проблемы формирования новых категорий.

Вторая глава посвящена истории формирования категорий структуры и функции. Автор определяет понятие «система», раскрывает понятия структуры и системы в истории науки и философии, становление понятия «функция» и рассматривает превращение понятий «структура» и «функция» в философские категории.

В монографии дается обстоятельный анализ диалектики структуры, функции и системы, показывается взаимосвязь их с другими категориями диалектики, в частности с содержанием, формой, элементом, качеством, количеством, сущностью и явлением. В ходе рассмотрения этих во многом еще дискуссионных вопросов автор проводит свою оригинальную и, на наш взгляд, правильную точку зрения.

Раскрытию структуры и функции как категорий материалистической диалектики, изучению категории системы в современной науке, роли системных понятий в осмыслении явлений, взаимосвязи категорий структуры и функции с другими категориями материалистической диалектики посвящена третья глава монографии. Заслуживает высокой оценки и анализ методологической роли категорий структуры и функции в современной науке и практике, особенностей применения системно-структурного и структурно-функционального методов в современном научном познании.

Важное место отводится особенностям применения системных понятий в общественных науках, системному подходу к проблемам формирования марксистско-ленинского мировоззрения.

Подчеркивая значение структурно-функционального подхода в исследовании систем, автор в то же время выступает против его абсолютизации, что имеет место в структурализме и функционализме. В работе последовательно проводится мысль

о том, что отход от диалектики или игнорирование ее в конечном счете тормозят научное исследование и заводят его в тупик.

В четвертой главе делается правильный вывод о том, что анализ диалектики структурно-функциональных отношений определенной системы означает изучение и рассмотрение природы и сущности самой системы, ибо нельзя говорить об определенных этапах развития систем без фиксации и учета определенной относительной устойчивости процесса и характера структурно-функционального взаимодействия.

В заключении подводятся общие итоги исследования, вытекающие из анализа роли и места структуры и функции в системе категорий материалистической диалектики.

Рецензируемая работа не лишена и отдельных недостатков и упущений. Не все вопросы, имеющие отношение к исследуемым автором проблемам нашли отражение. Ряд положений носят дискуссионный характер, а некоторые из них, хотя и интересны, но недостаточно развиты. Например, автор показывает различие в соотношении объема и содержания категорий и законов материалистической диалектики. В этом плане было бы логичным проследить различие между ее категориями, законами и принципами.

В целом же работа написана на высоком идейно-теоретическом уровне и представляет собой интересный труд по сложным и актуальным проблемам материалистической диалектики.

Ж. Т. Туленов, И. М. Хайдаров

ХРОНИКА

СОЗДАНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ВСЕСОЮЗНОЙ АССОЦИАЦИИ ВОСТОКОВЕДОВ

В октябре 1980 г. в Москве была создана Всесоюзная ассоциация востоковедов (ВАВ). Основные задачи ее, согласно Уставу, состоят: в содействии исследованию на основе марксистско-ленинской методологии истории, политики, общественной мысли, экономики, права, языков, литературы, письменных памятников, географии, культуры народов Востока с древнейших времен по настоящее время; в содействии проводимой Советским государством ленинской политике мира и дружбы народов Азии и всего мира, взаимопонимания и сотрудничества Советского Союза и стран Востока; в пропаганде достижений советской востоковедной науки среди широких кругов общественности нашей страны и за рубежом; в представлении советских востоковедов в международных объединениях ориенталистов.

Учредительное собрание избрало органы управления ВАВ — президиум, бюро и ревизионную комиссию. Было принято также решение о создании отделений ВАВ в ряде союзных республик, крупных востоковедческих центрах страны.

В соответствии с этим решением, 11 сентября 1981 г. в Институте востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР состоялось учредительное собрание Узбекского отделения ВАВ.

В нем приняли участие научные работники академических институтов, ведущих востоковедные исследования, профессорско-преподавательский состав восточного факультета Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, представители других вузов республики, где изучаются те или иные проблемы ориенталистики.

Собрание открыл вступительным словом академик-секретарь Отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР, акад. АН УзССР М. К. Нурмухамедов. Доклад о задачах Всесоюзной ассоциации востоковедов и ее Узбекского отделения сделал председатель ВАВ, директор Института востоковедения АН СССР, акад. Е. М. Примаков. Он рассказал о целях и задачах этой общественной научной организации и перспективных планах ее работы на ближайшие пять лет.

Затем выступили директор ИВ АН УзССР, член-корр. АН УзССР М. М. Хайруллаев, проректор по науке ТашГУ им. В. И. Ленина, проф. Ш. М. Шамухамедов, директор Института рукописей им. Х. С. Сулейманова АН УзССР, проф. А. П. Каюмов, зав. кафедрой СамГУ им. А. Навои, проф. М. А. Игамбердыев и др. Приветствуя создание Узбекского отделения ВАВ, они выразили уверенность в том, что деятельность его будет способствовать дальнейшему развитию востоковедения в Узбекистане.

Учредительное собрание избрало бюро Узбекского отделения Ассоциации в составе 18 человек. Председателем его избран директор Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР, член-корр. АН УзССР М. М. Хайруллаев. Бюро поручено разработать план научно-организационных мероприятий и подготовки кадров востоковедов для Узбекистана и других братских республик.

У. Арипов

АЛИМ МУМИНОВИЧ АМИНОВ (1906—1981)

22 октября 1981 г. после продолжительной болезни скончался член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии Ташкентского института народного хозяйства, член КПСС с 1927 г. Алим Муминович Аминов.

А. М. Аминов родился в 1906 г. в Коканде в семье дехканина. В 1926 г. окончил Узбекский институт просвещения, в 1930 г. — Государственную педагогическую академию по специальности «политическая экономия». Годы учения в вузе совмещал с производственной деятельностью.

С 1930 г. А. И. Аминов — ассистент Самаркандского сельскохозяйственного института, с 1932 г. — один из организаторов, заместитель директора и одновременно заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин Государственного института хлопководства в Коканде; с 1934 г. — доцент кафедры политэкономии Ташкентского государственного педагогического института им. Низами; в 1938—1952 гг. — доцент, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма, политической экономии Ташкентского текстильного института (в 1945—1948 гг. — директор Института экономики АН УзССР). С 1952 г. А. М. Аминов был доцентом, заведующим кафедрой политической экономии Ташкентского института народного хозяйства, с 1966 г. — директором и одновременно заведующим кафедрой политической экономии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при ТашГУ им. В. И. Ленина. С 1969 г. до последних дней жизни он возглавлял кафедру политической экономии Ташкентского института народного хозяйства.

В 1941 г. Алим Муминович защитил кандидатскую диссертацию «Ликвидация технико-экономической и культурно-политической отсталости Узбекистана», в 1955 г. — докторскую — «Очерки по экономической политике царской России в Средней Азии (со второй половины XIX века до начала первой мировой войны 1914—1918 годов)». В 1933 г. ему было присвоено звание доцента, в 1959 г. — профессора, в 1964 г. — заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, а в 1968 г. он был избран членом-корреспондентом АН УзССР.

Перу А. М. Аминова принадлежит свыше 100 публикаций по экономической истории Средней Азии дореволюционного периода и развитию экономики Советского Узбекистана. В их числе — книги «Экономическое развитие Средней Азии со второй половины XIX столетия до первой мировой войны» (1959), «Торговые сношения Средней Азии с Россией в XVI—XIX вв.» (1959), «Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России» (1966, совместно с А. Х. Бабаходжаевым), «Проблемы экономической истории Средней Азии и ее зарубежные критики» (1972) и др. А. М. Аминов был одним из составителей учебника по политической экономии социализма (на узбекском языке) и одним из авторов учебника «Политическая экономия социализма» (Москва); подготовил к печати русско-узбекский словарь экономических терминов. Под его руководством и при непосредственном участии издана книга «Экономическая история Советского Узбекистана, 1917—1965» (1966).

А. М. Аминов был ответственным редактором ряда книг по истории экономического развития Советской Средней Азии. В течение многих лет Алим Муминович был членом редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане», на страницах которого опубликован ряд его статей.

А. М. Аминов был активным участником многих международных, всесоюзных, региональных и республиканских научных форумов.

Большое внимание уделял Алим Муминович подготовке и воспитанию кадров экономической науки. Под его руководством подготовлено 50 кандидатов и докторов наук.

Партия и правительство высоко оценили заслуги А. М. Аминова, наградив его орденом Трудового Красного Знамени, медалями, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета УзССР.

Светлая память о неугомонном ученом, талантливом педагоге, замечательном человеке Алиме Муминовиче Аминове навсегда сохранится в сердцах тех, кто его знал и работал с ним.

Группа товарищей

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ТЕМАТИКА ДОКТОРСКИХ И КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ ПО ПРОБЛЕМАМ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Докторские диссертации

1. Развитие гражданского процессуального законодательства Узбекской ССР и проблемы его совершенствования.
2. Конституционные принципы советского гражданского процесса.
3. Судебное решение — важнейший акт социалистического правосудия.
4. Сущность и значение кассационного производства.
5. Надзорное производство — исключительная стадия гражданского процесса.
6. Закон о Государственном арбитраже в СССР и проблемы совершенствования процессуального рассмотрения хозяйственных споров.
7. Судебная защита авторских прав изобретателей и рационализаторов (по материалам УзССР).

Кандидатские диссертации

1. Развитие законодательства о подведомственности трудовых споров.
2. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процесса.
3. Сущность и значение гражданской процессуальной формы.
4. Закон о прокуратуре СССР 1979 г. и участие прокурора в гражданском процессе по алиментным делам.
5. Прокурорский надзор за рассмотрением судами споров, возникающих из брачно-семейных отношений.
6. Закон об адвокатуре в СССР и проблемы повышения эффективности судебного представительства.
7. Встречный иск.
8. Письменные доказательства в советском гражданском процессе.
9. Сущность и значение подготовки дела к судебному разбирательству по отдельным категориям гражданских дел.
10. Процессуальные гарантии прав сторон по делам о расторжении брака.
11. Процессуальные особенности рассмотрения споров о детях.
12. Процессуальные особенности рассмотрения трудовых споров.
13. Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений.
14. Установление фактов, имеющих юридическое значение.
15. Производство по делам об исключении имущества от описи и ареста.
16. Гражданский иск в уголовном процессе.
17. Значение принудительного исполнения судебных постановлений.
18. Рассмотрение гражданских споров в товарищеских судах.
19. Развитие законодательства об охране прав женщины и детей (по материалам ККАССР).

*Составитель — заслуженный деятель науки УзССР,
доктор юридических наук, профессор
Я. Е. Песин.*

Утверждено научным Советом по проблеме «Закономерности развития государства, управления и права» АН УзССР.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1981 ГОД

ПЕРЕДОВЫЕ		№	стр.
Годичное общее собрание Академии наук Узбекской ССР		4	3—13
Форум коммунистов Узбекистана		2	3—6
СТАТЬИ			
Абдусаламов М. Межрайонные аспекты долгосрочного развития Узбекистана		1	76—80
Азизходжаев А. А., Садыков У. А. Конституционные вопросы участия союзных республик в деятельности органов Союза ССР		10	8—12
Акилов К., Баракаев Д. Рабочий класс Узбекистана и развитие художественной культуры		10	17—27
Аллабергенов А. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности		9	32—39
Аскараров А. А., Мухамеджанов А. Р. Археология в Узбекистане: новейшие открытия		2	42—49
Асфандияров И. У. Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР		8	3—12
Ахмедова М. А. Социальный опыт и его значение в историческом познании		7	22—26
Ахмедшаева М. А. Организация управления культурой в свете новой Конституции СССР		10	13—16
Ахунова М. А. Историческая наука в Узбекистане в годы десятой пятилетки		2	27—31
Бабаханов Б. Ю. Диалектика интернационального и национального в культуре советского народа		5	21—26
Бабаходжаев М. Участие УзССР в культурном сотрудничестве СССР со странами Ближнего и Среднего Востока (Вторая половина 70-х годов)		7	10—15
Батыгин А. Г., Мусиенко И. В. Формирование территориально-производственных комплексов на землях нового освоения		1	73—75
Бахретдинова Х. А., Каданер Э. Л., Файзиев Н. М. Планирование социально-экономического развития городов и некоторые вопросы его совершенствования		1	81—85
Бедринцев К. Н. Узловые социально-экономические проблемы долгосрочного развития производительных сил Узбекистана		1	35—39
Блиндер И. Б., Чуманова Н. И., Таджимуратов М. А. Региональные проблемы воспроизводства на этапе развитого социализма		1	30—34
Бовшовер З., Мухамеджанов А. Новое в законодательстве о гарантиях трудовых прав рабочих и служащих		12	20—24
Булгаков П. Г. К итогам востоковедческих исследований в десятой пятилетке		2	50—56
Буторин А. О., Фатахов Е. Н., Абдусаламов М. А. К проблеме использования минерально-сырьевых ресурсов Узбекистана		1	86—89
Васикова М. С. Координация работы по правовому воспитанию граждан		10	3—7
Воробьева С. И. Обычай и традиции в системе социальных норм социалистического общества		6	14—20
Галкин В. Н., Мусаева Т. Б., Муртазина Р. Б. К прогнозированию численности населения и его занятости в региональных условиях Узбекистана		1	40—42
Джалилов И. Ленинский «Декрет о земле» и современная аграрная политика КПСС		4	20—25
Джуманиязов Р. Повышение культуры быта села (По материалам Хорезмской области УзССР)		9	13—19
Джураев Я. Т. Рукописные памятники литературы — ценное достояние народа		2	63—66

Ежов А. Н., Ковалев А. А. Хозяйственный расчет как экономическая категория	11	3—10
Живаев В. К., Иватов И. Социально-экономическая сущность колхозно-рыночной торговли и ее значение в условиях развитого социализма (На материалах УзССР)	5	16—20
Закиров И. Б. Источники гражданского права Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик	8	18—24
Зиядуллаев С. К. Совершенствование планирования научно-технического прогресса	1	24—29
Искандеров И. И. Повышение эффективности науки в условиях развитого социализма	1	13—23
Исмаилова Э. Среднеазиатская миниатюра в рукописях XVIII—XIX веков	9	48—56
Ишанов А. И., Уразаев Ш. З., Агзамходжаев А. А., Блиндер Б. А. Важнейшие итоги и задачи развития юридической науки в республике	2	17—26
Ишмухамедов А. Э. Об использовании вторичных энергоресурсов	1	95—98
Кабанова К. А. Формирование и развитие агропромышленного продовольственного комплекса в УзССР	1	67—72
Кадыров М., Кароматов Ф., Ремпель Л. Искусствоведение Узбекистана в минувшей пятилетке — проблемы и свершения	2	57—62
Каланова Л. З. О повышении эффективности жилищно-коммунального хозяйства Узбекистана	6	10—13
Калякин П. В. Развитие промышленности УзССР и совершенствование ее структуры	1	52—58
Камалов С. Миссия Тевкелева и первое добровольное принятие каракалпаками подданства России	12	30—33
Камилова С. С. Сущность и гносеологическая функция научной проблемы	12	25—29
Каримов С. К развитию понятия материи в современной науке	10	33—42
Касымова М. Ш. Участие воинов-узбекистанцев в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой	12	3—8
Лапкин К. И., Рахимов Э. Д., Золотарев Э. Л. О мерах по снижению отрицательных социально-экономических последствий усыхания Аральского моря	1	63—66
Лапкин К. И., Рахимов Э. Д., Пугачев А. В. Улучшение водообеспеченности и вопросы переброски части стока сибирских рек	1	59—62
Лунин Б. В. Историография и источниковедение в Узбекистане: состояние и задачи	2	32—41
Мадраимов А. А. Камалиддин Бехзад (К юбилею художника)	5	27—30
Маннапов А. Т. Взаимодействие культур и его роль в развитии философской мысли	6	21—27
Массон В. М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (Вопросы периодизации и хронологии)	4	30—38
Массон В. М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (Вопросы типологии поселений и культурогенеза)	6	36—43
Миренский Б. А. Роль общественного мнения в совершенствовании законодательства о борьбе с правонарушениями	9	40—47
Мукминова Р. Г. Из истории позднесредневекового Ташкента	11	30—44
Песня Я. Е. Основные положения Закона о Государственном арбитраже в СССР	3	23—28
Равшанов А. Общее и особенное в создании и укреплении союза рабочего класса с крестьянством в ранее отсталых странах (На материалах Узбекской ССР)	10	28—32
Рахимбабаева Т., Абасова Л. О формах культурного сотрудничества народов СССР на современном этапе	7	3—9
Рахманов Р. К проблеме исследования личностных аспектов интернационального сознания	9	20—25
Садыков А. С. О дальнейшем развитии фундаментальных и прикладных исследований в области хлопководства в научных учреждениях УзССР	1	3—12
Салимов С. А., Габдукаев Р. А. К совершенствованию структуры управления первичными подразделениями предприятия	7	16—21
Соковнин В. И. Проблемы охраны окружающей среды	1	90—94
Соковнин В. И., Уфимцева О. А. Состояние воздушной среды в республике и меры по ее оздоровлению	9	26—31
Сулейманова Ф. К. Ибн Сина и европейская культура	8	25—32
Таджимуратов М. А. О формировании и совершенствовании региональных пропорций социалистического воспроизводства	12	14—19

Ташходжаева Н. Патриотизм колхозного крестьянства Узбекистана в период битвы за Москву	12	9—13
Туленова Н., Супрун Г. Деятельность Советского государства по регулированию меры труда и меры потребления	9	3—12
Турсунмухамедов С. П. XXVI съезд КПСС о развитии социально-классовой структуры советского общества	5	3—9
Тухляев Н. Агропромышленная интеграция и дальнейшее совершенствование кооперативно-колхозной собственности	6	3—9
Убайдуллаева Р. А. О повышении эффективности использования трудовых ресурсов на селе	1	43—46
Ханазаров К. Х. Достижения и перспективы философской науки в Узбекистане	2	7—16
Хасанов М., Егоров Ю., Маруфи М. Роль категорий структуры и функции в познании законов функционирования и развития	3	29—37
Хикматов А. Х. Совершенствование планирования капитальных вложений в новых условиях хозяйствования	1	47—51
Хусанов А. Т. Важная форма проявления социалистической демократии	11	17—23
Шаниязов К. О роли карлукского компонента в этногенезе узбекского народа	6	28—35
Шарифжанова Г. Ш. К методике количественного расчета влияния социально-экономических факторов на уровень производительности труда	8	13—17
Шахабов С. М. Развитие промышленности в зоне Голодной степи и его социально-экономическое значение	5	10—15
Эргашева С. Р. Совершенствование управления сельскохозяйственным производством в системе народнохозяйственного хлопкового комплекса УЗССР	11	11—16
Эрматов Х. Э. О трактовке категории «единство» в современной философской литературе	11	24—29
Юлдашев К. В. И. Ленин о методике К. Маркса по выработке системы экономических законов и категорий	4	14—19
Юлдашева Д. Г. Социалистическое соревнование в промышленности Узбекистана в честь XXVI съезда КПСС	3	18—22
Юсупов Э. Ю. XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы развития общественных наук	3	3—17
Юсупов Э., Турсунов Х. К истории восстания 1916 г.	4	26—29

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, ОТКРЫТИЯ, НАХОДКИ

Ахмедов А., Розенфельд Б. А. Кто изобрел астрояблук «заркала»	8	47—48
Караев Э. Мраморная колонна XV века с исторической надписью	5	31—33
Мадраимов А., Мусаев Ш. Неизвестные миниатюры гератской школы из фонда Института востоковедения АН УЗССР	10	52—56
Тургунов Б. А., Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме (Предварительное сообщение)	3	38—48
Юсупова Д. Ю. Новые документы, относящиеся к биографии Алишера Навои	12	43

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Абдуразаков А. А., Ильхамов Ш. И. Реставрация редкого памятника средневековья	9	61—63
Ахмедова Н. И. О деятельности печати Узбекистана в период Великой Отечественной войны	6	46—48
Гапурова Г. Н. Об усилении материальной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции	8	35—37
Зайров Ш. Ш. Участие трудящихся Украины в строительстве нового Ташкента	8	37—39
Зульяров А. Роль банковского кредитования социалистических кооперативных организаций	8	33—35
Ибрагимов А. Ю. Партийно-политическая работа среди сельских тружеников Узбекистана в военные годы	6	44—46
Касымова М. Ш. Идеологическая работа в узбекских национальных частях в годы Великой Отечественной войны	5	38—40
Маньковская Л. Свод памятников художественной культуры — научная основа их охраны	8	39—43
Муртазина Р. Б. К вопросу повышения трудовой активности женщин Узбекистана	9	59—61

Мухамедов А. Р. К оптимизации контрольно-надзорных функций системы госгортехнадзора СССР	7	27—28
Мухиддинов Р. М., Салохиддинов З. С. Резервы и пути интенсификации сельского строительного производства	11	45—48
Обломуратов Н. Помощь трудящихся УзССР в восстановлении учреждений культуры освобожденных районов страны	6	48—50
Панченко С. К. М. Федоров — пропагандист идейного наследия Н. Г. Чернышевского в Средней Азии	8	43—46
Рабич Р. Г. Развитие материальной основы сближения народов СССР в условиях зрелого социализма (На материалах республик Средней Азии)	4	39—42
Раджабов С. Рост материального благосостояния сельских тружеников Узбекистана в условиях развитого социализма (На материалах Хорезмской области)	7	28—30
Сагдуллаев А. С. Древние пути на юге Узбекистана	7	33—38
Саидов А. С. О рациональном использовании и охране горных районов Узбекистана (На примере Мальгузарских гор)	10	43—45
Ставиский Б. Я. К двадцатилетию экспедиции на Каратапа (Термез)	12	38—42
Ставиский Б. Я., Жукова Н. Н. Из истории создания Туркомстарица (К 60-летию со дня основания)	3	51—53
Туракулова Х. Развитие шефской помощи рабочего класса Узбекистана крестьянству на современном этапе	3	49—51
Усманов Ш. Рост материального благосостояния трудящихся Узбекистана в 1965—1975 годах (На примере Ташкента)	4	42—44
Устинова В. И. Развитие движения наставников в промышленности УзССР на современном этапе	5	34—36
Хабибуллаев Н. Н. О производстве писчей бумаги в Средней Азии конца XIX — начала XX века	11	51—54
Халмунинов К. Т. О деятельности СНК УзССР по размещению эвакуированных предприятий в период Великой Отечественной войны	5	36—38
Хамидова Г. М. Дальнейшее укрепление семьи в условиях общества развитого социализма	10	45—48
Хамидова Д. Подготовка кадров для сельского хозяйства в средних специальных учебных заведениях УзССР (1966—1975)	12	34—38
Хасанова Д. Д. Дальнейшее улучшение производственного быта сельских тружеников Узбекистана	7	30—33
Хатамов У. Х. Восстановление и развитие животноводства в южных районах Узбекистана в 1925—1928 годах	6	50—52
Ходжиматов К. Д. Новые традиции и обряды как важное средство борьбы с религиозными пережитками	11	48—51
Чариев А. Рост общественно-политической активности советской молодежи	10	48—51
Юсупова Н. М., Ким М. Д. Ускорение освоения производственных мощностей — важный фактор интенсификации производства	9	57—59

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Файзиев М. М. Использование сравнительного метода в преподавании юридических дисциплин	3	54—56
--	---	-------

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ВУЗАХ

Файзиев Р. Ф. Организация общественно-политической практики студентов (Из опыта Андижанского института хлопководства)	6	53—55
---	---	-------

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ РАБОТА В ВУЗАХ

Богословская Е. И. Об опыте использования технических средств обучения в ИПК при ТашГУ имени В. И. Ленина	8	49—51
Каримов Р. А., Кадыров Н. Из опыта учебно-методической работы на кафедре истории КПСС ТашМИ	11	55—56
Эшкуватов О. Э. О совершенствовании преподавания истории стран Азии и Африки в вузах УзССР	9	64—66

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

Астанова Г. Ю. Архивные документы о категориях и формах феодального землевладения Западной Бухары (Вторая половина XIX — начало XX века)	3	57—60
--	---	-------

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Ахмедов Б. А. О роли письменных памятников в изучении этногенеза узбекского народа . . . . . 12 44—50
- Хуршут Э. «Тарих-и кипчак-хани» — важный источник по истории Средней Азии и Северного Афганистана XVI—XVII веков . . . . . 6 56—60

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Абуталипов А. Ч. Басмачество в Средней Азии: домыслы французских советологов и историческая действительность . . . . . 7 39—45
- Ахмедхаджаев И. И. Из истории становления советской историографии Афганистана 1919—1924 годов . . . . . 3 61—64
- Ахтямова Ю. С. К критике буржуазной фальсификации дружбы народов СССР в годы Великой Отечественной войны . . . . . 5 41—45
- Лунин Б. В. История изучения прошлого и настоящего города Ташкента. I. Дореволюционный период . . . . . 12 51—63
- Нуруллаев А. К историографии сельскохозяйственного отряда рабочего класса Узбекистана . . . . . 9 67—70
- Султанов М. К историографии творческой активности рабочего класса Узбекистана в условиях развитого социализма (1966—1975) . . . . . 4 45—47
- Усманова Э. З. К критике буржуазных концепций социо-культурных проявлений когнитивных стилей (По публикациям Г. Виткина) . . . . . 4 47—51

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Ахмедов Б. А., Полякова Е. А. *Джон Вудс*. Ак-койунлу. Клан, конфедерация, империя . . . . . 4 55—58
- Гарбер Л. Е., Зведенюк А. В. *Р. Р. Абдурахманов*. Разработка проблем диалектического материализма в трудах философов Узбекистана . . . . . 3 65—66
- Ибрагимова А. Ю., Рашидов Г. Р., Муминов К. Б. *Л. П. Сечкина*. Доблестные сыны Таджикистана на фронтах Отечественной войны (1941—1945) . . . . . 4 54—55
- Исмаилов Б. И., Платонов В. В. *В. Самышкин*. Физический и умственный труд в условиях развитого социализма . . . . . 4 53—54
- Камалетдинова Н. М., Кулешов С. В. *Г. П. Макарова*. Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 г. Восточные районы . . . . . 3 67—68
- Каримов М. Х. *М. В. Иордан*. Интернационализм против национализма . . . . . 5 47—48
- Каюмов Р. К., Алимов Х. Р., Кадыров А. К. Новая Конституция СССР и управление народным хозяйством . . . . . 4 52—53
- Лем Г. П., Зведенюк А. В. *Ж. Туленов*. Проблема гибкости категории в марксистской диалектике . . . . . 10 57—58
- Мухамеджанов А. Р. *Т. К. Ходжайов*. К палеоантропологии древнего Узбекистана . . . . . 5 48—50
- Пинхасов Б. И. Законодательство Узбекской ССР и укрепление социального правового порядка . . . . . 5 46—47
- Хайдаров И. М., Бирюков Д. В. Диалектика развития понятий в современной науке . . . . . 11 57—58

НОВЫЕ КНИГИ

- Абдуразакова Д. Б. Необъявленная война. Вооруженная интервенция и другие формы вмешательства во внутренние дела Демократической Республики Афганистан 8 53
- Акилов К. А., Жураев М. Ж. *У. Х. Камалов*. Высшая школа Узбекистана в период строительства социализма. Из опыта развития высшего образования в Узбекистане . . . . . 6 63—64
- Ахмедов Г. А., Айтметова С. Ш. *А. И. Островский*. Профилактика правонарушений школьников . . . . . 6 62—63
- Вахидов Х. П., Абдурашидов М. Взаимодействие культур и эстетическое развитие личности . . . . . 9 72—73
- Восточная миниатюра в собрании Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни Академии наук УзССР 3 69
- Исламов З. М. *Ш. Уразаев*. Советская политическая система . . . . . 7 47—48
- Исхаков Ф. Б. *Т. Рузиев*. История рабочего класса Пакистана . . . . . 6 64—65

Лапкин К. И., Убайдуллаева Р. А. И. Искандеров. Проблемы экономической науки в Советском Узбекистане	6	61—62
Новое французское издание «Бабур-намэ»	3	69—70
Очильдиев Д. Я., Гафуров А. Д. Алламурадов. Роль Советов в развитии хлопководства	8	52
Пугачев А. В., Камалов Л. Ф. Иригация Узбекистана	12	64—65
Рабич Р. История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия вторая. Том XI. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945—1961 гг.	7	49—50
Рахманкулов Х.-А. Р., Саркисянц Г. П., Стерник И. Б. Ш. Ш. Шарахметов. Гражданское процессуальное право Узбекской ССР	7	48—49
Созыкин Н. К. Э. А. Аликулов. Основное производственное отношение и основной экономический закон социализма	7	46—47
Туленов Ж. Т., Хайдаров И. М. М. Х. Хасанов. Структура и функция в системе категорий материалистической диалектики	12	65—66
Туленов Ж., Юнусов Э., Гафуров З., Утанов С. Саид Шермухамедов. Некоторые вопросы теории и практики развития социалистической культуры	7	48
Юсупов Э. Ю. Диалектика интернационального и национального в социалистическом обществе	9	71—72

ХРОНИКА

Арипов У. Создание Республиканского отделения Всесоюзной ассоциации востоковедов	12	67
Ахмадходжаев Э. В Институте рукописей им. Х. С. Сулейманова АН УзССР	4	60
Багдасаров В. Ш. Конференция по вопросам комплексного использования технических средств обучения при изучении материалов XXVI съезда КПСС	7	52—53
Багдасаров В. Ш. Республиканская конференция по вопросам проблемного обучения	10	59
Бахадыров Р. М. Юбилей великого художника	6	67
Бойко Л. М., Гаппаров С. М. Советско-японский симпозиум правоведов	3	74
Гайбуллаева Г. Всесоюзная научная конференция «Актуальные проблемы социалистической культуры»	3	71—72
Касым-Ходжаев А. С. Общее годовичное собрание Отделений общественных наук АН УзССР	4	59—60
Мукминова Р. Г. «Бартольдские чтения-81»	5	51—52
Петроченко З. У. Собрание актива научных учреждений АН УзССР	9	77—78
Саидкасымов С. Республиканское совещание по координации исследований проблем историко-партийной науки	9	74—77
Турсунмухамедов С. П., Алламурадов Д. А. Всесоюзная конференция историков педагогических вузов	3	72—74
Турсунмухамедов С., Туленов Ж. Конференция по проблемам интернационализации духовной жизни советского народа	8	54—55
Файзиев М. М. Очередная выездная сессия по координации научной деятельности академий наук союзных республик	7	51—52
Шахалилов Ш. Всесоюзное совещание руководителей ленинских музеев К 75-летию А. Н. Кононова	6	66—67
К 60-летию Ю. А. Полякова	10	60—61
К 60-летию Ю. А. Полякова	9	79—80
Рустам Хакимович Абдушукуров (1910—1981)	5	53
Алим Муминович Аминов (1906—1981)	12	68—69
Перечень утвержденных тем докторских и кандидатских диссертаций по истории СССР	2	67—68
Перечень утвержденных тем докторских и кандидатских диссертаций по философии и научному коммунизму	4	61—62
Перечень утвержденных тем докторских и кандидатских диссертаций по философии и научному коммунизму	8	56—57
Рекомендуемая тематика докторских и кандидатских диссертаций по истории философской и общественно-политической мысли народов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока	5	54—55
Рекомендуемая тематика докторских и кандидатских диссертаций по проблемам гражданского процесса	12	70

МУНДАРИЖА

Москва остоналаридаги жангнинг 40 йиллигига

М. Ш. Қосимова. Немис-фашист босқинчиларининг Москва остоналарида тор-мор этилишида Ўзбекистонлик жангчиларнинг иштироки	3
Н. Тошхўжаева. Москва учун бўлган жангларда Ўзбекистон колхозчи-деҳқонларининг ватанпарварлиги	10
М. А. Тожимуродов. Социалистик такрор ишлаб чиқариш регионал мутаносиблигининг шаклланиши ва камол топиши ҳақида	14
З. Бовшовер, А. Муҳаммаджонов. Қонунчиликда ишчи ва хизматчилар ҳуқуқининг кафолати тўғрисида янгилнк	20
С. С. Комилова. Илмий проблеманинг моҳияти ва гносеологик функцияси	25
С. Камолов. Тевкелев миссияси ва қорақалпоқларнинг ихтиёрий равишда Россия тобелигига қабул қилиниши	30

Илмий ахборот

Д. Ҳамидова. ЎзССР ўрта махсус ўқув юртларида қишлоқ хўжалиги мутахассисларини тайёрлаш (1966—1975)	34
Б. Я. Ставиский. Қоратепа (Термиз) экспедициясининг йигирма йиллигига	38

Фан янгилклари: изланишлар, кашфиётлар, топилмалар

Д. Ю. Юсупова. А. Навоий таржimai ҳолига доир янги ҳужжатлар	43
--	----

Манбашунослик

Б. А. Аҳмедов. Ўзбек халқининг келиб чиқишини ўрганишда ёзма ёдгорликларнинг роли ҳақида	44
--	----

Тарихшунослик

Тошкентнинг 2000 йиллигига

Б. В. Лунин. Тошкент шаҳрининг ўтмиш ва ҳозирги даврини ўрганиш тарихи I. Революциягача бўлган давр	51
---	----

Янги китоблар

А. В. Пугачёв, Л. Ф. Камолов. Ўзбекистон ирригацияси	64
Ж. Т. Гуленов, И. М. Ҳайдаров, М. Х. Ҳасанов. Матерналистик диалектика категориялари системасида структура ва функциянинг ўрни	65

Хроника

У. Орипов. Шарқшуносларнинг Бутуниттифоқ ассоциацияси Республика бўлимининг ташкил этилиши	67
--	----

Олим Мўминович Аминов (1906—1981)	68
--	----

Гражданлик процесси проблемалари бўйича тавсия этилувчи докторлик ва кандидатлик диссертациялари тематикаси	70
---	----

Журналнинг 1981 йил мундарижаси	71
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

К 40-летию победы под Москвой

М. Ш. Касимова. Участие воинов-узбекистанцев в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой	3
Н. Ташходжаева. Патриотизм колхозного крестьянства Узбекистана в период битвы за Москву	10
М. А. Таджимуратов. О формировании и совершенствовании региональных пропорций социалистического воспроизводства	14
З. Бовшовер, А. Мухамеджанов. Новое в законодательстве о гарантиях трудовых прав рабочих и служащих	20
С. С. Камилова. Сущность и гносеологическая функция научной проблемы	25
С. Камалов. Миссия Тевкелева и первое добровольное принятие каракалпаками подданства России	30

Научные сообщения

Д. Хамидова. Подготовка кадров для сельского хозяйства в средних специальных учебных заведениях УзССР (1966—1975)	34
Б. Я. Ставиский. К двадцатилетию экспедиции на Каратепа (Термез)	38

Новое в науке: поиски, открытия, находки

Д. Ю. Юсупова. Новые документы, относящиеся к биографии Алишера Навои	43
---	----

Источниковедение

Б. А. Ахмедов. О роли письменных памятников в изучении этногенеза узбекского народа	44
---	----

Историография

К 2000-летию Ташкента

Б. В. Лунин. История изучения прошлого и настоящего города Ташкента. 1. Дореволюционный период	51
--	----

Новые книги

А. В. Пугачев, Л. Ф. Камалов. Ирригация Узбекистана	64
Ж. Т. Туленов, И. М. Хайдаров, М. Х. Хасанов. Структура и функция в системе категорий материалистической диалектики	65

Хроника

У. Арипов. Создание Республиканского отделения Всесоюзной ассоциации востоковедов	67
---	----

<u>Алим Муминович Аминов (1906—1981)</u>	68
--	----

Рекомендуемая тематика докторских и кандидатских диссертаций по проблемам гражданского процесса	70
---	----

Содержание журнала за 1981 год	71
--	----

НАШИ АВТОРЫ

- Камалов С.**— академик АН УзССР, председатель Президиума Каракалпакского филиала АН УзССР.
- Ахмедов Б. А.**— доктор исторических наук, зав. отделом Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Луниин Б. В.**— доктор исторических наук, зав. отделом историографии Института истории АН УзССР.
- Ставиский Б. Я.**— доктор исторических наук, зав. отделом Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации Министерства культуры СССР.
- Туленов Ж. Т.**— доктор философских наук, проректор по научной работе Ташкентского государственного педагогического института им. Низами.
- Арипов У.**— кандидат филологических наук, зав. сектором литературы народов зарубежного Востока Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Бовшовер З.**— кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и семейного права юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Камалов Л. Ф.**— зав. сектором социально-экономических проблем перероски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан СОПС АН УзССР.
- Камилова С. С.**— кандидат философских наук, доцент кафедры диалектического и исторического материализма Ташкентского государственного педагогического института им. Низами.
- Касимова М. Ш.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Мухамеджанов А.**— кандидат юридических наук, зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин Ташкентской высшей школы МВД СССР.
- Таджимуратов М. А.**— кандидат экономических наук, ст. научный сотрудник СОПС АН УзССР.
- Ташходжаева Н.**— кандидат исторических наук, мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Хайдаров И. М.**— кандидат философских наук, зав. кафедрой философии Ташкентского института усовершенствования врачей.
- Юсупова Д. Ю.**— кандидат филологических наук, мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Пугачев А. В.**— ст. научный сотрудник СОПС АН УзССР.
- Хамидова Д.**— методист Управления преподавания общественных наук Министерства высшего и среднего специального образования УзССР.

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. Ю. Чурина*

Сдано в набор 3.12.81. Подписано к печати 4.01.82. P05501. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 6,7. Тираж 1357. Заказ 250. Цена 40 к.

Издательство «Фан» УзССР, Ташкент, 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Цена 40 к.

Индекс
75349